

*По благословению
митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора
Дворянское Собрание Кубани*

**«Недаром помнит вся Россия...»:
эпоха 1812 года
и Русское дворянство»**

*Материалы
VIII Международных Дворянских чтений*

Краснодар (Екатеринодар)
2012 г.

ББК 63.3 (2) 47
УДК 94(470) «1812»
Н 42

Рецензенты

Хлынина Татьяна Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН

Марзоев Ислам-Бек Темурканович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ)

Научный редактор:

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Ответственный редактор:

Сухачева Е.М., предводитель Дворянского Собрания Кубани, член Союза писателей Украины

Н 42   **«Недаром помнит вся Россия...»: эпоха 1812 года и Русское дворянство» / Материалы VIII Международных Дворянских чтений.** Краснодар: изд-во: «Кубанькино», 2012. – 224 с.

ISBN 5 – 94932 – 001 – 8

ББК 63.3 (2) 47
УДК 94(470) «1812»

ISBN 5 – 94932 – 001 – 8

© Дворянское Собрание Кубани, 2012

Отечественная война 1812 г. и Русское дворянство

А.А. Семенов (г. Армавир)

Франция и Россия в Отечественной войне 1812 г.: от противостояния к новому облику европейской цивилизации

Россия начала XIX в. была в полной мере вовлечена в европейские дела и большую европейскую политику. Больше того, пожалуй, это был период, когда Россия оказывала максимальное воздействие на европейские политические процессы и была максимально приближена, насколько это возможно, в военно-политическом отношении к странам остальной Европы.

Уже начиная с Императора Петра I, Россия начинает принимать активное участие в общеевропейских событиях. В исторический период, связанный с наполеоновскими войнами, ее участие в европейских делах существенно возросло, и именно с ней связывали свои надежды и политические расчеты многие европейские народы. В этот момент Россия оказалась ключевым игроком в геополитическом раскладе сил и единственной страной, которая мешала установить наполеоновской Франции гегемонию над всей континентальной Европой. Отечественная война 1812 г. стала, таким образом, прямым следствием данной вовлеченности России в общеевропейскую политику и общеевропейские процессы. Могла ли она стоять в стороне от них? Представляется, что в данный исторический период это было бы просто невозможно, и желания правителей России в это время Павла I и Александра I вряд ли играли в этом большую роль. Как одна из ведущих

европейских держав данного исторического периода Россия все равно была бы, так или иначе, втянута в процессы, происходящие в Европе.

Строительство такой грандиозной державы как наполеоновская Франция на европейском континенте не могло не затрагивать российские интересы в этой части света, которые к тому времени были весьма разнообразными и обширными. Рано или поздно претензии наполеоновской империи на европейское и даже на мировое господство без сомнения бы столкнулись с противодействием России. Кроме того, наполеоновской Франции немислимо было оставлять Россию в качестве своего геополитического противника на востоке континента, она должна была быть либо повержена, либо стать союзником императорской Франции в борьбе за общеевропейское господство. Так, Д. Ливен считал, что «будущий европейский император столкнулся с двумя грозными периферийными центрами силы в лице России и Великобритании. И та и другая, естественно, рассматривали каролингское ядро Европы как угрозу для своей безопасности и стремились победить его. Поэтому Наполеону, в роли наследника Карла Великого, было затруднительно добиться прочного мира» [1].

Кроме того, важным аспектом данной проблемы было и то, что Россия по своему государственному и общественному устройству была фактическим антиподом французской империи времен Наполеона, причем практически во всех смыслах и аспектах. Действительно, в начале XIX века сложно было найти две крупные мировые державы столь различающиеся между собой. Цели и задачи их общественного развития в данный период были совершенно противоположными и вступали в явный диссонанс друг с другом, а учитывая, что именно они определяли европейскую политику, их столкновение в данный исторический период казалось неизбежным и необратимым. Какой-либо прочный и реально действующий союз между ними в тот период был вряд ли возможен по определению, как, впрочем, и нейтральная позиция по отношению друг к другу. Даже поборник русско-французского союза А. Вандаль, отдавая должное политическому фактору в отношениях между двумя империями, писал в предисловии к своему труду: «Несмотря на то, что природа расположила оба государства так, как бы предназначала их для союза, политика нагромоздила между ними противоречивые интересы» [2]. Тильзитский мир, заключенный в 1807 г. Наполеоном Бонапартом и Александром I, ясно показал, что никакие союзнические отношения между двумя этими по своей сути антагонистическими странами невозможны, а подписанный мир является лишь временной передышкой на пути к новой большой войне. Так, Х. Регс-

дейл считал, что союз 1801 г. «не более чем миф», его фактически не существовало, «и если остальная Европа боялась его, то ни французы, ни русские не питали в этом отношении никаких иллюзий. Союз не состоялся не вследствие убийства Павла. Дело было в непримиримых политических разногласиях» [3]. Причем ареной нового вооруженно-противостояния должна была стать вся Европа.

Основополагающая разница между странами заключалась в том, что Франция, которая в то время несла с собой революционные преобразования для всей Европы, была в то время государством, основанным на модернизационных, преобразовательных ценностях. Она стремилась изменить весь существующий в Европе порядок, всю систему общественных и политических отношений. Россия, напротив, несмотря на отдельные реформаторские проекты своего императора Александра I, пыталась в целом сохранить традиционное общественное и государственное устройство традиционные ценности и образ жизни не только у себя, но и у своих соседей, на всем европейском континенте. Так, в инструкции посланнику России в Берлине А.И. Крюденеру от 5 (17) июля 1801 г. Император Александра I писал: «Если первый консул Французской республики будет продолжать связывать поддержание и укрепление своей власти с раздорами и волнениями, потрясающими Европу; если он не признает, что могущество, основанное на несправедливости, всегда непрочно, потому что оно порождает ненависть и узаконивает возмущение; если он позволит увлечь себя революционному потоку; если, наконец, он будет надеяться только на свою фортуна, – война может продолжаться» [4]. Если в России и шла речь о проведении общественных преобразований, то чаще всего с сохранением традиционных государственных устоев и общественно-политической организации. Россия также стремилась продлить существующий в Европе порядок и статус-кво, соответствующий российским интересам. Его незыблемость и консервативность, опора на традиционные общественные и государственные ценности – вот то виденье общеевропейского мира, которое отстаивала Россия в начале XIX столетия. Девиз «перемены без революций и общественных потрясений», пожалуй, передавал основное содержание политики России в это время в европейских делах. Исходя из всех этих различий, Франция и Россия того времени представляли собой полные противоположности и были странами с совершенно разной государственной идеологией и системой общественных отношений.

Если сравнивать данный исторический период с периодом существования Древней Греции, то можно сказать, что Франция начала XIX

столетия представляла собой, в определенном смысле, некое подобие Афин, а Россия – Спарты. Тогда Пелопонесская война была не столько войной государств, сколько идеологических систем и ценностных ориентиров. Как неизбежной была конфронтация Афин и Спарты, также неизбежным было столкновение двух левиафанов на европейской континенте. С одной стороны, консервативной и традиционалистской России, с другой – модернизирующейся, динамически развивающейся по пути всеобъемлющих общественных преобразований Франции, которая стремилась распространить новые ценности по всей Европе.

Так что истоки противостояния двух держав находились не только в политической сфере, как обычно принято считать, или в сфере личных интересов их правителей Наполеона и Александра. Не искусственные в политике люди могли считать, что царь или император повелевал Россией в одиночку. Бесспорно, российские цари и императоры были деспотическими фигурами. Но, не опираясь на господствующий класс (а другой опоры у самодержавия не было, отсюда проистекало и проведение внутренней и внешней политики с ориентацией на интересы этого слоя), монарх не был в состоянии править страной [5]. Большая часть российской правящей элиты с самого начала отвергала ценности европейского либерализма. Так, дошедшая до нас частная переписка представителей дворянства в 1812 году наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным [6]. Для них он являлся «новым Пугачевым» [7]. Известный историк А.В. Предтеченский, считал, что Русскому дворянству тогда было что терять. Поэтому Россия крепостническая (другой России тогда не было) очень четко определяла Францию, даже сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического противника [8].

Таким образом, противостояние двух держав располагалось в сфере конфронтации двух идеологических систем и ценностных ориентаций, а также на путях их практической реализации в геополитической плоскости. Исходя из этого, война 1812 г. была со стороны Наполеона попыткой окончательно разрешить эту историческую дилемму. Это было историческое, идеологическое и ценностное противостояние двух мировоззренческих парадигм и от того, кто победит в этой войне, – Россия или Франция – напрямую зависело, каким путем в дальнейшем пойдет европейская цивилизация, а вслед за ней (учитывая влияние Европы в тогдашнем мире) и все человечество. Будет ли это рывковое революционное и модернизационное развитие или консервативно-охранительное с проведением в большинстве европейских

стран постепенных реформ и преобразований с сохранением консервативной общественной и институциональной основы.

К времени возникновения Французской империи в Европе, конечно, уже существовали страны-адепты модернизационных отношений, такие как Англия или голландская Республика Соединенных Провинций, но до появления наполеоновской Франции это были изолированные явления, не меняющие общеевропейской картины. Таким образом, за исключением отдельных стран, большинство европейских государств в это время, еще не достигло стадии модернизации и не имело к ней тогда реальных культурных, социальных и экономических предпосылок. Появление же республиканской, а затем и императорской Франции было важным шагом в распространении модернизационных процессов по всей Европе, и помешать этому могла только Россия.

Можно сказать, что Россия того времени стала неким охранителем общеевропейских консервативных ценностей, она всемерно препятствовала проведению общественно-политической модернизации, осуществляемой наполеоновской Францией зачастую революционными методами: с помощью насилия и разрушения традиционных общественных институтов и государственных структур. В этом состояла ее важная историческая миссия: предотвратить еще не созревшую в недрах европейского общества модернизацию и защитить его от насильственных и революционных методов ее проведения.

Исходя из этого, Отечественная война 1812 стала кульминационной точкой, в ее ходе последовало силовое разрешение накопившихся между двумя странами противоречий. Видимой их частью стал отход обоих государств от принципов Тильзитского мирного договора, вопрос о континентальной блокаде Британских островов, польский вопрос, отказ Александра 1 заключить династический союз с Наполеоном. Однако, на самом деле Отечественная война 1812 г. стала квинтэссенцией идеологических и ценностных противоречий, накопившихся между двумя странами, итогом несовпадения двух различных векторов исторического развития и противоположенных взглядов на устройство европейского и мирового порядка. Но наряду с этим для России война 1812 г. стала войной за сохранение своего государственного и общественного устройства, по существу войной за национальную независимость, которая очень быстро превратилась в войну отечественную. Хотя сам термин «Отечественная война» вошел в обиход только в царствование Императора Николая I. Наполеон Бонапарт напал первым, и Франция стала безусловным агрессором в этом конфликте. Поэтому эта война сразу же стала Отечественной и общенародной,

поскольку в ее ходе решался вопрос не только о сохранении традиционных ценностей, государственного устройства и образа жизни, но и о сохранении страны как особой самостоятельной цивилизации.

Данный аспект на протяжении истории отношений России и Европы не раз становился актуальным. Важно отметить, что поход 1812 г. Наполеона Бонапарта в Россию был походом не столько французской армии, а походом большинства европейских народов, «дванадцати языков», присоединившихся к ней, разделяющих в той или иной степени декларируемые Наполеоном цели. Это был поход против России как социокультурной общности и цивилизации, противостоящей реализации данных целей и перекройки всей европейской политической карты в угоду интересам французской правящей элиты и ее ближайших союзников. Таким образом, это было известное ранее и застарелое противостояние России и Европы. По крайней мере, той ее части, которая с одной стороны пыталась реализовать собственные глобалистские устремления, а с другой – окончательно устранить самобытность России, включить ее в западное культурно-историческое пространство, навязать ей другой цивилизационный выбор, другую систему ценностей и государственного устройства. По существу, это была одна из многих попыток Запада по нейтрализации России как цивилизационной и ценностной альтернативы европейскому мировому порядку. Она предусматривала насильственное распространение западных ценностей на российское общество и включение России в периферийное колониальное пространство европейских стран, предназначенное для освоения и обработки в духе европейских идей и концепций об отсталых и развитых народах.

С данной точки зрения это было столкновение двух цивилизаций, одна из которых сражалась за право распространить свое влияние далеко на восток, другая – за право сохранить свою инаковость и отстоять стабильность и неизбежность баланса сил и ценностей, сложившихся на европейском континенте. Вместе с тем далеко не все европейские народы были готовы к ускоренной модернизации, проводившейся Наполеоном. В Европе наряду с профранцузскими было множество течений, которые также как и Россия стремились к сохранению равновесия и существующего баланса сил. Именно они обусловили возможность заграничного похода русской армии и внесли значимый вклад в последовавшую затем ликвидацию империи Наполеона Бонапарта. Так, один из известнейших исторических деятелей того времени князь А. Чарторыйский писал о ситуации сложившейся в Европе в период наполеоновских войн: «Чтобы понять политическое движение этой эпохи и

горячность, с которой Европа принялась бороться с Наполеоном, несмотря на страх, внушаемый им, следует припомнить общественное мнение о Наполеоне, преобладавшее в Европе. ...вся вера в Наполеона, всякая иллюзия исчезла, как только он встал во главе правительства Франции. Каждое его слово, каждый поступок убеждали всех, что он думает действовать только силой штыков и массой войск. Это было основной ошибкой Наполеона, подорвавшей его могущество... Правда, он выказал себя разносторонне талантливым человеком, но обнаружил в то же время и свое полное неуважение чьих-либо прав и желание всех поработить и подчинить своему произволу. Поэтому, когда наступил момент, благоприятный для борьбы с Наполеоном, все приняли в ней участие со спокойной совестью, так как это была борьба с силой, переставшей быть полезной для общества» [9].

Для создания единой Европы в начале XIX в. еще не было прочной основы, это стало возможным только во второй половине XX в., и для многих европейских народов Отечественная война России была борьбой за национальную независимость от Франции, борьбой за свержение тирании Наполеона. Один из известнейших тогда отечественных литераторов П.А. Вяземский отмечал: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может догадаться, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица, более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра зависела от прихотей тюильрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно» [10]. Время всеобщей модернизации и революционного обновления на европейском континенте еще не пришло, также как и время создания единой Европы. Империя Наполеона в данном ключе была по существу преждевременной попыткой кодификации новых европейских ценностей и создания новой обновленной Европы под эгидой Франции. В тот исторический момент она была обречена на провал, новая европейская парадигма только формировалась, и в этих условиях Россия выполняла важную функцию социокультурного барьера на пути неподготовленной европейской модернизации, некоего амортизатора или корректора, который на время замедлил данные процессы и придал им более выверенное историческое русло.

Вместе с тем участие Франции в данной войне и даже ее поражение имело для Европы и для нее самой значительные последствия. Для Франции итоги войн имели ярко дуалистический характер: с одной

стороны, она пала жертвой европейской интервенции и реакционной реставрации со всеми вытекающими последствиями, с другой, годы побед дали возможность закрепить завоевания революции проведением эффективной внутренней политики [11]. Конечно, на тот момент время модернизации и распространения новых ценностей еще не пришло, но, несмотря на поражение их носительницы-Франции, они впоследствии пустили в европейской цивилизации глубокие корни и постепенно набирали свою силу. Как отмечает Б. Ц. Урланис, «произошла культурная диффузия в рамках старого света...» [12]. Как только их историческое время пришло, они вышли из латентного состояния на поверхность и образовали новую европейскую реальность, новую парадигму и систему ценностей нового исторического периода. Как справедливо указывал англосаксонский историк Т. Блэнинг, «последствием конфликта было создание «новой Европы» [13]. Наполеоновский период европейской истории заложил, таким образом, историческую основу для их реализации и повсеместного распространения, в том числе и в победившей в этой войне России.

В ней, в свою очередь, появилось множество носителей новых идей и концепций. Последующее за войной 1812 г. восстание декабристов, распространение европейских либеральных взглядов в российском обществе стало во многом следствием Отечественной войны и заграничного похода русской армии, а также непосредственного участия России в европейских делах и международной политике в начале XIX в. Таким образом, последующее историческое развитие Европы и России во многом опиралось на опыт невольной исторической конвергенции двух противостоящих друг другу в начале XIX века империй. В этом противостоянии и одновременном симбиозе ценностей и мировоззренческих ориентиров двух крупнейших держав континентальной Европы и формировалась уже другая историческая эпоха, определившая новое лицо европейской цивилизации.

Примечания

1. *Ливен Д.* Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 35.
2. *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена первой империи. Т. I. С. 1.
3. *Регсдейл Х.* Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762—1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 13—15, 23.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. 1. С. 51—53.
5. *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 27, 29.

6. *Предтеченский А.В.* Отражение войн 1812—1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 227, 229.

7. *Казаков Н.И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 42.

8. *Соколов О.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799—1805 гг. Т. I. С. 95.

9. Из записок князя Адама Чарторыйского. С. 208—209.

10. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882. С. 442—443.

11. *Lions Martyn.* Napoleon Bonapart and the Legacy of the French, Revolution. L.: MacMillan, 1994.

12. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. СПб., 1994, С. 95.

13. *Blanning T. C. W.* The origins of the French Revolutionary wars. L., 1995, P. 211.

К.С. Чукаева (г. Армавир)

Патриотизм народа как источник победы в Отечественной войне 1812 года

Отечественная война 1812 года стала уроком и примером того, что великую победу может одержать только поистине великий народ – сплоченный, решительный и самоотверженный, предано любящий свою Родину. Те шесть месяцев 1812 года, с июня по декабрь, в которые наполеоновская армия вторглась в пределы России, дошла до Москвы, вступила в русскую столицу, а затем изгнана из территории нашей страны, во многом определили характер эпохи. Отечественная война 1812 г. оказала огромное влияние на формирование национального самосознания русского народа, обострила его патриотические чувства.

Возникновение Отечественной войны 1812 года было вызвано стремлением Наполеона к мировому господству. Твердая решимость императора, патриотизм народа, полководческий талант генералов, героизм солдат и казаков стали главными источниками победы над армией Наполеона.

Стратегический расчет Наполеона в начале войны заключался в том, чтобы разгромить разобщенные русские армии в приграничных сражениях, не дав им сосредоточиться. Преимущество русской армии определялось патриотическим воодушевлением всех слоев населения, большими людскими ресурсами, запасами продовольствия. Войска возглавляли талантливые полководцы – М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, П.И. Багратион, А.П. Ермолов, Н.Н. Раевский, М.А.

Милорадович и другие. Они отличались большим военным опытом и личным мужеством.

4-6 августа произошло кровопролитное сражение за Смоленск. Все защитники города, от генерала до рядовых, были живым олицетворением воинской доблести. Именно в Смоленске Наполеон впервые попытался вступить с Императором Александром I в переговоры о мире – через пленного генерала П.А. Тучкова. Государь на это предложение ничего не ответил. В Смоленске Наполеон принял решение наступать на Москву, овладеть ее и продиктовать Императору Александру I свои условия мира.

Из Москвы Наполеон неоднократно обращался к Царю с предложением о заключении мира. Константин Павлович, вдовствующая Императрица, многие царедворцы склоняли Императора Александра I к миру. Просили об этом Аракчеев и Балашов. Но Император был непреклонен.

С 20 августа 1812 года Кутузов М.И. стал главнокомандующим русской армией. Офицерство и солдаты встретили Кутузова с ликованием, «произвело всеобщее воскресение духа в войсках» [1].

В Бородинском сражении напор французов все нарастал, но и соответственно возрастала и стойкость защиты русских. Солдаты показали образцы воинской доблести и героизма. Именно желание защитить родную землю, Москву и всю Россию, воодушевляла русских воинов, делало их непобедимыми. Патриотические чувства, как никогда сплывали русских воинов – солдат и офицеров. Полковник Ф.Ф. Монахин, дважды раненный, перед тем как пасть с третьей, смертельной раной, успел воскликнуть, указывая солдатам на батарею Раевского: «Ребята, представьте себе, что это – Россия, и отстаивайте ее грудью!» [2].

Геройски проявили себя в Бородинской битве поэты В.А. Жуковский и П.А. Вяземский, первый в России Георгиевский кавалер Е.И. Митюхин, первая русская женщина – офицер, единственная женщина из участников битвы, «кавалерист-девица» и «русская амазонка», как ее называли Н.А. Дурова.

Генералы русской армии не уступали в ратной доблести своим солдатам и офицерам. М.Б. Барклай де Толли в полном парадной форме, при всех орденах и звездах и в шляпе с султаном, лично водил полки в атаки и контратаки. «С ледяным хладнокровием, который не мог растопить и зной битвы – вспоминал о нем Ф.Н. Глинка, втеснялся в самые опасные места». «У него не иначе как жизнь в запасе!» – воскликнул, наблюдая за ним, М.А. Милардович [3].

Охваченные патриотическим энтузиазмом, руководимые столь доблестными офицерами, русские солдаты остались непобежденными –

таков главный итог Бородинского сражения. В моральном и политическом отношении Бородино, безусловно, победа России. Знаменательно, что и сам Наполеон склонялся к такой оценке битвы: «Французы в ней показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми» [4].

После Бородино Россия была вынуждена пожертвовать Москвой ради сохранения армии и России. Как подвиг самопожертвования, показавший силу духа русского народа, оценили пожар Москвы А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. Тяжело ударив по экономике, финансам и культуре России, пожар Москвы с политической и военной точки зрения поставил Наполеона прямо-таки в безвыходное положение. Французы не просто лишились в те дни удобства, достатка, покоя – они попали в западню. Грабежи и мародерства французских солдат вызывали сопротивление местных жителей.

Трагические и славные события пробудили патриотические чувства во всех слоях общества. Пока армия стояла в Тарутино, ей очень ревностно помогали окрестные жители». «Наехали из Калуги и других городов купцы и маркитанты, навезли разных товаров, особенно съестных, – вспоминал очевидец. – Из ближних селений жители привозили...хлеб, масло и яйца.. разносили даже пироги и блины» [5]. Опираясь на самоотверженную поддержку народа, Кутузов сумел обеспечить армию в Тарутинском лагере всем необходимым.

Вся война 1812 года со стороны России была народной, ибо решала судьбу русского народа. В ходе ее ярко проявились героизм, мужество, патриотизм и беззаветная любовь всех слоев общества к своей Родине.

Император Александр I в Манифесте от 18 июля призвал Россию дать всенародный отпор врагу: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина!».

Император повел себя лучше многих вельмож. В то время как вдовствующая Императрица Мария Федоровна, вел. кн. Константин Павлович, А.А. Аракчеев и другие предлагали идти на мир с Наполеоном, Александр I был непримирим. «Я отращу себе бороду вот до сих пор, - заявил он в сентябре 1812 г. своему флигель-адъютанту А.Ф. Мишо, указывая на свою грудь, – и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири скорее, чем подпишу стыд своего Отечества» [6].

В войне участвовали 115 будущих декабристов – практически все, кто был тогда способен носить оружие. (16-летний Никита Муравьев и тот бежал из родительского дома на войну). Они храбро сражались во всех родах регулярных войск, а некоторые (С.Г. Волконс-

кий, М.Ф. Орлов, М.А. Фонвизин, А.Ф. Астафьев) – и в партизанских отрядах. Уже тогда вольнолюбивые идеи, увлекавшие декабристов с юных лет, «придавали особый отпечаток и новую силу традиционному чувству патриотизма» [7].

Народ не жалел никаких средств на победу с врагом, только московские купцы пожертвовали 10 млн. рублей. Духовенство помогало народной войне патриотическими молитвами во славу русского оружия и за гибель «антихриста» Наполеона, которого Святейший Синод трижды (в 1806, 1812 и 1815 гг.) предавал анафеме. Церковь оказывала материальную поддержку: только в Петербурге к 16 августа 1812 г. она пожертвовала 750 тыс. руб. «на составление ополчения» [8].

На защиту Отечества народ поднимался в 1812 году, как свидетельствовали очевидцы, «не по распоряжению начальства», а «сам собою» с первых же дней войны, хотя не везде сразу. Требовалось время для того, чтобы весь народ пришёл в движение, тем более, что средства связи тогда отставали от жизни: так, в Пензе о войне узнали через три недели после её начала, а в Иркутске – когда Наполеон уже подходил к Москве.

Русский народ ожесточался, видя как враг разоряет родную землю, душегубствует, оскверняет храмы, превращая их в конюшни, и т.д. Сдача Москвы только усилила «остервенение народа». «...Из конца в конец по всему царству раздался клич, чтобы выходили и стар и млад заливать вражескую кровью великий пожар московский», – писал о тех днях Тарас Шевченко. Князь С.Г. Волконский в разговоре с Царём осенью 1812 года подчеркивал самоотверженность крестьянских масс: «Каждый крестьянин-герой преданный Отечеству и Вам». Война вызвала небывалый всплеск национального самосознания у всего русского народа. Тяжелый труд крестьян и рабочих людей в тылу, особенно на военных заводах, – труд принудительный, почти каторжный, но в 1812 г., тем не менее патриотически одушевленный, что позволило форсировать темпы военного производства. Тульский оружейный завод, обычно производивший 8 тысяч ружей в месяц, давал в августе и сентябре по 10–12 тыс., а «Киевский арсенал» дал в 1812 г. продукции в 2 раза больше, чем в 1811 г. изобрел железную пушку, которая разбиралась по частям, так что бомбардиры могли переносить ее на руках, «не требуя лошадей» [9].

В целом же население страны пожертвовало на войну с врагом 100 млн. руб., т. е. сумму, равную всем военным расходам империи на 1812 г. по государственному бюджету. К.А. Военский подсчитал, что больше всех дала Смоленская губерния, первой из коренных русских земель принявшая на себя удар Наполеона, – 9,8 млн рублей, за ней следовали Тульская – 4,5 млн, Петербургская – 4 млн рублей. В

сборе жертвований участвовали все народы России, вплоть до жителей отдаленных земель – якутов, бурятов, эвенков.

К организации народного ополчения 1812 г. были причастны лучшие люди из дворян. Московский богач, сын фаворита Екатерины II граф М. А. Дмитриев-Мамонов на свои деньги сформировал из москвичей-ополченцев целый полк, которому он вручил знамя Дмитрия Пожарского, доставленное из Нижнего Новгорода. В ополчение вступили тогда поэты В.А. Жуковский и П.А. Вяземский, романисты И.И. Лажечников и М.Н. Загоскин, драматурги А.А. Шаховской и Н.И. Хмельницкий (потомок гетмана Богдана Хмельницкого), порывались вступить, но были удержаны родителями совсем еще юные лицеисты А. А. Дельвиг и В. К. Кюхельбекер [10].

Партизанское движение с наибольшей силой воплотило в себе энергию, инициативу, патриотическое «остервенение» русского народа. Было два партизанских движения – армейское и крестьянское. Развернулись они почти одновременно и развивались параллельно, взаимодействуя друг с другом. Партизаны Давыдова разрушали коммуникации противника, уничтожали его мелкие отряды, фуражиров и мародеров, захватывали транспорты, обозы и пленных, включая ценных «языков». В бою Давыдов был беспощаден, но неоправданную жестокость к безоружному врагу пресекал. Давыдов, Сеславин и Фигнер, бесспорно, самые выдающиеся из армейских партизан 1812 г., хотя действовали они по-разному: Давыдов предпочитал скрытные рейды по тылам противника, Сеславин – открытый бой, а Фигнер – хитроумные засады и диверсии. Владея французским, немецким, итальянским и польским языками, Фигнер легко проникал под видом наполеоновского офицера в лагерь врага, собирал там для себя нужные сведения, а французам сообщал ложные? и затем устраивал либо засаду, либо набег с богатыми трофеями.

Партизанских отрядов из крестьян было во много раз больше, чем армейских: только на Смоленщине – до 40 отрядов общей численностью около 16 тысяч человек. По рассказам очевидцев, еще в Тарутине крестьянки, «толпами ежедневно» приходившие к солдатам с гостинцами, говорили: «Только дай нам, батюшко, пики, то и мы пойдем на французов».

В начале августа 1812 г. под Смоленском отставной поручик Александр Дмитриевич Лесли с тремя братьями собрал отряд из 60 «собственных» крестьян и дворовых для борьбы с французами.

В конце августа 1812 г. предводитель дворянства Николай Матвеевич Нахимов (двоюродный дядя адмирала П.С. Нахимова) вооружил

несколько малых партизанских групп из крестьян, которые с 22 сентября по 12 октября 1812 убили 1098 и взяли в плен 235 французов. Иными отрядами командовали даже духовные лица: пономарь Алексей Смирягин, дьячки Иван Скобеев и Василий Рагозин [11].

Партизаны держали захватчиков в постоянном напряжении, в каждом дне, ежечасном ожидании набега, диверсии, засады, лишая их даже в тылу не только покоя, но и хотя бы относительной безопасности. Отечественная война 1812 г. как одна из самых героических страниц истории нашей Родины показала, что русская армия черпала силы в общенародной поддержке, а народ вдохновлялся поддержкой армии.

Победа России в войне с наполеоновской Францией, полный разгром французской армии спасли народы страны от потери национальной независимости, сохранили государственность и суверенитет. Отмечая 200-летие победы народа в Отечественной войне 1812 года как одно из величайших событий в истории страны, мы не только гордимся героизмом, мужеством и патриотизмом своих предков, но и более осознанно чувствуем любовь к своей Отчизне.

Примечания

1. *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1900. № 11. С. 340.
2. *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 157.
3. *Жилин П.А.* О войне и военной истории. М., 1984. С. 405.
4. *Павленко А.Н.* Указ. соч. С. 438.
5. *Митаревский Н.Е.* Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878 г. С. 96.
6. *Военский К.А.* Две беседы полковника А.Ф. Мишо с императором Александром I в 1812 г. СПб., 1904. С. 8.
7. *Дружинин Н.М.* Историческое значение Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 50.
8. *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 215
9. *Там же.* С. 222.
10. *Дурьлин С.Н.* Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943. С. 116.
11. *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 237.

О.В. Матвеев (г. Краснодар)

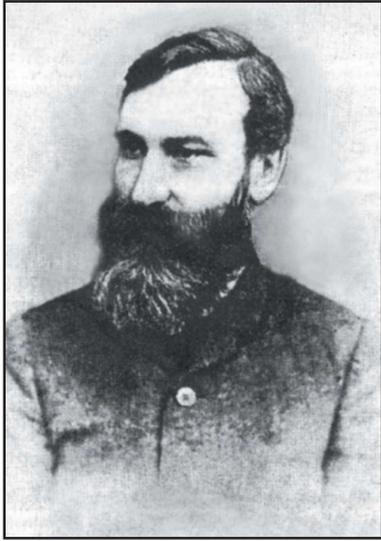
Уроки малоизвестной полемики об участии казачества в Отечественной войне 1812 года

Отечественная война 1812 г. явилась важной вехой формирования исторической памяти и патриотического сознания кубанского казачества. Своеобразным отражением качественных сдвигов в казачьем общественном сознании стали первые попытки изучения участия казаков Кубани в отражении наполеоновского нашествия и в освободительных походах русских войск в Европу. Эта работа развернулась в Кубанской области в преддверии 100-летия Отечественной войны. На страницах местных изданий печатались статьи Ф.А. Щербины, И.И. Кияшко, А.Г. Рыбальченко, Н. Виноградова и других именитых и малоизвестных авторов, рассказывающих о причастности черноморского казачества к героической эпохе в истории России. При этом нередко пафосная верноподданническая риторика сталкивалась со стремлением привлечь внимание к сложности и противоречивости исследовательского поиска, требующего не скороспелого кавалерийского натиска, но длительных кропотливых архивных разысканий.

Весьма поучительны в этом плане материалы развернувшейся в 1912 г. на страницах «Кубанского казачьего листка (официальное издание Войскового штаба) малоизвестной сегодня полемики между видным историком-архивистом П.Л. Юдиным и есаулом Кубанского казачьего войска Г.А. Эммануэлем.

Научное наследие П.Л. Юдина лишь в последние годы стало предметом системного анализа историков-казаковедов [1]. Потомственный оренбургский казак Павел Львович Юдин (1863–1927) получил известность как исследователь казачьей старины на архивном поприще, явился одной из самых заметных фигур русской провинциальной архивистики конца XIX – начала XX вв. Уже в 16 лет он, по примеру старшего брата – учителя и журналиста, опубликовал свою первую статью, посвященную обычаям старообрядцев. В 1898–1901 гг., будучи хорунжим Оренбургского казачьего войска, П.Л. Юдин проживал в г. Астрахани, занимаясь архивными разысканиями и литературным трудом. Затем, выйдя в отставку, он состоял хранителем исторического архива Саратовской учёной комиссии.

В 1909 г., в рамках подготовки к 300-летию династии Романовых, по приказу начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска А.С. Михеева во Владикавказе активизировался сбор

*Павел Львович Юдин
(1863-1927)*

документов для написания истории терского казачества. Для этой кропотливой работы был приглашён отставной хорунжий П.Л. Юдин, который к тому времени зарекомендовал себя весьма компетентным специалистом в области архивного дела. Павел Львович воспринял предложенную службу как своё кровное дело. «Буду стараться, насколько хватит моих сил и здоровья усугубить рвение на пользу и для славы Вам и мне родного казачества», – писал он 8 октября 1910 г. начальнику Войскового штаба генералу Ф.Г. Чернозубову [2]. Исследователь предпринял масштабные архивные разыскания в Астраханском губернском архиве, предоставил штабу Терского казачьего войска выписки и копии документов

в объёме 6825 страниц. В мае 1911 г. по приглашению генерала Чернозубова П.Л. Юдин решил переехать с семьёй во Владикавказ на постоянное жительство. Здесь он продолжил свою активную деятельность, привёл в порядок дела Кизлярского архива, затем работал некоторое время в Москве, отыскивая материалы по истории казачества в архивах Министерства иностранных дел, Дворцовой и Оружейной палат, в Юридическом архиве. Собранные архивистом материалы были использованы В.А. Потто, М.А. Карауловым, Г.А. Ткачёвым при подготовке монографий по истории терского казачества. Итоги своих научных разысканий П.Л. Юдин часто публиковал на страницах северокавказских газет и изданий Терского общества казачьей старины, действительным членом которого он являлся. Деятельность архивиста и историка получила высокую оценку среди казаковедов.

В 1915 г. П.Л. Юдин был призван ополченцем на Кавказский фронт Первой мировой войны, в 1916-1917 гг. служил военным корреспондентом. После революции и Гражданской войны Павел Львович вынужден был трудиться на бойне «Обкожи» (Терский областной комитет кожевенной промышленности) и лишь в 1924 г. получил работу по специальности в Астраханском архивном бюро. Нальчикский исследователь Ф.А. Киржинова, посвятившая кандидатскую диссертацию

научному наследию и общественной деятельности историка-архивиста, справедливо отметила: «Ценность работ П.Л. Юдина состоит во введении им в научный оборот архивных документов, большая часть которых не сохранилась до нашего времени» [3]. Ставропольский учёный В.А. Колесников пришёл к выводу, что этот историк-архивист «олицетворял собой исследователя новой генерации казаковедов, его исследовательскую манеру можно с уверенностью определить как приверженную, хотя и спорадическому, стихийному, но критическому позитивизму. Работам Юдина присущ аналитический настрой, прослеживается чёткое следование за первоисточниками, доминанта которых всегда признаётся за архивными материалами» [4].

В конце января 1912 г. в квартиру П.Л. Юдина во Владикавказе постучался офицер, который представился есаулом 2-го Хопёрского полка Эммануэлем. Вручив хозяину номер «Кубанского казачьего листка» со своей статьёй об участии хопёрцев в Отечественной войне 1812 г., нежданный гость несколько шокировал почтенного историка просьбой оказать немедленное содействие в поисках соответствующих архивных материалов.

В делах Государственного архива Краснодарского края сохранились послужной список и аттестации этого офицера, которые позволяют судить о его характере. Георгий Александрович Эммануэль родился 1 марта 1870 г., имел православное вероисповедание, происходил из дворян Херсонской губернии, воспитание получил в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, который окончил по первому разряду [5]. Был выпущен хорунжим в 1-й Хопёрский Ея Императорского Высочества Анастасии Михайловны полк Кубанского казачьего войска, занимал различные должности: полкового адъютанта, командира сотни, заведующего оружием, делопроизводителя офицерского заёмного собрания, заведующего административно-полицейским участком. В составе 6-го Сибирского казачьего полка Г.А. Эммануэль прошёл русско-японскую войну, хотя в сражениях не участвовал [6]. Он был награждён орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени, серебряной медалью в память царствования Императора Александра III, наградным знаком видоизменённого Кавказского креста в память 50-летия покорения Восточного Кавказа, тёмнобронзовой медалью в память русско-японской войны, светлобронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых [7]. На первый взгляд, перед нами типичный казачий боевой офицер. Но даваемые ему вышестоящим начальством аттестации показывают, что еса-

ул постоянно жаждал новых впечатлений и болезненно воспринимал рутинные тяготы повседневной службы. Полковой командир обращал внимание на два обстоятельства характеристики есаула Эммануэля: «к строевой службе у него тяготения нет» и «физически развит хорошо, но нервный» [8]. Наказный атаман Кубанского войска отметил: «При безупречных нравственных качествах есаула Эммануэля он в последнее время стал обнаруживать некоторую возбужденность нервной системы» [9]. По-видимому, беспокойная натура есаула играла в его поступках и мотивах не меньшую роль, чем горячая черноморская кровь. С началом 1-й Балканской войны в 1912 г. он подал рапорт командованию о командировании «добровольцем в распоряжение Его Королевского Величества короля Черногорского» [10]. Не дождавшись положительного ответа на свою просьбу, Эммануэль 12 декабря 1913 г. подаёт другой рапорт: «Имея желание быть инструктором в Монгольской бригаде, в провинции Тушету-хан Северной Монголии, прошу ходатайства о командировании меня в гор. Ургу, в распоряжение начальника инструкторов названной бригады» [11].

Осведомлённое о характере Г.А. Эммануэля командование, как могло, сдерживало энергичные порывы потомка черноморских юнаков [12]. Однако уберечь нервного офицера от неприятностей не удалось. В июле 1914 г. в лагере близ станицы Баталпаинской произошло столкновение казаков-хоперцев с офицерами. Инцидент удалось уладить. Однако приехавший в лагерь Г.А. Эммануэль решил провести собственное расследование. Ответ одного из казаков показался есаулу дерзким. Эммануэль, выхватив револьвер, несколько раз выстрелил в помощника атамана станицы Георгиевской Василия Катилевского, а затем и в других казаков. Станичники пришли в страшное негодование, в офицера полетели камни и палки, пока он не перестал подавать признаки жизни. Благодаря неустойчивому психическому складу, есаул Эммануэль пал не от вражеской пули, а от рук своих сослуживцев [13].

Но вернёмся в начало 1912 года. Находя повседневную служебную рутину скучной, Г.А. Эммануэль решил попробовать себя на ниве полкового историка. Видимо, ему не давали покоя лавры В.Г. Толстова и А.Г. Рыбальченко, подготовивших солидные труды по истории Хопёрского полка. Представился удобный случай – 100-летие Отечественной войны 1812 года. 10 января в «Кубанском казачьем листке» была опубликована статья Г.А. Эммануэля «Участвовали ли Хопёрцы в Отечественной войне 1812 года». Отталкиваясь от сообщения А.Г. Рыбальченко о том, что «канцелярия Хопёрского полка сгорела во время

пожара в Москве в 1812 году», Эммануэль выдвинул версию об участии казаков-хопёрцев в борьбе с Наполеоном. Не имея прямых доказательств, есаул привёл косвенные: «В коннице армии генерала-от-кавалерии Витгенштейна находился между прочим и Ставропольский калмыцкий полк, а Ставропольская губерния в это время была землёю войска Хопёрского, очень возможно, что и от хопёрцев какая-либо часть войска входила в состав действующей армии» [14]. Другим косвенным свидетельством есаул считал участие сотни Сборно-Линейного полка в освящении в августе 1839 г. памятника Бородинскому сражению. Надежды быстро подтвердить свою версию и написать эпохальный труд Эммануэль возлагал на документы Владикавказского архива, посетить который «ныне было бы весьма желательным» [15].

Не откладывая своё желание в долгий ящик, Георгий Александрович отправился во Владикавказ, рассчитывая одним махом добыть нужные ему сведения и раскрыть, наконец, правду об участии хопёрцев в Отечественной войне 1812 года. Узнав, что самым компетентным специалистом местного архива является П.Л. Юдин, неискушённый в сложности архивных исследований есаул заявился к историку, надеясь немедленно заполучить желанные документы. «Есаул кадра Хопёрского полка Эммануэль, будучи 27-го января во Владикавказе, – вспоминал П.Л. Юдин, – любезно доставил мне 1 экземпляр № 38 «К.к.л.-а» с напечатанной в нём его заметкой «Участвовали ли Хопёрцы в Отечественной войне» и статью А. Ир.-ского «Правда о Черномории и Черноморцах в 1812 году». К сожалению, я не мог оказать большую услугу моему почтенному товарищу по оружию (происходящему, видимо, от известного на Кавказской линии генерала Эммануэля), так как он не имел никаких полномочий ни от полка, ни от войска на доступ его в местные архивы. Тем не менее, имея личное право доступа во Владикавказский центральный архив, я познакомил его с содержанием последнего, указав при этом некоторые весьма интересные данные к истории Кубанского войска» [16].

Свою позицию по поводу полемики вокруг известной статьи Ф.А. Щербины о черноморцах в 1812 г. историк высказал следующим образом: «Полагаю, что точные сведения об участии Черноморцев и Хопёрцев в войне 1812 года можно найти только в архиве Главного Штаба (при военном министерстве) и делах штаба Кавказской линии и Черномории (в Тифлисе), чтобы положить предел взаимных пререканий между гг. Щербиной и Ир.-ским. К сожалению, правдиво описывая ход участия Черноморской гвардейской сотни под командованием полковника Бурсака, последний автор и сам в одном случае уклоня-

ется от истины. Так, например, он уверяет, что сотня эта прибыла из Екатеринодара в Петербург 1 марта 1812 г., тогда как, судя по очерку полковника С.И. Петина, она достигла северной столицы 12 февраля этого года в составе 3-х офицеров, 14 урядников и 100 казаков» [17]. Несколько позднее П.Л. Юдин прошёлся и по работе Ф.А. Щербини: «Та небольшая заметка, которую поместил в № 1 «Куб. обл. вед.» г. Щербина, не даёт ничего ни уму, ни сердцу кубанцев, притом, как указывает г. Ир.-ский, она страдает некоторыми неточностями. Кормить же неверными сведениями своих станичников – это значит подрывать в них авторитет к печатному слову и уважение к своим руководителям» [18]. Очень современно звучит из далёкого 1912 г. горький вывод П.Л. Юдина: «К стыду нашему приходится сознаваться, большая часть казачества спит и ничуть не помышляет о восстановлении в памяти своих родичей дорогих заветов прошлого. А руководители наши убивают всякие попытки в этом направлении даже тех, увы, немногих борцов, которые болеют душой за родных казаков, невзирая на их различные наименования» [19].

Такой неслучайный отзыв известного архивиста тут же вызвал отповедь некоего И.И.К.. По всей видимости, это – инициалы кубанского войскового архивариуса есаула И.И. Кияшко, который при поддержке казачьего атамана к юбилею войны подготовил содержательную брошюру о казаках Кубани в 1812 г. [20]. «Заявление г. Юдина неверно и несправедливо, – возражал автор заметки. – В последние годы по инициативе нашего глубокоуважаемого Кошевого и других лиц, любящих своё родное войско, предприняты деятельные розыски и сбор документов, освещающих ту или иную сторону жизни наших славных предков Запорожцев, Черноморцев и Кавказцев, а также выяснение их участия в Отечественной войне и войнах 1813–14 годов» [21].

Нам представляется, что дело в данном случае было не столько в отсутствии необходимых инициатив и усилий со стороны Кубанского казачьего войска, сколько в разнице подходов к историческому материалу. П.Л. Юдина не устраивала героико-романтическая манера изображения событий кубанцами [22], он во главу угла ставил архивный первоисточник.

В отношении же версии Г.А. Эммануэля Юдин, как профессиональный историк-архивист, не мог не отметить её наивности: «Вопрос этот находится пока под большим сомнением, особенно по тем основаниям, которые приводит в своей записке ес. Эммануэль [...]. По-видимому, автор мало знаком с историей прочих казачьих войск, а также и Кубанского [...] Хопёрского войска никогда не существовало, а был

полк, который под этой организацией проживал в Новохопёрской крепости (Воронеж. губ.) и четырёх окружающих её слободах, в каком виде переселился на Кавказ, где и поселился четырьмя станицами при вновь устроенных крепостях» [23].

«Далее, – отмечал П.Л. Юдин, – автору видно неизвестно, что кроме Ставрополя кавказского существовал ещё Ставрополь на Волге в нынешней Самарской губернии. В этом последнем имела пребывание канцелярия Ставропольского Калмыцкого войска, вошедшего впоследствии с самарскими Алексеевскими казаками в состав Оренбургского казачьего войска» [24]. П.Л. Юдин не исключал, что нуждавшееся в коннице русское командование могло вытребовать казаков с Кавказа, «но чтобы точно определить это обстоятельство, нужно время, а не с места в карьер пускаться говорить о том, в чём нет уверенности» [25].

Однако вместо того, чтобы воспользоваться направлениями поиска, указанными Юдиным, Г.А. Эммануэль обиделся. Его взбесило, прежде всего, то обстоятельство, что младший по званию, отставной хорунжий, поучает целого есаула как надо изучать историю Отечественной войны. «Хорунжему Юдину, происходящему, видимо, от коренных оренбургских казаков, – писал задетый Г.А. Эммануэль, – не пристало укорять публично, путём печати, своих собратьев по оружию, кубанцев и терцев, не говоря уже про сам приём полемики, не исключающий даже тех выражений, что едва допустимы правилами военной этики» [26].

Совершенно не вникая в необходимые правила работы с архивными документами, на которые ему указал П.Л. Юдин, Г.А. Эммануэль упрекнул историка в отказе сообщить номера дел Астраханского архива, «кои я пожелал отметить у себя в записной книжке на том основании, что все его Астраханские, а равно и Кавказские изыскания составляют, так сказать, секрет, т.е. собственность Войскового штаба Терского казачьего войска, затратившего на них свои средства» [27]. Описанная ситуация выглядит очень современно. Нередки сегодня случаи, когда в архив приходит любитель и требует немедленно предоставить ему необходимые данные, не имея ни направления от государственного учреждения, ни необходимых навыков работы с архивными документами, не желая слышать о том, что некоторые дела содержат конфиденциальную информацию и не выдаются исследователям.

«Мне грустно, – писал в своём ответе П.Л. Юдин, – что есаул Хопёрского полка Эммануэль выступил против меня с полемическим задором (в № 114 «Куб. каз. л.»), показав лишний раз своё незначительное знакомство с казачьей историей и с теми укоренившимися обычаями, которые существуют во всех военных учреждениях. Пе-

чальнее всего то, что бросая мне упрёк в незнании «военной этики», он искажает для своего оправдания факты» [28].

Историк повторил, что Эммануэль приехал во Владикавказ в отсутствие начальника штаба Терского войска, не имея притом «надлежащего для архивных изысканий полномочия». «Прежде всего, я – не хозяин штаба, чтобы самовольно распоряжаться достоянием войска и отдавать первому прибывшему офицеру, хотя бы казачьего происхождения, то, на что он не имеет ни нравственного, ни юридического права, – писал Павел Львович. – Полагаю, этого не сделал бы и сам начальник войскового штаба г.-м. Чернозубов» [29]. Историк объяснил читателям «Кубанского казачьего листка», что есаулу «не было никакой необходимости заносить в свою записную книжку №№ дел, которых в действительности не существует». В переданной есаулу брошюре историк писал о страшной запущенности Астраханского архива, перепутанных связках дел, отсутствии описей и номеров. Вместо несуществующих номеров дел Астраханского архива Павел Львович предложил офицеру-хопёрцу познакомиться с описанием документов и выписок, которые Юдин извлёк из Астраханского губернского архива, и с подвижным указателем по Кизлярскому архиву. Но есаул Эммануэль «отказался просматривать их, так как не располагал, по его словам, временем, потому что на просмотр свыше 8 тыс. №№ понадобилось бы не меньше недели, а он приезжал во Владикавказ лишь на сутки» [30].

Опять же, описанная ситуация актуальна для нынешнего дня, когда начинающие исследователи хотят получить для своей темы всё и сразу, не задумываясь о масштабах и кропотливости поисковой работы.

Между тем, – отмечал П.Л. Юдин, Г.А. Эммануэлю «был указан путь, каким образом Хопёрский полк или Кубанское войско могли бы беспрепятственно получить необходимые и переписанные из архивов данные. Для этого стоило бы командиру полка или начальнику штаба Кубанского войска дать ему уполномочие на получение с этих документов копий, или же снестись по этому поводу непосредственно с начальником штаба Терского войска о доставке таких копий, что уже не раз делалось для штаба Кубанского войска, и не раз посылались туда выписки из дел войскового дежурства и архива Терского областного правления. Однако г. Эммануэль не воспользовался указанным ему путём, а предпочёл бросить ряд несправедливых обвинений тому, кто всей душой старался помочь ему в его разысканиях» [31].

Но, не желая хотя бы принять к сведению мнение специалиста, Г.А. Эммануэль в очередной раз напомнил, что П.Л. Юдин – младше его по

чину, и что архивист позволил себе недопустимые выражения («не с места в карьер пускаться говорить о том, в чём нет уверенности» и пр.). По мнению есаула, Юдин избрал «целью унижить достоинство своего противника. Находя неудобным прибегать к такому же роду действий, я всякую дальнейшую полемику с г. Юдиным прекращаю» [32].

Обвинив оппонента в нарушении воинской этики. Г.А. Эммануэль показал элементарное незнание этики научной. Научное творчество предполагает объективность, открытую критику, строгие доказательства. Любые прегрешения учёного против истины означают не только измену науке, но и личное моральное падение [33].

Забывтая ныне полемика не позволила тогда установить, участвовали ли казаки-хопёрцы в Отечественной войне 1812 года. Но она имела важное значение в плане профессионального подхода к изучению архивных источников, уяснению необходимости долгой, тщательной исследовательской работы с документами, недопустимости легкомысленного и предвзятого отношения к историческим реалиям.

Примечания

1. См.: *Мезин С.А.* П.Л. Юдин – деятель провинциальной историографии и культуры конца XIX – начала XX века // *Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития.* Ставрополь, 2006; *Колесников В.А.* К историографии Хопёрского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина // *Кубанский сборник.* Т. I (22) / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев.* Краснодар, 2006; *Цогоев В.Г.* Историк-архивист П.Л. Юдин во Владикавказе: неизвестные страницы биографии // *Вестник Владикавказского научного центра.* Владикавказ, 2011. № 4. Т. II; *Киржинова Ф.А.* Историография истории терского казачества XVI – XVIII вв. в работах П.Л. Юдина // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* Пятигорск, 2011. Вып. 9; *Её же.* Терское общество любителей казачьей старины // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.* Серия: *Общественные науки.* Владикавказ, 2011. № 3; *Её же.* Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910–1917 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012.

2. Цит. по: *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 3.

3. *Киржинова Ф.А.* Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность. С. 3.

4. *Колесников В.А.* Указ. соч. С. 50.

5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 10737. Л. 3 об.

6. Там же. Л. 6.

7. Там же. Л. 3 об.

8. Там же. Л. 9 об.

9. Там же. Л. 1.
10. ГАКК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 10377. Л. 89.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10737. Л. 2.
12. 16 января 1914 г. генерал-майор Ляхов отвечал Г.А. Эммануэлю: «Ходатайства Вашего о назначении инструктором в Монголию, как сообщил Главный штаб, удовлетворено быть не может за замещением всех инструкторских вакансий» (ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10737. Л. 15).
13. Колесников В.А. Былое Невинного Мыса. К 185-летию переселения Хопёрского казачьего полка на Кубань и основания станицы Невинномысской. Ставрополь, 2011. С. 348.
14. Эммануэль Г. Участвовали ли Хопёрцы в Отечественной войне 1812 года // Кубанский казачий листок (ККЛ). 1912. № 38. 10 января. С. 3.
15. Там же.
16. Юдин П. По поводу участия Черноморцев и Хопёрцев в Отечественной войне // ККЛ. 1912. № 83. 4 марта. С. 3.
17. Там же.
18. Юдин П. Ещё по поводу участия Черноморцев в войне 1812 г. // ККЛ. 1912. № 141. 18 мая. С. 2.
19. Там же.
20. Кияшко И.И. Ратные подвиги кубанского воинства. «Заметка об участии в боевых действиях частей Кубанского казачьего войска в Отечественной войне 1812 г. и в последующих кампаниях 1813-1814 гг.» // Публ., предисл. и коммент. А.В. Говоровой. Краснодар, 2004. С. 7.
21. И.И.К. Ещё по поводу участия Черноморцев в войне 1812 г. // ККЛ. 1912. № 141. 18 мая. С. 2.
22. Колесников В.А. К историографии Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина. С. 51.
23. Юдин П. По поводу участия Черноморцев и Хопёрцев в Отечественной войне // ККЛ. 1912. № 83. 4 марта.
24. Там же.
25. Там же.
26. Эммануэль Г. Ответ на статью: «По поводу участия Черноморцев и Хопёрцев в Отечественной войне» // ККЛ. 1912. № 114. 3 апреля. С. 2.
27. Там же.
28. Юдин П. Ответ есаулу Эммануэлю // ККЛ. 1912. № 169. 20 июня. С. 1.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Эммануэль Г. По поводу ответа г. Юдина // ККЛ. 1912. № 212. 11 августа. С. 1.
33. Основы научной работы и этики учёного / Сост. Н.И. Курей. Краснодар, 1993. С. 14.

Г.Н. Шевченко (г. Краснодар)

Участие черноморских казаков в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813–1814 гг.

В 2012 г. исполнилось 200 лет со дня победы России в войне 1812 года. В Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах приняло участие черноморское казачество. Об их подвигах написано немало [1]. Рассмотрим основные этапы боевого пути черноморцев в войнах с Наполеоном.

Отечественная война всколыхнула всю Россию. Всенародный порыв к борьбе с иноземными захватчиками не обошел стороной и Кубань. Каждый стремился помочь стране по силе возможности: кто записывался добровольцем в армию, кто жертвовал деньги на ее нужды. Только жители Черномории собрали для армии 114,4 тыс. руб. – по тем временам немалую сумму.

Но самым большим вкладом в дело освобождения Родины от нашествия наполеоновских войск было участие черноморцев в боевых действиях 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг.

В освободительной войне от Черномории приняли участие: Черноморская гвардейская казачья сотня, девятый Черноморский пеший полк, Первый сборный Черноморский конный полк.

18 мая 1811 г. по приказанию Императора военный министр М.Б. Барклай де Толли отправил предписание Херсонскому военному губернатору Д.Ришелье о том, что «Государь желает иметь при себе в числе гвардии своей конных сотню казаков от Черноморского войска из лучших людей».

Такая сотня была сформирована и 1 марта 1812 г. прибыла в С.Петербург (в составе 1 – штаб-офицер, 3 – обер-офицера, 14 – урядников и 100 казаков). Возглавил сотню войсковой полковник Афанасий Федорович Бурсак. В Санкт-Петербурге сотня была прикреплена к Лейб-гвардии казачьему полку.

С первых же дней Отечественной войны 1812 г. Черноморская сотня приняла участие в сражениях с авангардом главных сил наполеоновской армии на реке Неман. Вынужденная отступать вместе со всеми, сотня приняла участие в сражениях 14 июня – при Новых Троках, 16-го – под г. Вильно, 19-го – под Пивоварками, выдерживая ряд упорных атак весь день – с 8 час. утра, до 9 вечера. 23 июня сотня отличилась при Кочержишках, где она лихо врубилась клином в неприятель-

скую кавалерию и отразила ее атаку. 9 июля, при селе Воскресенском сотня разбила неприятельский авангард (до 1500 солдат), в плен были взяты офицер и несколько французских солдат. 15 июля под Витебском лейб-казаки, черноморцы и часть Сумского гусарского полка под командованием генерала В.В. Орлова-Денисова стремительно атаковали и уничтожили 16-й конно-егерский полк, почти две стрелковые роты и взяли батарею, около которой находился Наполеон в окружении большой свиты. На глазах у французского императора в одну минуту все артиллеристы были переколоты, а пушки сброшены в овраг. Эта атака вынудила Наполеона приостановить наступление.

Черноморская сотня и Лейб-гвардии Казачий полк также принимали участие в Бородинском сражении. Командовал ими генерал В.В. Орлов-Денисов. Черноморцы входили в состав кавалерийского корпуса Ф.П. Уварова, атаковавшего левый фланг французской армии.

По приказу М.И. Кутузова в самый разгар сражения конница Ф.П. Уварова и атамана М.И. Платова обрушилась на левый фланг французской армии и этим значительно повлияла на исход битвы.

26 августа в Бородинском сражении отличились черноморцы А.Ф. Бурсак и А.Д. Безкровный. Хорунжий А.Д. Безкровный во время атаки проявил мужество. Картечью под ним была убита лошадь, сам он ранен в левую ногу, но, несмотря на боль, остался в строю. В этой атаке черноморцы не только овладели неприятельскими батареями, но и захватили в плен двух французских офицеров и 9 солдат.

27 и 28 августа при отступлении от Бородина к Москве, при переправе у г. Можайска, французы стремились занять выгодную позицию, но были приостановлены метким огнем черноморцев, рассыпанных в цепи. Бой продолжался с 3 часов дня до 7 вечера. Здесь снова отличился хорунжий А.Д. Безкровный, за что был награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» [2].

При контрн наступлении русской армии 6 октября в бою при Тарутино успешно сражались Лейб-гвардии Казачий полк и Черноморская казачья сотня под командованием В.В. Орлова-Денисова. Его казачий полк зашел в тыл противника и у села Богородицкого завязал бой с французской конницей. Эта быстрая, неожиданная атака расстроила колонны противника, и он вынужден был отступить. Казаки преследовали неприятеля, взяли множество пленных, 20 пушек, их почетное знамя, многочисленный обоз.

В этом сражении отличились черноморцы – сотенный есаул (урядник) Андриан Кузьмич Перекрест (за храбрость при защите Смоленска награжден Георгиевским крестом, дослужил до чина полковника),

хорунжий Николай Степанович Заводовский, раненный картечью в руку (он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом) и Афанасий Федорович Бурсак – пожалован орденом Святой Анны 2-й степени (с алмазными украшениями) [3].

Преследуя неприятеля от Малоярославца до г. Красного, Черноморская сотня участвовала в целом ряде сражений: 22 октября под Вязьмой, 26 – под Дорогобужем, 28 октября – на ельнинской дороге, возле деревни Ляхово казаки в кровопролитном бою наголову разбили французскую пехоту (500 человек) и захватили в плен генерала Ожеро с его бригадой и 2 тыс. солдат. Казаки в качестве трофеев привезли с собой после этого сражения 700 кирас (лат, защищающих грудь и спину кавалеристов), которые впоследствии были – переданы в псковский драгунский полк.

Приведу выдержки из формулярного списка Андриана Кузьмича Перекреста, кавалера многих орденов, командовавшего впоследствии 7-м конным полком Черноморского казачьего войска: «...812 был в походе к границе Варшавского герцогства против вступивших в Россию французов и действительных с ними сражениях. Июня 19 при Повиверках. 21 и 22 при отступлении от местечка Свинциан. 23 при Кочержишках в отражении сильной неприятельской атаки, июля 19 при селе Воскресенском в разбитии и истреблении неприятельского Авангарда состоявшего из 1500 человек, который был гнат в тыл до их расположенного корпуса и взят в плен несколько человек нижних чинов и одного офицера. 10 и 11 у местечка Башенкевич в удержании неприятеля, усиливавшегося в большом количестве прорваться чрез реку Двину. 14 при отступлении к городу Вильно, 15 под городом Витепском в атаке при истреблении двух неприятельских полков. 16, 17 и 18 при отступлении от города Витепска, августа 4 и 5 при защите города Смоленска и удержании там неприятеля. За какие дела награжден Знаком Отличия Военного Ордена св. Георгия под № 13293. 26 при Бородине в генеральном сражении в атаке на неприятельскую батарею под картечными выстрелами, сентября 7 и 8 в Авангарде под картечными выстрелами. Октября 6 при Тарутине в разбитии неприятельского отряда и за отличие в сих делах Всемилостивейшее пожалован чином Хорунжего во время его преследования неприятеля от старого Ярославца до города Красного, 22 при Вязьме, 26 при Дорогобуже в совершенном разбитии неприятельских отрядов, 28 при деревне Ляховой в атаке и взятии генерала Ожеро с корпусом и разбитии шедшей до 2000 кавалерии и 800 сот человек пехоты на освобождение его. 30 при разбитии неприятельского отряда при селении

Клементине и завладении магазином, ноября 3 под городом Красным при ударе неприятельские кавалерийские войска Петеровавшись от Смоленска к Красному при разбитии оной партии. 28 в Атаке на неприятельские пехотные колонны за городом Вилною и отбитии 13 орудий, 29 при нападении на часть Авангарда неприятельской армии при станции Шаболешки и взято в плен 1500 душ разных чинов» [4].

Таким образом, Черноморская казачья сотня прошла вместе с русской армией всю Отечественную войну (до декабря 1812 г.) и участвовала почти во всех крупных сражениях Отечественной войны, таких как: Смоленское, Бородинское, Тарутинское, Малоярославское и др.

1 января 1813 г. Черноморская казачья сотня вошла в Конвой Императора Александра I и приняла участие в заграничных походах. Сражались черноморцы при Лютцпе, Пельзанце, Бауцене, под Дрезденом, Кульмом, под Лейпцигом. Сопровождали казаки Русского Императора в Париж и 19 марта 1814г. были на знаменитых Елисейских полях. 25 октября 1814 г. Черноморская казачья сотня прибыла в Петербург. За поход ей были пожалованы серебряные трубы и Георгиевский штандарт – в память сражения 4 октября 1813г. под Лейпцигом.

Кроме Черноморской гвардейской сотни в борьбе с Наполеоном участвовал 9-й пеший полк Черноморского казачьего войска. В октябре 1812 г. командиром полка стал второй сын атамана – полковник Павел Федорович Бурсак. Находясь в составе 3-й Западной армии адмирала П.В. Чичагова, казаки участвовали в ряде сражений с частями армии Наполеона на заключительном этапе Отечественной войны 1812 г., а также в заграничном походе 1813 г. против французских и польских войск. В феврале 1813 г. по приказу М.И. Кутузова полк был расформирован, так как понес большие потери. Из 19 офицеров и 530 казаков полка на Родину вернулись только 209 человек.

Полк был восстановлен, и ему было присвоено новое название «Первый сборный Черноморский конный полк». В его составе имелось 5 сотен: 19 обер-офицеров, 11 урядников и 556 казаков, командиром был назначен есаул Даниил Саввич Плохой.

Начав боевые действия 29 марта 1813 г., полк геройски прошел весь путь вместе с русской армией и закончил его взятием Парижа 19 марта 1814 года.

В Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813–1814 гг. черноморские казаки показали себя истинными патриотами. Этот патриотизм сказался и в кампании добровольного пожертвования для нужд армии, а также и в том, с какой храбростью и отвагой сражались черноморские казаки вместе со всем русским народом за честь и национальную независимость Родины.

Примечания

1. *Кияшко И.И.* Кубанцы в войне 1812 года // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18; *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб., 1899; *Бардадым В.П.* Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993; *Науменко В.Е., Фролов Б.Е.* Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион (1811-1861 гг.) Краснодар, 2002, *Хорольская Н.А.* Афанасий Федорович Бурсак // Голос минувшего. 2006. № 1-2. С.70-83., *Шевченко Г.Н.* Боевые награды Афанасия Федоровича Бурсака // Под сенью Святого Георгия (к 200-летию со дня учреждения военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия). Материалы 5 Международных Дворянских чтений (24-25 октября 2009 г.) Краснодар, 2009. С.149-151; Казаки Черноморского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов: документальный альбом / Упр. по делам архивов Краснодарского края, Гос. архив Краснодарского края; [сост. *Л.М. Пукас, Б.Е. Фролов, Н.А. Хорольская*]. Краснодар, 2011; *Шевченко Г.Н.* Боевые награды и печать Афанасия Федоровича Бурсака // Войны России XIX – начала XX веков в документах архивов Кубани (к 200-летию победы России в войне 1812 года). Материалы VII краевой научно-практической конференции архивистов, историков, краеведов). Тамань, 2012. С. 28–32.

2. *Бардадым В.П.* Герои 1812 года // Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 56; *Шишов А.В.* Алексей Данилович Бескровный (1790–1832) // Сто великих казаков. М., 2007. С. 295.

3. *Шевченко Г.Н.* Черноморцы в Отечественной войне 1812 г. // Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Краснодар, 1994. С. 87; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. 802. Оп. 1. Д. 74. Л. 9–13.

4. Казаки Черноморского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов: документальный альбом. С. 72.

В.И. Шкуро (г. Краснодар)

Государственная граница – Москва-Париж: пути казаков Кубани в Отечественной войне 1812 года

От границы России до Москвы, затем до Парижа: именно такой путь проделали кубанские (черноморские) казаки. Черноморская ка-

зачья сотня, входившая в состав Лейб-Гвардии казачьего полка в то лето несла охрану границы вдоль реки Неман. В зоне ответственности этого полка «Великая» армия Наполеона Бонапарта в ночь с 12 на 13 июня 1812 года начала разводить мосты, а на рассвете стала осуществлять переправу на российскую сторону реки. Донские и черноморские казаки первыми открыли огонь по очередным завоевателям и, в числе первых, вошли в столицу врага – Париж.

Служил в Черноморской сотне Захарий Григорьевич Кеда. Был он казаком Кисляковского куреня и имел от роду 26 лет. Службу начал казаком на кордонной (пограничной) линии 16 марта 1802 года. Писать и читать умел. 10 сентября того же года произведен в сотенные есаулы. «1809-го года при взятии крепости Анапы и других бывших там сражениях, где и ранен, ружейной пулею в левую ногу. За отличие в сих сражениях оказанное им награждён знаком отличия Военного ордена Святого Георгия (Георгиевским крестом) № 11242». В то время Георгиевский крест степеней не имел, но при совершении повторного подвига, ему начислялось еще одно добавочное жалование на крест. Эта процедура могла повториться еще раз. З.Г. Кеда повторно совершил подвиг в «Битве народов» под Лейпцигом 4 октября 1813 года. Это, похоже, был первый случай в истории черноморских казаков.

Чуть раньше, 31 мая 1813 года Кеда получил первым офицерский чин хорунжего «за отличную храбрость и мужество в делах с неприятелем», а 5 апреля 1815 года «за хорошее поведение и труды, понесенные во всю кампанию, при переводе из гвардии в войско Всемилостивейше пожалован чином Сотника». С 16 января 1823 года он снова на кордонной службе [1].

Не уронил чести гвардейца и Григорий Михайлович Лященко. Он – из дворян куреня Васюринского. Службу начал казаком 26 сентября 1796 года в возрасте 20 лет, служил на Черноморской кордонной линии, 4 января 1800 года произведён в хорунжие, 24 октября 1808 года – в полковые есаулы, а 19 июля 1813 года, находясь в заграничном походе в составе Черноморской гвардейской казачьей сотни, переименован в ротмистры. «За отличие в сражении под городом Лейпцигом 4, 5, 6 и 7 Октября 1813 года награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом», 18 ноября 1816 года уволен со службы с мундиром, а 18 апреля 1818 года снова вернулся на службу. В годы, когда не избирался от дворянства в Войсковую канцелярию, служил на кордонной линии, «1823 года октября 12 с частью казаков вверенного ему полка, став противу толпы неприятеля, гораздо превосходной силы, неустрашимо и стремительно бросился на ново поселяемое селение Елисаветинское

(ныне станица Елизаветинская), защищая оное ружейным огнем, дал время приспеть другим войскам и тем предохранено селение от разорения, за что Всемилостивейше пожалован Золотою саблею с подписью «за храбрость». Его подвиг описан в книге «Кавказский крест России» (М., 2007, С. 354-356). Проживал в Екатеринодаре. Одно время исполнял обязанности наказного атамана, но из троих кандидатов Император выбрал другого. Умер, очевидно, в 1835 году [2].

13 июня французская армия перешла границу, а уже 14 числа в числе других частей 1-й Западной армии и Лейб-Гвардии Черноморская казачья сотня принимала участие в сражениях при гор. Троки, 16 июня под гор. Вильно (ныне Вильнюс), 15 июля под Витебском, 4 и 5 августа под Смоленском, 26 августа при Бородино, 6 октября под Тарутино и с этого времени уже при преследовании отступающей армии Наполеона.

9-й Черноморский казачий пеший полк в начале войны находился в Дунайской армии, где только что закончилась очередная русско-турецкая война (1806-1812 гг.). Принимавшие в ней участие войска не распускались до ратификации подписанного 16 мая 1812 года в Бухаресте мирного договора. 19 июля 1812 года Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова выступила на соединение с 3-й Западной армией в Волынскую губернию. Перед отправкой на новую войну 9-й пеший полк, воевавший уже 5 лет, был доукомплектован и насчитывал 19 офицеров, 7 сотенных есаулов и 523 казака.

В предверии 100-летия войны 1812 года войсковой архивариус Кубанского казачьего войска в местном архиве фактически не нашел каких-либо документов о боевых действиях полка. Ориентировочно мы можем судить о действиях полка по тем делам, в которых участвовала Дунайская армия. Соединившись с 3-й Западной армией генерала А.П. Тормасова, войска предприняли совместные действия против войск противостоящего им наполеоновского корпуса Шварценберга. В середине сентября, когда объединенные силы наступали в направлении Бреста, из ставки прибыл флигель-адъютант Чернышев и привез новые приказания и повеления. В частности, адмирал П.В. Чичагов должен был с Дунайском армией двигаться через Минск на Борисов, чтобы захватить переправы на р. Березине и не дать Наполеону уйти из России. 16 октября армия Чичагова вышла в поход и 9 ноября захватила Борисов до того, как главные силы Наполеона подошли к Березине. Борисов находился на противоположном берегу реки и, казалось, что ловушка захлопнулась. Но Наполеона не зря считают великим полководцем. Французы начали возводить переправу у м. Шабевичи, в 20

верстах к югу от Борисова. Чичагов увел из города свои войска. А в это время французы готовили настоящую переправу у села Студенки, в 10 верстах севернее Борисова. Утром 11 ноября французы начали переправу именно здесь, сбили заслон и захватили Борисов.

Есаулу И.И. Кияшко удалось найти сведения о некоторых сражениях, в которых участвовал 9-й Черноморским казачий пеший полк: «Декабря 9-го – в сражении при вытеснении французов из местечка Окопов, 20-го – мест. Дубенки; 1813 года Января 1-го – при местечке Хол-ме, с 9 на 10-е – под мест. Ухань, где взяты с неприятельской стороны в плен первый офицер и до 100 человек рядовых, и того же месяца с 16 на 17-е – в сражении под мест. Условичами ... 2-го Февраля – в сражениях под Владиславичами и Красноставом».

По распоряжению Главнокомандующего генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, 9-й пеший полк 14-го февраля был отправлен из армии обратно в гор. Екатеринодар, куда и прибыл 14 мая 1813 года. Прибыло 9 офицеров, 7 сотенных есаулов и 209 казаков. «За участие в Отечественной войне и понесенных при этом трудах и лишениях Государь Император ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловал в 9-й пеший полк на каждого нижнего чина по 10 рублей ассигнациями и всем чинам полка были выданы серебряные медали, установленные в память войны 1812 года» [3].

О том, какой путь прошли казаки, служившие в 9-м Черноморском казачьем пешем полку, можно судить по записям в формулярном списке урядника Михаила Михайловича Буряка, составленном 3 декабря 1825 года. Ему уже было 48 лет. Записи начинаются со слов «В походах и делах против неприятеля был на Дунайской гребной флотилии». Дальше кратко сообщается: «19 сентября 1809 года при взятии города Браилова, 29 мая 1810 года при взятии города Силистрии, с 20 по 29 июня того же года – при разбитии под городами Рущуком и Журжею неприятельских батарей, 9-го июля – при разбитии повыше города Рущука турецкой флотилии». Период войны с французами уместается в одно предложение: «1812 года с 21 декабря по 1 февраля 1813 года в Варшавском княжестве в действиях против французских войск».

Как видим, о сражениях за пределами России говорится скупо, зато более подробно сообщается о делах на Черноморской кордонной линии. Вот пример: «1821 года октября 3 и 5, в сражении с черкесами, нападавшими на пределы сего войска при Петровском poste, где за оказанную храбрость награжден Знаком отличия Военного ордена Святого Георгия» [4].

Более интересные сведения есть в формулярных списках будущего генерал-майора Пшекуя Довлет-Гиреевича Могукурова, представителя закубанского черкесского племени шапсугов. Его судьба, как и судьба некоторых его соплеменников и необычна, и в тоже время, типична для того времени. Еще в годы правления Императрицы Екатерины II у закубанцев случилась межплеменная рознь. Спасаясь от расправы, часть жителей бежала на российскую территорию. Послали делегацию к Императрице, которая Всемиловейше разрешила им жить на земле войска Черноморского. Сформировали Гривенско-Черкесскую станицу и, ее жители тянули такую же служилую лямку, как и все прочие казаки. Что касается П.Д.-Г. Могукурова, то он был ровесником Черноморского казачьего войска. В службу вступил в 20-летнем возрасте, 11 августа 1808 года. Служил на черноморских гребных баркасах Дунайской флотилии, в 1809 году участвовал во взятии городов Измаила, Браилова, в 1810 году – Силистрии, Рущука. В 1811 году, с 29 августа по 3 сентября участвовал в разгроме турецкой армии, 1 октября в сражении выше города Рущука. «За оказанную тут храбрость и мужество был награжден чином хорунжего и находился до окончания войны с турками при полку безотлучно».

Затем «в походе против французских войск, пришедших в Россию, по 2 февраля 1813 года; при овладении местечками Хельм, Окоп, Ухань и Владиславич, за что получил серебрянную медаль». Это была, по-видимому, медаль с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте, учрежденная в мае 1807 года для награждения казачьих офицеров. В дальнейшем в биографии Могукурова много интересных моментов. Так, с 29 мая по 14 июня 1830 года он сопровождал штабс-капитана артиллерии Новицкого и прапорщика Корпуса топографов Станиславова, производивших съемку местности в окрестностях окончательно перешедшей в состав Российской империи турецкой крепости Анапы. Георгий Васильевич Новицкий прославился тем, что в 1829-1830 годах под видом Черкеса посетил Закубанье, Большую и Малую Кабарду, прошел по берегу Черного моря от Гагр до Анапы и по итогам своего рискованного путешествия издал книгу «Географо-статистическое обозрение земли, заселенной нардом Адыхе».

В том же году Могукуров «с 9 ноября находился по особым поручениям при Его Сиятельстве командире отдельного Кавказского корпуса Графе Паскевиче-Эриванском, промежду которым временем был в экспедиции за Кубанью под личным Его Сиятельства начальством с 12 октября по 2 ноября в земле шапсугов... 9 ноября был командирован вместе со статским советником князем Палавандовым для приве-

дения на верность подданства России закубанских народов во владениях Темиргоевского, Натухайского, Жане-Черченеевского и Хамышейского племен, где пробыл до 5 числа декабря».

Еще одна интересная запись в формулярном списке о службе и достоинстве: «... с 27 генваря по 3 марта по особым поручениям Наказного сего атамана у горских народов, а по возврате оттоль 5 апреля поступил на службу за Кубань в Георгие-Афипское укрепление и оттель по воле начальства в экспедиции за Кубанью при переселении Армянского аула из-за Кубани на нашу сторону с 22 по 29 марта (1839 года)». Тогда так называемый «гяур-аул», находившейся в районе нынешней станицы Саратовской был переселен на облюбованное армянами место в юрте станицы Прочноокопской. Все эти меры осуществлялись в связи с передачей Турцией по Адрианопольскому миру, заключенному 2 сентября 1829 года, земель западно-кавказских племен. Могукоров дослужился до чина генерал-майора и должности начальника (атамана) Таманского военного округа уже Кубанского казачьего войска. Наместник Кавказа Михаил Николаевич (Романов) 19 мая 1871 года на яхте «Тигр» подписал приказ по Кавказскому военному округу, что в Высочайшем приказе 26 апреля объявлено о смерти генерал-майора Могукорова [5].

Промежуточные итоги Отечественной войны были подведены 3 ноября 1812 года в МАНИФЕСТЕ Об изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества: «Объявляем всенародно. Всему Свету известно, каким образом неприятель вступил в пределы Нашей Империи. Никакие приемлемые Нами меры к точному соблюдению мирных с ним постановлений, ниже прилагаемое во всякое время старание всевозможным образом избегать от кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорного и ничем непреклонного намерения. С мирными в устах обещаниями не переставал он помышлять о брани. Наконец, приготовя сильное воинство и приумножа оное Австрийскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Итальянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками, угрозами и страхом приневоленными, со всеми сими многочисленными силами и множеством орудий двинулся он внутрь земли Нашей. Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его. Разграбленные имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словом: все неслыханные доселе неистовства и лютости, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобиль-

ное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть. Обладание целым Светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сею боязнью и глубокою ненависти к ней, врацал, изобретал, устраял он в уме своем все коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству ее всеконечное разорение, изобилию ее повсеместное опустошение. Даже хитрыми и ложными обольщениями мнил потрясть верность к Престолу, поруганием же Святыни и храмов Божиих поколебать Веру, и нравы народные заразить буйством и злочестьем. На сих надеждах основал он пагубные свои замыслы, и с ними, на подобие тлетворной и смертоносной бури, понесся в грудь России. Весь свет обратил глаза на страждущее Наше Отечество, и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости. Но велик и силен Бог правды! Не долго продолжалось торжество врага. Вскоре, стесненный со всех сторон храбрыми Нашими войсками и ополчениями, почувствовал он, что далеко дерзкие стопы свои простер, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодейств, мужественных и верных Россиян устрашить, и от погубели своей избавиться не может. После всех тщетных покушений, видя многочисленные войска свои повсюду побитые и сокрушенные, с малыми остатками оных ищет личного спасения своего в быстроте стоп своих: бежит от Москвы с таким уничижением и страхом, с каким тщеславием и гордостью приближался к ней. Бежит, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои, и предавая в жертву все то, что за скорыми пятами его последовать не успевает. Тысячи бегущих ежедневно валяются и погибают. Тако праведный гнев Божий карает поругателей Святыни Его! Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигом любезных наших верноподданных, в начале приносим Мы теплое и усердное благодаренье Источнику и Подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность Нашу всем Нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения, и главную часть или истреблены, или в плен взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое Дворянство не пощадило ничего к умножению Государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству,

какие одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука, с такою же неустрашимостью, расторгала полки неприятелей, с какою, за несколько пред тем недель, раздирала плугом поля. Тако-выми наипаче оказали себя под Полоцком и в других местах Санкт-Петербургская и Новгородская дружины, отправленные в подкрепление войск, вверенных Графу Витгенштейну. Сверх того из донесений Главнокомандующего и других Генералов с сердечным удовольствием видели Мы, что во многих Губерниях, а особливо в Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали из себя предводителей, и не только никакими прельщениями врагов не были уловлены, но с мученическою твердостью претерпевали все наносимые ими удары. Часто при-ставали к посылаемым отрядам Нашим и помогали им делать поиски и нападения. Многие селения скрывали в леса семейства свои и малолетних детей, а сами, вооружаясь и поклявшись пред Святым Евангелием не выдавать друг друга, с невяроятным мужеством оборонялись и нападали на поя-вляющегося неприятеля, так, что многие тысячи оного истреблены и взяты в плен крестьянами, и даже руками женщин, будучи жизнью своею обязаны человеколюбию тех, которых они приходили грабить. Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков! При таковых доблестях его, Мы вместе с Православною Церковью и Святейшим Синодом и Духовенством, призывая на помощь Бога, несомненно надеемся, что если неукротимый враг Наш и поругатель Святыни не погибнет совершенно от руки России, то по крайней мере по глубоким ранам и текущей крови своей почувствует силу ее и могущество. Между тем почитаем за долг и обязанность сим Нашим всенародным объявлением изъяснить пред целым гнетом благодарность Нашу, и отдать должную справедливость храброму, верному благочестивому народу Российскому» [6].

31 января 1813 года из Военного Министерства в адрес наказного атамана Черноморского казачьего войска ушло повеление Императора Александра I отправить в город Брест хорошо укомплектованный всем необходимым конный полк. Война вышла за пределы России, оборонительные бои закончились, и жизнь диктовала необходимость укрепления кавалерии. В Екатеринодаре пошли по тому же пути, что и при формировании гвардейской сотни. Из всех конных полков войска отобрали лучших офицеров, лучших казаков и лучших лошадей.

29 марта 1-й Сборный конный полк Черноморского казачьего войска в составе 19 офицеров, 11 сотенных есаулов и 553 казаков отправился на театр военных действий по высланному маршруту, который предусматривал щадящий режим движения на такое далекое расстояние. Наступающей армии нужны были и здоровые всадники и здоровые лошади. 18 июня переход закончился. После однодневного отдыха в Бресте, полк отправился в Богемию, где располагалась Главная квартира союзных с Россией европейских государств.

Обоевом пути полка мы находим сведения в «Краткой заметке ...» И.И. Кияшко и в некоторых сохранившихся формулярных списках казаков этого полка. Так, казак Павел Михайлович Лега из Брюховецкого куреня стал Георгиевским кавалером (награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия «за отличие в сражении 14 и 15 августа 1813 года под местечком Шейнау»). Из формулярного списка о службе и достоинстве хорунжего Никиты Данильевича Полякова, составленном 22 октября 1825 года можно узнать, что он «1813 года апреля 30 в походе противу французов и в сражениях с ними; августа 7 при местечке Самбойнихе (в Силезии), 14 и 15 – Шейнау в Саксония, 28 – при городе Лейбау, где за оказанную храбрость награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия ...». Казак Канеловского куреня службу начал 5 декабря 1802 года в возрасте 14 лет. Служил в основном на Черноморской кордонной линии. Во время Русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. участвовал во взятии турецкой крепости Анапы [7].

1 сентября, «за оказанную отличную храбрость в сражении при сел. Пуцкау» стали Георгиевскими кавалерами казаки Моисей Назаренко из Динского куреня и Максим Тараненко из Незамаевского куреня.

В Заграничном походе в 1-м сборном казачьем конном полку Георгиевскими кавалерами стали Голуб Трофим Петрович из Платнировского куреня, Ниякий Павел Васильевич из Калниболотского куреня, Чеверда Петр Иванович из Мышастовского куреня (ныне Старо-мышастовская станица).

В местных документах нет указания на место и время совершения подвига. Лишь из формулярного списка о службе и достоинства хорунжего Ивана Петровича Чернышева из Минского куреня (ныне Старо-минская станица) можно узнать, где еще воевали казаки-черноморцы в 1813–1814 гг.: «1813 года апреля 1-го также в походах и делах с неприятелем во всю бывшую с французами кампанию под командою господина генерала от кавалерии графа Платова до самого прекращения оной, как-то: ... Сентября 10-го у местечка Фрауэнштайна, 16-го у города Альтенбурга при разбитии неприятельской кавалерии и про-

гнати с поражением до города Цайц, 22-го – у гор. Хемнице; октября 2-го – выбитие пехоты с деревни Кашвице; 4, 5, 6 и 7-го – в Генеральной баталии у города Лейпцига, потом преследование неприятеля, 8-го – при городе Экарстберге, 10-го – при выбитии неприятеля из города Веймара и занятии сего города, 15-го – у сел. Рамсдорф, 19-го при местечке Салмунстере, 20-го – при городе Генагу, 21-го – при выбитии неприятеля из города Франкфурта на Майне и преследовании его через местечко Гегет, 22-го – между сел. Викертом и местечком Гохгеймом, 28-го в выбитии неприятеля из города Масингейма и преследовании его до крепости Касселя на реке Рейне ...».

О развитии событий у местечка Цайц более подробно написал И.И. Кияшко: «У местечка Цайца полк, бывший в это время в составе летучего отряда князя Кудашева, оказал выдающееся отличие, заслужившее историческую известность. Когда неприятельский отряд генерала Лефевра-Денуэтта достиг м. Цайца и занял лежащие впереди местечка высоты двумя сильными батареями, то князь Кудашев со своим летучим отрядом, состоявшим из одного Донского и 1-го конного Черноморского полков, быстро принудил с помощью нашей артиллерии неприятеля сняться с позиции.

Как только французы начали отступление, отряд князя Кудашева тот час же бросился на них в атаку; несшийся впереди Черноморский полк первый ворвался в местечко, а когда неприятель, засевший в фабричных зданиях, открыл огонь, то казаки немедленно спешили и лихо кинулись на штурм фабрики; вскоре французы были выбиты и понесли огромные потери, причем, отрядом было взято в плен 36 офицеров и 1380 нижних чинов и отбито три знамени и пять орудий».

Но вернемся к формулярному списку: «По переходе за оную (крепость Кассель), 30 декабря при городе Эпиналь и преследовании неприятеля до города Шарма. 1814 года Генваря 23 при городе Сансе, 25-го – при городе Вильнев-де-Руа, февраля 3 при взятии штурмом города Немура, 7-го – у дер. Суппе, 22-го – при занятии города Аренса и Сезана, марта 2 – при разбитии неприятельской кавалерии у Сезана, 8-го – при городе Аренсе, где за оказанную храбрость награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия под № 27496». Кстати, Иван Петрович Чернышев бал также награжден и серебряной медалью «За взятие Парижа» 19 марта 1814 года [8].

Во взятии Парижа принимала участие только одна сотня полка – хорунжего Ивана Саввича Фоменко из Динского куреня. Остальные продолжали воевать на территории Франции. Так в формулярном списке Андрея Ивановича Батюка из Васюринского куреня сделана

запись: «23 и 24 чисел (марта 1814 года) при занятии штурмом города Мелюна, где за оказанную в сем сражении отличную храбрость награжден Знаком отличия Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия» [9].

Привозили казаки из Европы и диковинные для Черномории награды. Казак Роговского куреня Василий Федорович Скаженник и казак Вышестеблиевского куреня Василий Холявка привезли золотые медали «За заслуги», врученные им принцем Евгением Виртембергским [10].

Прошедшие дорогами Отечественной войны 1812 года казаки, возвратившись домой, участвовали ещё в защите родных куреней. В формулярном списке Якова Матвеевича Каракая из Поповичевского куреня, помимо сведений об участии в сражениях с французами, есть такая запись: «1818 года, декабря 24 в прогнании закубанских черкес, переправившихся в 3-й части пограничного караула и в дистанции Елисаветинского поста на нашу сторону, где за отличную храбрость награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия под № 44704» [11].

Онуфрий Андреевич Дубина из Каневского куреня боевое крещение получил в 1809 году «при забратии города Анапы», заграничный поход закончил марта «23-го и 24-го при занятии штурмом города Милюна», не сплеховал и 12 октября 1824 года, когда «был при отражении закубанских черкес, прорвавшихся было через цепь границы в наши пределы в дистанции Елисаветинского поста для разорения устраивающегося у онаго селения, и за оказанную здесь отличную храбрость Всемилоостивейше награжден Знаком отличия Военного ордена Святого Георгия под № 45148» [12].

В нашем крае напомним об Отечественной войне 1812 г служит название одной из станиц в Приморско-Ахтарском районе – Бородинская. В общероссийском масштабе таким памятником является Храм Христа Спасителя в Москве, построенный в свое время на добровольные подаяния всех слоев российского общества и недавно восстановленный.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 2. Д. 299. Л. 19 об.; Ф. 302. Оп. 1. Д. 202.
2. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 324. Л. 1; Д. 515. Л. 14-19; Ф. 254. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
3. *Кияшко И.И.* Заметка об участии в боевых действиях строевых частей Кубанского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и в последующих кампаниях 1813-1814 гг. Екатеринбург, 1911. С. 2-5, 10-17.

4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 906. Л. 426-429.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 63. Л. 872; Ф. 318. Оп. 1. Д. 526. Л. 578-579; Ф. 250. Оп. 2. Д. 515. Л. 40-42; *Чемсо А.* Чемсо. Гривенско-Черкесская станция. Краснодар, 2002. С. 47-48.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 1. Том 32 (1812-1815). СПб., 1830. Ст. 25.257.
7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 906. Л. 281-283.
8. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 843. Л. 367-371.
9. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 906. Л. 173-176.
10. *Кияшко И.И.* Указ. соч. С. 17, 19.
11. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 906. Л. 22-23.
12. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 906. Л. 287-288.

Б.Е. Фролов (г. Краснодар)

Герой Отечественной войны 1812 г.

А.Д. Безкровный

А.Д. Безкровный – самая яркая фигура на небосклоне военной истории кубанского казачества. Почти вся его, в общем-то, недолгая жизнь прошла в непрерывных боях и походах. За 30 лет военной службы он участвовал в 13 кампаниях и 100 сражениях. Судьба хранила его, но отнюдь не щадила, — трудно даже сосчитать бесчисленные раны, полученные им на поле брани. От рядового казака до генерал-майора и атамана Черноморского казачьего войска – такова военная карьера нашего героя.

Алексей родился в 1784 или 1785 году. Дело в том, что в формулярных списках того времени указывали не год рождения, а количество лет. Не зная дня рождения, трудно абсолютно точно установить и год. Сопоставив три формулярных списка А.Д. Безкровного, составленные в разные годы, мы полагаем наиболее приемлемой датой его рождения следует считать 1785 г. [1].

Трудно указать и на место рождения Безкровного. На этот вопрос ответ попытался дать кубанский историк П.П. Короленко. По его словам, Безкровный был природный черноморский казак и родовой дом его находился в станице Щербиновской [2]. Однако, как мог Алексей быть «природным» черноморским казаком, если само войско Черноморское возникло через 2-3 года после его рождения? Как мог «родовой дом» находиться в Щербиновской, если войско начало переселение на Кубань в 1792 г. (т.е. когда Алексею было примерно 7 лет), а куренное селение Щербиновское стало станицей после 1842 г.? До-

кументов на этот счет отыскать не удалось. Точка зрения Короленко, основанная, вероятно, на меморатных источниках, как видим, легко уязвима. По данным же В.И. Шкуро, Безкровный был сыном поручика русской армии [3].

Образование Алексей получил только домашнее. Обучен был русской грамоте (умел читать и писать) и знал «часть российской арифметики».

18 декабря 1800 года пятнадцатилетним подростком Безкровный поступает на военную службу. 28 февраля 1803 г. он производится в сотенные есаулы (*урядник – Б.Ф.*), 24 октября 1808 г. – в хорунжий. За эти годы он участвовал в нескольких закубанских походах, дважды достаивался «монаршего благоволения», получил тяжелую рану с повреждением костей.

Переломным в судьбе Алексея Даниловича стал 1811 г. По повелению Императора из черноморских казаков была сформирована Лейб-гвардии конная Черноморская сотня под командованием «отличнейших офицеров» [4]. Люди в сотню отбирались «хорошего состояния, доброго поведения, здоровья, ростом и лицом видные» [5]. Всего трех офицеров должны были выбрать в сотню ее командир войсковой полковник А.Ф. Бурсак и его отец – войсковой атаман Ф.Я. Бурсак. Хорунжий Безкровный прошел этот жесткий конкурс и попал в число избранных.

В составе сотни Безкровный участвует в арьергардных боях Отечественной войны 1812 г. и так, не выпуская из рук оружия, доходит до поля русской славы – Бородино. Действия казаков на Бородинском поле до сих пор остаются предметом ожесточенного спора историков. В самой битве они фактически не участвовали: из строя лейб-гвардии казачьего полка (куда входила и Черноморская сотня) выбыло всего 13 человек, что просто несопоставимо с потерями других частей русской армии [6]. Историки даже не могут определиться, как назвать вялые действия казаков М.И. Платова и легкой кавалерии Ф.П. Уварова на левом фланге французской армии: рейд, диверсия, вылазка, тактическая демонстрация [7].

А в формулярном списке Безкровного указано, что 26 августа 1812 г. в генеральном сражении под Бородино он в атаке на правом фланге врубился с двумя взводами на вражескую батарею и взял в плен несколько офицеров и нижних чинов противника. Во время этой отчаянной атаки под ним убили лошадь, а сам он получил ранение картечью в левую ногу. Иными словами Безкровный оказался в числе немногих гвардейских казаков, сумевших проявить себя в этом историческом сражении.

Известный исследователь истории Черноморского казачьего войска П.П. Короленко так описывал этот эпизод: «В этом знаменитом сражении принимали участие и наши славные Черноморцы; сотня находилась в день боя на правом фланге армии и приняла участие в стремительной атаке нашей кавалерии на неприятельские батареи и при завладении ими. Во время этой атаки отважный хорунжий Безкровный с двумя взводами стремительно первым ворвался на одну из батарей; лихо заработали казачьи шашки, и вскоре батарея была уже в наших руках; во время атаки под хорунжим Безкровным была убита картечью лошадь, и сам он получил контузию в левую ногу. Невзирая на сильную боль, Безкровный остался в строю. Черноморцы при этом захватили в плен 1 кавалерийского полковника, артиллерийского офицера и 9 нижних чинов» [8].

Из этого отрывка мы узнаём, что черноморцы атаковали вражеские батареи, и одну из них захватил хорунжий Безкровный. Чтобы подстраховаться обратимся к первоисточнику – «Формулярному списку о службе и достоинстве атамана Безкровного». Судя по всему, именно отсюда почерпнул свои сведения П.П. Короленко. «1812, 26 августа в генеральном сражении под Бородино на правом фланге при атаке, врубаясь на батарею с двумя взводами, где убита под ним лошадь, сам от картечи контузию в левую ногу...» [9]. Дальше известные нам данные о пленных.

Обратите внимание: в формулярном списке ни слова о захвате батареи. Добавим также, что ко времени Бородинского сражения А.Д. Безкровный имел уже чин не хорунжего (как пишет Короленко), а сотника (произведён 14 февраля 1812 года). Попутно заметим, что казачьи шашки «заработать» не могли, так как их просто не было у казаков. Для Черноморской гвардейской сотни по заказу в Туле были изготовлены легкокавалерийские сабли [10].

Но вернёмся к анализу статьи П.П. Короленко. Через два листа, после описания подвига Безкровного, идёт речь о действиях командира сотни – А.Ф. Бурсака: «26 августа он участвовал в генеральном сражении при Бородино, в атаке на неприятельские батареи и при завладении ими; за особое отличие в этом сражении он был «рекомендован» [11]. В данном случае слова историка подтверждаются послужным списком А.Ф. Бурсака: «26 августа в Генеральном сражении при Бородине в атаке на неприятельские батареи и при завладении оных» [12].

Мнение П.П. Короленко полностью разделил известный кубанский краевед В.П. Бардадым [13]. Подобная точка зрения характерна ещё для целого ряда работ кубанских авторов с явно выраженным компиляторским характером.

С сожалением приходится констатировать, что интересующий нас эпизод практически не привлекал внимания специалистов по истории войны 1812 года.

Некоторую информацию удалось найти в трудах выдающегося военного историка генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского. В работе 1843 года он написал: «... Первая атака была поручена графу В.В. Орлову-Денисову с полками Лейб-гусарским, Лейб-казачьим и Елисаветградским гусарским. Он должен был спуститься в овраг и, поднявшись на противоположный высокий склон, выстроить полки под огнём неприятельской артиллерии. Атакованная французская пехота, отстреливаясь, поспешно отошла назад, потеряв два орудия...» [14]. Итак, автор ведёт речь не о захваченной батарее, и, тем более, батареях, а о двух орудиях.

Мало того, через два года историк скорректировал свою точку зрения. «В величайший день Бородинской сечи, 26-го августа, граф Орлов-Денисов находился в первом кавалерийском корпусе Уварова... Уваров препоручил первую атаку графу Орлову-Денисову с полками Лейб-гусарским, Лейб-казачьим (в котором состояла Черноморская сотня) и Елисаветградским гусарским... Одолев все препятствия, пустился он в атаку на стоявшую вблизи пехоту. Отстреливаясь, пехота поспешно отошла назад. Находившаяся при ней батарея едва успела отступить...» [15].

Эту же точку зрения высказывает А.И. Попов в цитированной выше «Энциклопедии 1812 года»: «Оставшаяся без прикрытия баварская батарея поспешно отступила». Ещё более интересные сведения приводятся в работе этого же автора, посвящённой Бородинской битве. «... Пока итальянцы приводили свои ряды в порядок, баварские полки: 4-й слева, 5-й справа – бросились в атаку на донцов и схватились с ними на опушке леса. Из-за этих, сделанных второпях, передвижений баварская батарея внезапно осталась одна без прикрытия на кромке берега Войны. «Уже два раза, – вспоминал командир батареи, – подразделения казаков продвигались по дефиле, но под картечным огнём батареи снова отступали назад; более всего подвергался угрозе неприятеля левый, теперь оголённый, фланг этой батареи. Здесь на изгибе левого фланга стояли два орудия и стреляли по русской кавалерии, которая уже находилась по эту сторону дефиле и атаковала батарею. Лишь благодаря рассудительному мужеству командовавшего этими двумя пушками лейтенанта Белли де Пино *удалось отразить налетевших на орудия казаков*. Тем временем прибыл ко мне адъютант генерала Орнано... с приказом о том, что батарея должна

немедленно спастись отступлением. Тотчас приказал я взять орудия на передки. Едва батарея снялась с позиции, как на дамбу ворвались русские кавалеристы» [16].

Подведём итог цитированного материала. Во-первых, против казачьих действий действовала только одна батарея; во-вторых, это была баварская батарея; в-третьих – батарея успела успешно отступить. Как соотносить эти сведения с данными формулярных списков мы пока не знаем. Возможно, два орудия, стоявшие на левом фланге, были приняты за отдельную батарею, и речь затем пошла об атаках на батареи противника. Но как быть с фактом успешного отражения казачьих атак этими двумя пушками и благополучным (хотя и поспешным) отступлением неприятельской батареи. На этот счёт есть несколько, казалось бы, логичных объяснений, но все они из области предположений. Требуется поиск новых источников.

В заключение ещё об одной странности этого боя. О захвате вражеских «батарей» говорится только в формуляре командира сотни А.Ф. Бурсака. У А.Д. Безкровного речь идёт только об атаке батареи, но не «овладении оной». А вот в формулярных списках нижних чинов Черноморской гвардейской сотни уже нет записей и об атаке казачьих батарей. К примеру, в формулярном списке казака А.И. Бондаренко сообщается: «26 под Бородином на правом фланге в атаке противу конницы и пехоты под картечными выстрелами» [17]. То есть в качестве главного объекта атаки выделена пехота и конница, а вражеская артиллерия противодействует этому.

28 августа 1812 г. Безкровный с сотней, в составе стрелковой цепи, с 3 часов дня до 7 вечера отбивал атаки неприятеля. Все биографы Безкровного утверждают, что за этот подвиг и предыдущие геройские дела он был награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость». Однако в «Послужном списке о службе и достоинстве атамана Безкровного» говорится: «был рекомендован к золотой сабле». «Рекомендация» не означала автоматического награждения. В списке кавалеров Черноморского казачьего войска, составленном в 1830 г. и отправленном в Капитул российских орденов, указано, что Золотая сабля получена Безкровным 17 сентября 1829 г. «в чине генерал-майора и настоящей должности (атамана войска – Б.Ф.) за отличия, оказанные противу натухайских горских народов» [18].

Из письма генерала Г.А. Емануеля от 17 марта 1830 г. к Безкровному мы узнаем еще ряд нюансов. «Всемилоостивейше пожалованную по представлению моему Вашему Превосходительству Золотую саблю с надписью «За храбрость», бриллиантами украшенную, за экспе-

диции бывшие в 1828 г. под вашим начальством противу Натухайского народу... препровождаю» [19]. Наградную саблю доставили Безкровному 23 марта 1830 г.

Но вернемся в 1812 год. 3 декабря М.И. Кутузов направляет Безкровного авангардным командиром для «открытия» г. Юрсбурга. Опрокинув и разбив защитников города, Безкровный захватил в плен значительное число солдат и офицеров противника. 4 декабря казаки участвовали в разбитии передового отряда корпуса Макдональда. В сражениях конца 1812 г. Безкровный показал себя не только человеком беззаветной отваги, идущим в атаку впереди всех, но и умным, инициативным, находчивым командиром, тактически грамотным военачальником.

С прибытием Императора Александра I в действующую армию Лейб-гвардии казачий полк получил назначение состоять в охране Императора. Всех казачьих офицеров перевели в армейские чины, сотника Безкровного – в поручики (Высочайший указ от 25 апреля 1813 г., приказ по Черноморскому войску от 19 июля). Состоя в Конвое Императора, Безкровный 8 и 9 мая участвует в сражениях под г. Бауценом, в августе-октябре – еще в пяти крупных баталиях. В знаменитой Лейпцигской атаке Алексей Данилович получил ранение pistolетной пулей в грудь, с тяжелым повреждением ребер (возможно, как знак этого ранения он носил на мундире три вызолоченных ребра). Тем не менее, в послужном списке Безкровного указано еще 12 сражений этой войны, в которых он принимал участие. За храбрость, проявленную в битвах 1814 г. он был награжден орденом Св. Владимира IV степени.

После окончания войны Безкровный продолжил службу в гвардии. В 1816 г. он произведен в чин штаб-ротмистра, в 1817 г. – в ротмистры. Высочайшим указом от 27 ноября 1817 года переводится из лейб-гвардии в войско Черноморское с чином подполковника. Но для залечивания ран ему разрешили остаться в Петербурге по 10 мая 1818 г. [20]. 20 апреля 1818 г. за храбрость и отличия, проявленные в сражениях с французами, Безкровному присвоено звание полковника.

В 1819 г. Алексей Данилович женился на «капитанской дочери Настасии Христофоровой», проживавшей, предположительно в Екатеринославской губернии [21]. В январе 1821 г. Безкровный возвращается на военную службу и назначается командиром 9-го конного полка, а затем начальником 3-ей части пограничного караула [22]. Надо заметить, что Безкровный был вызван на службу для укрепления границы лично генералом М.Г. Власовым в числе лучших офицеров войска. В 1822–1823 гг. он возглавляет специальный отряд, производящий рубку леса за Кубанью.

16 мая 1823 г. Безкровный назначен командиром вновь сформированного 3-го конного полка, с которым по ноябрь 1826 г. находился в Царстве Польском, охраняя границу с Пруссией [23]. За усердие в службе и решительные действия по пресечению пожара, вспыхнувшего в г. Млаве, Безкровный получил благодарность от Великого князя Константина Павловича и орден Св. Анны II степени. 21 марта 1827 г. 3-й конный полк возвратился в Черноморию. С 22 августа 1827 г. Безкровный назначается командующим Черноморской кордонной линией, одновременно «исправляя должность командующего в войске».

27 сентября 1827 г. Безкровный был назначен войсковым атаманом, а «2 октября того же года, по случаю назначения по Высочайшему повелению, Августейшим атаманом всех казачьих войск Наследника Цесаревича Александра Николаевича», переименован из войскового в наказыные атаманы [24].

В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Безкровный возглавил (8 апреля 1828 г.) особый Таманский отряд, составленный из казаков и регулярных войск. Действие отряда во многом обеспечили успешную высадку русского десанта у Анапы. 7 мая русские войска начали бомбардировку этой крепости. Безкровный начальствовал над передовой цепью, лично наблюдая за успешным производством осадных работ. Почти каждый день случались схватки с турками и горцами. Настоящее сражение произошло 28 мая. Турки и горцы атаковали русский лагерь с двух сторон. Бой долго шел с переменным успехом, но, в конце концов, атакующие отступили. В этот момент Безкровный ловким маневром отрезал от крепости нападавший отряд, стремительно атаковал и уничтожил его. За храбрость и распорядительность в этом бою Алексея Даниловича произвели в генерал-майоры. Чуть позднее одно из пограничных укреплений назвали в его честь Алексеевским. Орден св. Георгия IV степени стал наградой ему за отличные действия под Анапой.

Памятник А.Д. Безкровному в ст. Старощербиновской

В 1828 и 1829 гг. Безкровный провел несколько военных экспедиций против враждебных России натухайцев, абадзехов и шапсугов. В начале 1830 г. атаман успешно отразил набег 5-тысячного отряда горцев, возглавляемого известным шапсугским лидером Казбичем. 30 января казаки отряды сами вошли в землю шапсугов. В одном из боев генерал-майор Безкровный лично участвовал в рукопашной схватке и получил тяжелые шашечные ранения в голову, грудь и правое плечо (после этого его постоянно мучили головные боли).

В памяти современников Безкровный предстает как строгий и требовательный военачальник, но, в то же время, отмечали они, чувство военного товарищества было в нем развито чрезвычайно. Уже будучи генерал-майором, он не раз бросался в самые опасные места, чтобы спасти жизнь рядовым казакам. Безкровный был горд, но без спеси, ценил себя и берег свои заслуги. Примечательно, что командующий войсками Кавказской линии и Черноморского войска генерал Емануель, принимавший всех своих подчиненных просто в сюртуке, встречал Алексея Даниловича, в знак особого уважения, в мундире и при орденах.

Требовательность Безкровного далеко не всем приходилась по душе. Боевой генерал «не промокший чернилами и не окутанный архивной пылью» не был тонким мастером интриги и козней. Жадные и продажные черноморские магнаты из числа казачьей верхушки быстро нашли удобный случай, чтобы подставить ему ногу. Повод представился в 1830 г., когда главнокомандующий Отдельным Кавказским Корпусом генерал-фельдмаршал Паскевич прибыл в Екатеринодар. Здесь ему подали жалобу на атамана с обвинением во взяточничестве (жалобу подали Бурсак, Барабаш, Мазуренко, Порожня). В следственном деле Безкровного есть такие примечательные слова: «Прокурор, забыв Высочайше возложенное на него (Безкровного. – Б.Ф.) звание, заслуги Его Отечеству и раны, прикрытые знаками отличия, не устыдился чернить честь Его разными незаконными поступками...» [25]. Еще следствие не закончилось, как Паскевич 11 ноября 1830 г. признал необходимым «удалить генерал-майора Безкровного от должности» [26].

Все биографы Безкровного едины во мнении: да он брал подарки, но вовсе не ради наживы (атаман был богатым человеком). Историк кубанского казачества Ф.А. Щербина писал, что его помощники, внимательно изучив материалы следствия, не нашли там состава преступления. «Провокаторы обвинили Безкровного не в преступлении, а во всеобщем у черноморцев обычае брать подарки и отдаривать...». П.П. Короленко писал: «... в то время в Черномории существовал обычай дарить тех, кого любили и уважали, не только за взаимные одолжения, но и за одну хлеб-соль и приятельство. Не принять подарка

считалось большой обидой для дарителя. Безкровный брал подарки без всякого злого намерения по службе, а просто запросто брал, как брали другие до него и после него» [27].

Уволенный от должности, Алексей Данилович прожил совсем недолго. Покрытый ранами с головы до пят, нравственно измученный, с разбитой жизнью в семье и на службе, он тяжело заболел и 9 июля 1833 г. скончался 48 лет от роду. Часть своего имущества Безкровный завещал на благотворительные цели, а основную часть передал племяннику – коллежскому ассессору Торгашеву. В последующие годы наследство породило длительную судебную тяжбу между Торгашевым, женой Алексея Даниловича – Настасией Христофоровной, воспитанником атамана – Михаилом Безкровным и городом Екатеринодаром. Дело неоднократно передавалось на рассмотрение правительствующего Сената. Лес Безкровного по левой стороне реки Карасун, завещанный им Екатеринодару, достался городу только в апреле 1870 г.

В заключении приведем выдержку из приказа А.Д. Безкровного по войску Черноморскому от 17 марта 1830 г. [28]. Эти строки помогут лучше всего понять внутренний мир и нравственные ценности бесстрашного воина. «Храбрые Черноморцы! Товарищи наши, составляющие первый пехотный полк...оказали отличные подвиги храбрости под Браиловым...Храбрые Черноморцы! Вы всегда славились преданностью и любовью к Царю и Отечеству. Жизнь и достояние наше всегда Им принадлежали, и будут принадлежать. Так мыслю я о вас, сподвижники мои!».

Примечания

1. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 250. Оп. 2. Д. 582. Л. 1; Д. 65. Л. 97; Ф. 249. Оп. 1. Д. 266. Л. 14.
2. *Короленко П.П.* К биографии генерал-майора Безкровного // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 11. С. 43.
3. *Шкуро В.И.* Георгиевское оружие кубанских дворян // Дворяне в истории и культуре Кубани. Краснодар, 2001. С. 54.
4. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 634. Л. 6.
5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 210. Л. 1.
6. *Галанов А.И.* Гвардейские казаки // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 78.
7. См. *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988; Родина (журнал). 1992. № 6-7.
8. *Короленко П.П.* Кубанцы в войне 1812 года // Кубанский сборник 1913 года. Екатеринодар, 1913. Т. XVIII. С. 538.
9. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 250. Оп. 2. Д. 582. Л. 1.

10. *Фролов Б.Е.* Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 47.
11. *Короленко П.П.* Кубанцы в войне 1812 года С. 543.
12. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1205. Л. 31.
13. *Бардадым В.П.* Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 50, 56.
14. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. СПб, 1843. Ч. 2. С. 225.
15. *Михайловский-Данилевский А.И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Военная галерея Зимнего Дворца. СПб, 1845. Вып. 20. С. 7.
16. *Попов А.И.* Бородинское сражение. Боевое действие на северном фланге. Самара, 1995. С. 75-76.
17. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 250. Л. 109.
18. ГАКК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 116. Л. 106.
19. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1064. Л. 3.
20. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 731. Т. 3. Л. 41.
21. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 299. Л. 137.
22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 792. Т. 4. Л. 416.
23. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 128. Л. 275.
24. Кубанское казачье войско. 1696-1888 г. / под ред. Е.Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 281.
25. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1565. Л. 12.
26. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 34. Л. 1.
27. *Короленко П.П.* Атаманы бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. 38.
28. Кубанские областные ведомости. 1896. № 134.

В.В. Бондарь (г. Краснодар)

Представители рода фон Засс – участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг.

Остзейский рыцарский род фон Засс, запечатлевшийся в европейской и российской истории незаурядными биографиями своих представителей - государственных, общественных, религиозных деятелей, ученых, врачей, инженеров и т.д., более прочего славен военачальниками [1]. В Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813 – 1815 гг. это историческое «кредо» рода проявилось наиболее отчетливо. Четыре выходца из лифляндской ветви фамилии – барон Андрей Павлович фон Засс, Корнилий Александрович

фон Засс, барон Андрей Андреевич фон Засс, Александр Павлович фон Засс и один молодой представитель курляндской баронской ветви – Григорий Христофорович фон Засс, прославились на полях сражений от Бородина до Парижа.

Андрей Павлович (Андреас Бурхард Фридрих) фон Засс, родившийся в 1753 году, в восьмилетнем возрасте был записан рядовым в Лейб-кирасирский полк, в пятнадцать лет начал службу в чине подпрапорщика в Лейб-гвардии Преображенском полку, 1 января 1773 г. произведен в прапорщики. За шесть лет дослужился до подполковника и в этом чине 1 января 1779 г. переведен в Лейб-кирасирский полк, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне 1787 – 1791 гг. За отличие в сражении при Каушанах 3 сентября 1789 г. получил чин полковника. Впоследствии командовал Переяславским конно-егерским полком, Киевским конно-егерским полком. В Польскую кампанию 1794 г. отличился при штурме Праги (предместья Варшавы), за что был произведен в бригадиры. В 1796 г. назначен шефом Старооскольского мушкетерского полка и получил чин генерал-майора. С 1802 г. Андрей Павлович командовал Екатеринославским кирасирским полком, в этой должности был удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса «за отличия».

В 1803 г. барон Засс был назначен шефом Переяславского драгунского полка, в 1806 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром сводного кавалерийского отряда, в который входили Лейб-кирасирский Ее Императорского Величества полк, Переяславский и Житомирский драгунские полки. Командуя отрядом в 1806–1808 гг. (во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.), прославился как лихой кавалерийский командир.

14 сентября 1809 г. Андрей Павлович, командуя 16-й пехотной дивизией, овладел крепостью Измаил, за что, помимо «долговременной и усердной службы» были ему «высочайше пожалованы имения Кергель и Таггамоize Аренбургского уезда Лифляндской губернии».

19 мая 1810 г. войска под командованием А.П. фон Засса переправились через Дунай и приступом взяли крепость Туртукай. 13 июня 1810 г. «В награду за отличие и храбрость, оказанные в сражении против турецких войск при взятии Туртукай 19 мая» генералу был пожалован Орден Святого Георгия 3-го класса.

После этих событий А.П. Засс был назначен командиром отряда, направленного в Сербию, откуда он быстро вытеснил турок и взял крепость Кладов. В 1811 г. князь М.И. Кутузов поручил Зассу коман-

довать войсками в Малой Валахии, где генералу удалось отразить наступление 20 тысяч турок под командованием Измаил-паши, что значительно облегчило Кутузову победу под Рущуком.

В конце 1811 г. Андрей Павлович взял отпуск «для излечения болезни», но 6 ноября 1812 года вернулся в армию и командовал кавалерийскими частями 3-й Западной армии, сражавшейся с отступавшими французами на Буге и Немане. В 1813 году генерал Засс участвовал в осаде Торна и в сражении под Бауценом, где вверенные ему части упорно обороняли Барутские высоты. В награду Зассу была пожалована Золотая шпага с алмазами.

В 1814 году генерал-лейтенант Засс вышел в отставку. Скончался в декабре 1815 года [2].

В Военной галерее Зимнего дворца есть портрет Андрея Павловича фон Засса, написанный в 1823–1828 гг. художником Джорджем Доу. Он расположен в пятом ряду снизу между портретами Императора Александра I и Великого князя Константина Павловича и подписан на обороте «А.П. Засс Генерал Лейтенант».

На портрете Андрей Павлович фон Засс изображен в общегенеральском кавалерийском мундире образца 1814 г., на левой стороне груди – серебряная медаль участника Отечественной войны 1812 г. и звезда ордена Святого Александра Невского, на шее – кресты орденов Святого Георгия 3-го класса и Святого Владимира 3-й степени [3].

Корнилий Александрович фон Засс – русский военный инженер, происходил из дворян Лифляндской губернии. Родился К.А. фон Засс в 1759 году, образование получил во 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. По окончании корпуса в 1776 году, получив чин прапорщика, был определен в инженерные войска. К 1797 году К.А. фон Засс дослужился до чина майора и вышел в отставку, однако в 1803 году вернулся на военную службу в Инженерный корпус, с произведением в чин подполковника; в 1805 году произведен в полковники. В 1809 году Корнилий Александрович фон Засс, находившийся в должности начальника Санкт-Петербургской инженерной команды, за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах был удостоен ордена Святого Георгия 4-го класса.

Во время Отечественной войны 1812 года К.А. фон Засс руководил работами по укреплению крепости Нарва; в 1813 – 1814 годах в составе действующей армии и участвовал в походах в Пруссию и Францию. Более точных сведений об участии генерала в заграничных походах на настоящий момент нет.

В 1815 года полковник фон Засс был назначен исправляющим должность вице-директора Инженерного департамента Военного мини-

стерства, в 1816 году он был произведён в генерал-майоры. Скончался К.А. фон Засс в 1822 году в Санкт-Петербурге [4].

Сын Андрея Павловича, герой Бородинского сражения Андрей Андреевич (Гидеон Генрих) фон Засс, в шестнадцатилетнем возрасте (в 1792 году) поступил на службу в Киевский конно-егерский полк (до этого числился вахмистром в Лейб-гвардии Конном полку), в составе которого в чине ротмистра отличился при штурме Праги (предместья Варшавы) во время Польской кампании 1794 г., за что получил чин секунд-майора и золотой офицерский крест. В 1797 году был переведен в Кирасирский Военного ордена полк с чином майора, где прослужил почти десять лет. 1 января 1807 г. определен в Псковский драгунский полк, в составе которого сражался с французами под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. 12 апреля 1810 г. был произведен в полковники и назначен командиром полка.

Псковские драгуны (полк находился в составе 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора Ф.К. Корфа, который был шефом полка) участвовали во всех крупных сражениях 1812 года, особенно прославились в Бородинской битве. Вот как описывает этот боевой эпизод историк А. Бегунова: «Особенно отличился на батарее Раевского Псковский драгунский полк под командованием полковника Засса. Сначала он пошел на колонну противника, которая угрожала флангу двух соседних полков (*Сибирского и Иркутского.* – В.Б.), атаковал ее на рыси и, несмотря на превосходство в силе, обратил в бегство. Потом, под выстрелами неприятеля, Засс собрал полк сигналом «апель» и вторично пошел в атаку» [5]. 23 декабря 1812 года полковник А.А. Засс «В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года августа 26-го при с. Бородине, где двукратно атаковал с храбростию и мужеством неприятельскую конницу и пехоту и, опрокинув оные, решил отражение неприятеля» был пожалован Орденом Святого Георгия 4 класса. Псковский драгунский полк был переведен в кирасирские, что считалось особым отличием, поскольку кирасиры находились в привилегированном положении по отношению к другим полкам армейской кавалерии.

28 августа 1812 года в арьергардном сражении под Можайском полковник А.А. фон Засс был тяжело ранен в плечо, выбыл из строя, но уже в конце ноября вернулся в армию. В следующем 1813 году Засс сражался под Калишем, Люценом, Бауценом и Дрезденом. За отличие в бою под Кульмом, где был ранен пулей в правое бедро навылет, но остался в строю, Засс был награжден прусским Военным орденом Железного креста («Кульмским крестом»).

Далее служебная карьера полководца развивалась следующим образом: 15 сентября 1813 года Андрей Андреевич «за отличие» был произведен в генерал-майоры; принимал участие в знаменитой Лейпцигской битве и всей кампании 1814 года; 20 сентября 1814 года генерал Засс был назначен командиром бригады 2-й кирасирской дивизии, с которой участвовал во втором походе во Францию.

В 1820 г. генерал фон Засс был назначен начальником 1-й Конно-егерской дивизии, в 1826 г. произведен в генерал-лейтенанты, в 1827 г. назначен начальником 2-й драгунской дивизии. В русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Андрей Андреевич командовал 2-й Кирасирской дивизией. За отличие в сражении Кулевичах 8 июня 1829 года получил Золотую шпагу с надписью «За храбрость» с алмазами. В начале 1830 г. генерал Засс был направлен с дивизией в Польшу, где заболел холерой и 16 января скончался [6].

На портрете кисти Дж. Доу в Военной галерее Зимнего дворца Андрей Андреевич фон Засс изображен в общегенеральском кавалерийском мундире образца 1814 г. На правой стороне груди - звезда ордена Святой Анны 1-й степени, на левой – крест ордена Святого Георгия 4-го класса, серебряная медаль участника Отечественной войны 1812 г. и золотой крест за взятие Измаила, ошибочно изображенный вместо золотого креста за взятие Праги; на шее – крест ордена Святого Владимира 3-й степени [7].

Герой Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-1814 годов известный в русской армии военачальник, Георгиевский кавалер генерал-лейтенант Александр Павлович (Кристов Александр) фон Засс был записан сержантом в Лейб-гвардии Семеновский полк в 1793 г. в восьмилетнем возрасте. Через два года, находясь по малолетству в домашнем отпуску, А.П. фон Засс получил чин прапорщика, в 1796 г. пожалован во флигель-адъютанты Его Императорского Величества. С 1805 г. Александр Павлович фон Засс в чине штабс-капитана состоял при генерале Ф.Ф. Буксгевдене, участвовал в австрийской кампании и за отличие в битвах при Вишау и при Аустерлице получил чин капитана (14 июля 1806 г.) и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1807 г. Засс проявил себя в сражениях с французами под Гудштадтом, Гейльсбергом, Вольфдорфом и Фридландом, за что был произведен в полковники и награжден орденом Святой Анны 2-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В 1809 г. двадцатичетырехлетний полковник Засс был командирован на театр русско-турецкой войны в Молдавскую армию и назначен командиром 27-го егерского полка. За мужество, проявленное при пе-

реправе через Дунай и взятии Туртукая, Александр Павлович Засс был награжден бриллиантовыми знаками к ордену святой Анны 2-й степени, за отличие в штурме Рущука 22 июля 1810 г. удостоился Монаршего благоволения. 5 ноября 1810 г. полк в составе отдельного отряда, направленного в Сербию, осадил укрепленный замок Гирсов (другие названия – Гургусовцы, Гурусовицы). Засс устроил батарею из 12 орудий и, открыв огонь, принудил неприятеля капитулировать. 16 декабря 1810 г. «В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в деле при покорении крепости Гурусовицы, где, учредив батарею, действием которой были разрушены стены, своею деятельностью и искусством главнейше содействовал к покорению оной», Александру Павловичу фон Зассу был пожалован Орден Святого Георгия 4-го класса.

В кампанию 1811 г. полковник вновь отличился – в сражении с турками под Виддином и под Лом-Паланкою (особенно 22 июля в бою против Измаил-бея при переправе его через Дунай), за что получил орден Святого Владимира 3-й степени, а ноябре был назначен шефом Белостокского пехотного полка. Одновременно Засс командовал 1-й бригадой 10-й пехотной дивизии 3-го корпуса генерала А.Л. Воинова Дунайской армии.

С началом войны против наполеоновских войск полк Засса находился в корпусе генерала Ф.В. Сакена (фон дер Остен-Сакена) и сражался с поляками и французами под Ковелем, Луцком и Любомлем. В 1813 г. полковник Засс отличился в сражениях при Кайзерсвальде и особенно - под Кацбахом, за что 15 сентября того же года был произведен в генерал-майоры, награжден орденом Святой Анны 1-й степени и назначен командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии; после «битвы народов» при Лейпциге возглавил дивизию и отличился в сражении при переправе через Рейн у Мангейма.

В октябре 1813 года, после смерти генерала Неверовского, Александр Павлович фон Засс был назначен командиром легендарной 27-й пехотной дивизии, считавшейся одним из лучших соединений русской армии. В 1814 г. Засс отличился в сражениях при Бриенне, Ларотьере, Монмирале, Шато-Тьерри, Краоне, Лаоне и Париже. За отличие в сражении при Бриенне был награжден Орденом Святого Георгия 4-го класса повторно.

В кампанию 1815 г. в составе корпуса графа Ланжерона генерал Засс был направлен вграничный поход, где участвовал в блокаде крепостей Фальцбург и Мец.

В 1821 – 1823 гг. А.П. фон Засс командовал 2-й бригадой 8-й пехотной дивизии, в сентябре 1823 г. был назначен начальником 8-й

пехотной дивизии, с которой был направлен на театр русско-турецкой войны 1828-1829 гг. В этой кампании Александр Павлович проявил себя в отражении неприятельских вылазок из Шумлы, за что «в воздаяние примерного мужества и распорядительности, оказанных во все время настоящей войны и в особенности в действиях против неприятеля 16-го и 17-го июля 1828 г. при крепости Шумле, где личным присутствием с отличною ревностью ободрял своих подчиненных» был удостоен ордена Святого Владимира 2-й степени, и уже в чине генерал-лейтенанта (22 мая 1828 г.) – при осаде и взятии Силистрии, после чего «За отличное мужество и благоразумные распоряжения, оказанные при осаде крепости Силистрия» получил орден Святой Анны 1й степени с императорской короной.

По окончании войны генерал Засс принял (4 октября 1829 года) под командование 7-ю пехотную дивизию, с которой принимал участие в усмирении польского мятежа 1830-1831 гг. Награжденный за победы над мятежниками у Ополя и Юзефова золотой шпагой с надписью «За храбрость» с алмазами Александр Павлович Засс завершил боевую карьеру, но в отставку не выходил: в 1833–1839 годах командовал 6-й пехотной дивизией, после чего был переведен в генерал-аудиториат. Скончался в 1843 г. [8].

Григорий Христофорович (Георг Отто Эвальд) фон Засс начал службу в 1813 году в возрасте шестнадцати лет юнкером в Гродненском гусарском полку, с которым участвовал вграничном походе русской армии, преследовавшей наполеоновскую армию. Боевое крещение юный барон получил ровно через месяц после начала службы – 10 августа 1813 г. в бою у богемской деревни Петервальде. Уже 13 и 14 августа он отличился в кровопролитном сражении при Дрездене, за что позже был награжден знаком отличия Военного ордена Святого Георгия, 15 и 17 августа сражался при селениях Елене и Флингингом, за отличие в сражении при Цинвальде 18-го августа был произведен в корнеты «вне линии, за личную храбрость». Далее принимал участие в боях при селениях Гербен, Мона, Шейванд. 5 сентября в знаменитой Кульмской битве Григорий Засс получил ранение в ногу, но из строя выбыл ненадолго – уже 26-27 сентября он сражался под Франсбургом, 28-го – у города Борки, 30-го – у деревни Гребень. Переведенный в Чугуевский Уланский полк корнет Засс в декабре 1813 – феврале 1814 г. участвовал в боях на территории Франции: за Рейном, при крепости Фейзебург, под городом Бриен Ле Шато, при Ришелье, Мартане, Барнорбе и Леблосселе. За оказанное отличие в сражении при городе Труа Г.Х. фон Засс был награжден первым орденом - Святой Анны 4-й степе-

ни. Далее он сражался при селениях Вейш и Мартион, городах Арей и Прешенуаз; 18 марта – на подступах к Парижу, 19-го – уже за его западной окраиной и, как сказано в формулярном списке «во всех бывших во Франции сражениях, патрулях и перестрелках».

В 1815 году барон Засс в составе полка участвовал во втором заграничном походе русской армии, воевал на полях Шампани и при городе Верюп.

23 января 1816 года он был переведен в стяжавший себе громкую славу Псковский кирасирский полк, расквартированный на Украине, где 5 мая 1817 г. получил чин поручика, а 26 апреля 1818 г. – штабс-ротмистра со старшинством с 7 декабря. В сентябре 1820 г. с переименованием из штабс-ротмистра в штабс-капитаны Засс был направлен на службу в Нижегородский драгунский полк, располагавшийся на Кавказе, в котором 11 июля 1821 г. получил чин капитана. Здесь Засс отличился в марте 1822 года, как сказано в формулярном списке – «за рекою Алазанью при разбитии черкесских лезгин и взятии укрепления близ селения Котехи в действительном сражении».

В 1826 г. капитан фон Засс был переведен в пехоту – в 43-й егерский полк, где, прослужив всего полгода, был «за отличие, оказанное в сражении против возмущившихся чеченцев-лаксийцев, Высочайше пожалован орденом Св. Анны 3-й степени» и получил чин майора. В новом чине молодой курляндец был переведен в Навагинский пехотный полк, в котором с ноября 1829 года стоял на должности батальонного командира.

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов Засс с корпусом генерала Паскевича сражался на Кавказском театре. 10 июня 1829 года он участвовал в сражении при селении Кольлы, где его полк отразил атаку неприятельской конницы, а потом полностью разбил и рассеял главные силы Эрзерумского сераскира; 20-го июня – «в овладении приступом укрепленного лагеря трехбунчужного Гачки-паши при урочище Миллид и разбитии всех находившихся в оном войск». До конца июня барон Засс участвовал в походе к крепости Гассанкале и взятии ее, в походе к городу Эрзеруму захвате укрепленной высоты Топдач и взятии города. 7 июля под начальством генерал-майора Бурцова Засс успешно штурмовал крепость Байбурт, 19-го сражался лазами при селении Харт, где «получил сильную контузию в левый бок пулею». После этих событий майор Г.Х. фон Засс «за оказанную ... храбрость и блистательные с примерным мужеством подвиги Всемилодивейше пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом». Быстро оправившись после контузии, офицер 28 июля участвовал в захвате селения Харт и преследовании неприятеля до селения Бала-

хор; в августе он сражался при селении Ашкалу, в октябре и ноябре – «при обратном следовании войск в Грузию в действительных сражениях с турками находился, за оказанное в сих делах отличие произведен в подполковники» (30 января 1830 г.) и «за оказанное отличие ... в разных делах и экспедициях получил Высочайшие благоволения».

В 1830 г. Высочайшим приказом подполковник фон Засс был назначен командиром Моздокского казачьего полка «с состоянием по кавалерии». В 1831–1832 годах Моздокский полк совершил две дерзкие и успешные экспедиции в Чечню и Дагестан, за что Г.Х. фон Засс 4 июня 1832 года был произведен в полковники.

Летом 1833 года полковник Засс был переведен на Западный Кавказ – назначен командовать Баталпашинским участком Кубанской линии. С октября 1834 года он командовал уже всей Кубанской линией, в январе 1840 года был начальником правого фланга Кавказской линии, но в октябре 1842 года из-за размолвки с командующим войсками Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенантом П.Х. Грабе оставил службу на Кавказе. За время своей боевой и военно-административной деятельности Засс, применивший новую тактику ведения войны с горцами, построивший Новую (Лабинскую) укрепленную линию, основавший город Армавир, был награжден за боевые отличия золотой саблей с надписью «За храбрость» (в 1835 году), произведен в генерал-майоры (в 1836 г.), затем в генерал-лейтенанты (в 1840 г.). Воинское искусство личная храбрость снискали ему громкую славу как среди соратников, так и среди противников.

После оставления Кавказа Г.Х. фон Засс был «назначен состоять по кавалерии», а в 1848 году вышел в отставку. С началом венгерской войны 1849 г. генерал вернулся на службу с назначением состоять при Главнокомандующем действующей армией генерал-фельдмаршале графе Паскевиче. Командуя авангардом 3-го пехотного корпуса, Засс отличился в сражениях под Войценом и Дебречином. После окончания кампании барон вновь вышел в отставку, но в 1864 году в почтение боевых заслуг Г.Х. фон Засс вновь был призван на службу с назначением состоять по Кавказской армии с зачислением в запас, а в марте 1877 года был удостоен чина генерала от кавалерии [9].

Примечания

1. Подробнее см.: *Бондарь В.В.* К истории остзейского рода фон Засс // «Да кто душу положит за други своя...». Материалы II международных дворянских чтений. Краснодар, 2006. С. 105 – 114.

2. Биографические данные приводятся по: *Залесский К.А.* Наполеоновские войны 1799-1815. Биографический энциклопедический словарь. М.,

2003. С. 285-286; Русский биографический словарь: В 25 т. / А.А. Половцов. М., 1896-1918; Т. «Жабокритский – Зяловский». С. 257; Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 399-400.

3. Государственный Эрмитаж. Инв. № 7825.

4. Биографические данные приводятся по: *Ивков Д. П.* Исторический очерк Главного инженерного управления за время его существования, с 24 декабря 1862 г. по 20 декабря 1913 г., т.е. до переименования в Главное военно-техническое Управление. Пг., 1915. С. 41; *Волков С.В.* Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том I. А—К. М., 2009. С. 622. Подробнее см.: *Бондарь В.В.* Георгиевские кавалеры – представители рода фон Засс: новые результаты кабинетных исследований // «Нам Богом и Царем дарованная честь...». К 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Материалы VII Международных Дворянских чтений (12-13 ноября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 157-158.

5. *Бегунова А.* Из истории русской кавалерии // Коневодство и конный спорт. 1983. № 2. С. 38.

6. Биографические данные приводятся по: Список генералам с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах. Напечатан по 19 июня 1825 г. СПб., 1825. С. 205. *Залесский К.А.* Наполеоновские войны 1799-1815. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 285; Русский биографический словарь: В 25 т. / А.А. Половцов. М., 1896-1918; Т. «Жабокритский – Зяловский». С. 256; Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 399.

7. ГЭ. Инв. № 8068.

8. Биографические данные приводятся по: *Залесский К.А.* Наполеоновские войны. 1799-1815. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 284-285; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 285; *Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг.* // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 398.

9. Биографические данные приводятся по: Формулярный список о службе и достоинстве командира Моздокского казачьего полка состоящего по кавалерии полковника Засса. Января 1-го дня 1833 года – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14719. Оп. 6. Д. 227. Л. 1-6; Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 10. С. 221; Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 177 – 179; *Genealogisches handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil: Kurland. Band. I. Tartu, 1935. P. 623, 625.*

В.В. Слободенюк (г. Краснодар)

Кубанцы в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года

В августе 1912 года вся Россия чествовала 100-летие Отечественной войны. Основные торжества сосредоточились в Москве и Бородине, где 30 мая к тому времени уже были установлены памятники героям и отдельным частям войск. Сюда в двадцатых числах августа со всей России были командированы представители от всех воинских частей, которые принимали участие в Бородинском сражении 26 августа 1812 года [1]. Среди них присутствовала сводная сотня кубанцев со штандартом, предки которых в составе Черноморской казачьей сотни доблестно сражались в составе кавалерийского корпуса Ф.П. Уварова. Командиром сводной сотни Конвоя был назначен флигель-адъютант, командир Лейб-гвардии 1-й Кубанской сотни есаул А.С. Жуков [2]. Все кавалерийские части были командированы на Бородинское поле сражения в пешем строю. Форма одежды для войск, участвовавших в торжествах на Бородинском поле, была установлена летняя – парадная, при зимних фуражках [3].

По случаю торжеств на Бородинское поле были назначены в командировку: командир Конвоя Свиты Его Императорского Величества, генерал-майор, князь Г.И. Трубецкой; адъютант Конвоя, подесаул И.А. Ветер; подесаул Б.Д. Макухо, сотник Г.И. Гулыга; сотник А.С. Федюшкин (*прим. – Анатолий Семенович*); сотник М.А. Скворцов; сотник А.К. Шведов; сотник Е.Д. Шкуропатский; хорунжий В.Э. Зборовский и 135 нижних чинов. Также, конвойцы были командированы для службы при Высочайшем Дворе, во время празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны [4].

Накануне Бородинских торжеств, в Москву прибыла делегация из г. Екатеринодара: член управы Я.Л. Щупляк, гласные Екатеринодарской думы Г.С. Чистяков и К.П. Гаденко для возложения венка к памятнику на Бородинском поле [5].

Все исторические места Бородинского поля были украшены праздничными атрибутами. Из разных мест России прибывали в Бородино различные делегации и отдельные лица, приглашенные на торжества. Из Франции прибыла военная делегация, возглавляемая командиром корпуса.

К дню приезда Царской Семьи прибыли на станцию Бородино великие князья, в отдельном, специально для них составленном

поезде. Сам Государь Император со Своей Семейей прибыл в Бородино 25 августа.

На станции Бородино к прибытию Царского поезда были выстроены «Встреча» Собственного Конвоя и почетный караул Лейб-Гвардии от Преображенского Его Величества полка. Великие князья, московский губернатор, командующий Московским военным округом, высшие военные и гражданские лица и члены комиссии по юбилейным торжествам также находились на платформе станции Бородино. Государь, приняв рапорт командующего войсками и московского губернатора, обошел строй почетного караула, а затем Царская Семья была доставлена поездом к Царскому павильону, где она находилась в дни Бородинских торжеств. Посетив Спасо-Бородинский монастырь, Государь Император, Государыня Императрица, Наследник Цесаревич и Великие княжны к 3 часам дня проследовали на Бородинское поле, к Бородинскому памятнику. Государь Император сел на поданного ему коня и, в сопровождении большой Свиты проследовал в объезд выстроенных войск [6].

Объезд войск, начавшись с правого фланга дворцовых гренадер, закончился в третьей линии – депутации флота, продолжаясь 45 минут. По окончании объезда Их Величества и Их Высочества направились к Инвалидному дому. Императрица, Наследник Цесаревич и Великие княжны вошли в дом. А Государь Император в сопровождении великих князей, направился ветеранам 1812 года. Император Николай II изволил беседовать с ветеранами Отечественной войны, и принял французскую военную делегацию. В тот же день в походной церкви Императора Александра I была совершена панихида по Императору Александру I, всем вождям и воинам, павшим в Бородинском бою. Крестный ход, шедший с иконой Смоленской Божьей Матери, направился к Бородинскому памятнику. Их Величества вышли навстречу иконе и приложились к ней. Икону, сменяясь, несли солдаты. Государь Император, все присутствующие на торжестве Великие князья и Свита Государя последовали за Святой иконой. Высокопреосвященный митрополит Московский во время следования чудотворной иконы благословил иконами, точными списками и иконы Смоленской Божьей Матерью, те части войск, предки которых в 1812 г. входили в состав третьей пехотной дивизии арьергарда генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, в том числе, 1-ю Кубанскую сотню Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

26 августа в семь часов утра, пятью пушечными выстрелами батареи, расположенной на холме близ монумента Бородинского сраже-

ния населению было возвещено о начале торжественного празднования 100-летия Бородинского боя. Торжество было ознаменовано Божественной литургией во Владимирском соборном храме Спасо-Бородинского монастыря. К 10 часам утра в Спасо-Бородинский монастырь прибыли великие князья и вскоре затем Государь со своей Августейшей семьей. Затем духовенство вместе с митрополитом вышло из собора соединенным крестным ходом, в котором участвовали хоругви всех окрестных церквей, а также прибывшая накануне из Смоленска икона Смоленской Божьей Матери Одигитрия. По всему пути от Спасо-Бородинского монастыря к памятнику стояли шпалерами народ, местные учебные заведения, прибывшие на торжества представители сельского населения всей России, земские начальники [7].

Вокруг памятника были выстроены войска на три фаса. Конвойцы вместе с дворцовыми гренадерами стояли на правом фланге войск. Государь Император и Великие князья следовали пешком за крестным ходом, а императрица с Наследником Цесаревичем ехала в коляске. У памятника духовенством был совершен благодарственный молебен об избавлении России от «нашествия галлов и с ними двенадцати языков». После провозглашения многолетия Государю Императору, всему Царственному Дому и всему российскому воинству, была провозглашена «Вечная память» Императору Александру I, вождям и воинам, павшим в Отечественную войну в 1812 году [8].

В этот момент раздался залп из восьмиорудийной батареи, расположенной на ближайшем холме, отдавая этим честь почившим. Батарея произвела 102 залпа, и, одновременно с артиллерийским салютом, зазвонили церковные колокола. К памятнику были возложены венки от различных делегаций, приехавших на торжества, французская военная делегация возложила к подножию памятника серебряный венок. На могилу князя П.И. Багратиона генерал-адъютант Дурново, как старший в чинах из потомков-участников Отечественной войны, возложил юбилейную медаль с изображением портрета императора Александра I при двух ассистентах из Свиты Его Величества [9].

По окончании торжеств, бывшим на параде 127 конвойцам было выдано 153 юбилейных рубля (10-ти офицерам по 1 рублю, 13-ти урядникам-шевронистам по 3 рубля и 104-м казакам по 1 рублю). Также, чинам Собственного Его Императорского Величества Конвоя было разрешено ношение светло-бронзовой нагрудной медали на Владимирской ленте, Высочайше установленной в память 100-летия Отечественной войны [10].

Празднование юбилейного торжества проходило и в г. Екатеринодаре.

26 августа 1912 г. в Войсковом Александро-Невском соборе, епископом Иоанном было совершено торжественное богослужение, на котором присутствовали Начальник Кубанской области и Наказной атаман М.П. Бабыч, другие начальствующие лица, а также воинские части. По окончании богослужения состоялся парад. После парада на Дмитриевской площадке, прошло грандиозное празднование великого дня. Площадка была украшена национальными флажками и государственными гербами. Соединенными певческими хорами была исполнена юбилейная кантата и много других пьес юбилейного характера. Публики было очень много, чувствовался патриотический подъем.

По окончании церковного торжества масса народа отправилась к обелиску возле Ростовского бульвара, где Его Превосходительство обратился к народу с речью. После этого воинские части направились в казармы, а народ рассыпался по городу, вспоминая великую историческую годовщину.

В народном доме Л.В. Рыздзюнским и Д.И. Подчищаевым были прочитаны сообщения об Отечественной войне, сопровождавшиеся демонстрацией световых картин о событиях. Для бедняков был устроен бесплатный обед. Вечером в помещении общества борьбы с нищетою был устроен литературно-музыкальный вечер, посвященный памяти Отечественной войны 1812 года. Вечер открылся исполнением народного гимна, после которого прекрасно был исполнен ряд музыкально-вокальных номеров [11].

Не остались в стороне в эти дни многие кубанские станицы и другие населенные пункты.

В станице Петропавловской 21 октября 1912 г. в здании 2-х классного Петропавловского училища происходило торжественное празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. В зале, украшенном флагами, портретами Александра I и его сподвижников – героев великой войны были собраны все учащиеся станичных училищ и их родители.

Вначале был отслужен молебен с произнесением вечной памяти Императора Александра I и всем доблестным воинам, павшим в Отечественную войну и многолетия Государю Императору, Наследнику и всему Царствующему Дому. После молебна заведующим 2-х классным училищем Степановым была произнесена речь о значении Отечественной войны для России и всего русского народа. Затем школьным хором был исполнен гимн «Боже, Царя храни». Некоторыми учени-

ками были продекламированы стихотворения и басни, эпохи 1812 года («Бородино», «Два великана», «Воздушный корабль», «Обоз», «Щука и Кот» и др.).

Торжество закончилось раздачей детям юбилейных картин, книг и сладостей [12].

В станице Барсуковской, 25 августа, была совершена панихида по Императору Александру I и павшим в Отечественную войну вождям и воинам. В воскресенье 26 августа станичный атаман, отставной войсковой старшина Я.В. Гетманов, на площади перед казаками и учащимися выступил с речью о событиях Отечественной войны 1812 года. Хор на площади исполнил русский гимн «Боже, Царя храни». Затем казаки и ученики 2-х классов училища прошли церемониальным маршем и направились в школьный двор, где казакам и старикам преподнесено по чарке водки, а детям были розданы конфеты [13].

В станице Таманской накануне юбилея в Вознесенской церкви была отслужена заупокойная литургия по Императору Александру I и всем за Веру, Царя и Отечество положившим живот на поле брани. А 26 августа в 8 часов утра здесь же в Вознесенской церкви начался благовест. В 8 часов 30 минут из 2-х классов станичного училища двинулся к церкви парад. В параде приняли участие: сотня 9-го льготного пластунского батальона, в составе 12-ти рядов во взводе, сотня пеших казаков (при шашках) 2-го Таманского полка, в том же составе рядов во взводах; 4 взвода казаков 3-й очереди; взвод нижних чинов Таманского отряда пограничной стражи в 12-ти рядном составе, полусотня казачат 2-х классов училища и полусотня школьников иногороднего училища; дети были в строю со своими значками, при ружьях. Командовал парадом командир Таманского отряда пограничной стражи ротмистр Фролов. Принимал парад помощник атамана Таманского отдела войсковой старшина Толстопят. Парад под музыку трубачей льготных казаков выстроился на площади у памятника. По окончании литургии было совершено молебствие по чину, положенному 25-го декабря. Затем был совершен Крестный Ход. Во время молебна, духовенство обходило ряды войск и окропляло их святой водой. После него начался церемониальный марш, после которого войска были распущены, а взвод пограничников приглашен во двор женского училища, где общественный сбор станицы в полном составе в присутствии пристава, подъяесаула Толстопята, офицеров и учителей станицы предложил обильное угощение. Вечером школьники, получив по пакету конфет, строем прошли в электро-биограф.

Нижние чины, пограничники также посетили электро-биограф. По возвращении оттуда на площадке перед кордоном жглись бенгальские огни, долго раздавалось пение нижних чинов, восторженно настроенных пережитыми впечатлениями [14].

В селе Армавир празднование юбилея Отечественной войны прошло довольно торжественно и носило чисто народный характер. В разных частях села устраивались лекции, народные представления, показывались синематографические картины эпизодов из Отечественной войны (Кубанский край № 807-196 от 31 августа). 1 сентября собранием служащих в летнем помещении был устроен торжественный юбилейный вечер в память Отечественной войны. У входа была устроена арка с надписью: «Не нам, не нам, а имени Твоему». Военным оркестром были исполнены русский и французский народные гимны [15].

В станице Казанской, 25 августа была отслужена панихида по Императору Александру I и всем погибшим воинам в 1812 г., а 26 августа после обедни на церковной площади у самого правления был отслужен молебен, а затем присутствовавшие казаки и учащиеся станицы прошли парадным маршем перед станичным атаманом. После этого перед выстроившимися учащимися и казаками и при большом стечении народа, заведующим Коробкиным был прочитан Высочайший манифест, а затем была произнесена речь, в которой он кратко познакомил слушателей с историей Отечественной войны. По окончании речи, старикам и участвовавшим в параде казакам было предложено по чарке водки. Перед вечером были устроены скачки с призами для молодых казаков и малолетков станицы, и детские бега. А вечером для народа был сожжен фейерверк и пущена масса ракет. До самого позднего вечера церковная площадь была усеяна ликующим людом [16].

В городском саду Новороссийска 26 августа было устроено большое бесплатное народное гулянье с фейерверками и кинематографическими картинами событий войны 1812-го года. Публики было так много, что негде было упасть яблоку. К двенадцати часам ночи гуляние было окончено [17].

Станица Платнировская, как местопребывание 2-го Черноморского полка, по распоряжению начальства праздновала юбилей с особенной торжественностью. 25 августа в присутствии штаба полка во главе с командиром, всех учащихся и учащихся станицы была отслужена заупокойная обедня и панихида по Императору Александру I, его сподвижникам и всех павших воинах в 1812 году. Вечером, в тот же день штаб полка, местная команда и школы присутствовали на всеобщей. После всеобщей ученикам в убранном зале было устроено

чтение с «волшебным фонарем и пением». 26 августа после обедни и молебна присутствовавшие ученики и казаки станицы прошли парадным маршем перед командиром полка. После парада учащимся были розданы конфеты, а казакам по чарке водки. Затем были устроены скачки для молодых казачат с призами. Вечером в офицерском собрании для офицеров и приглашенной публики и в школе для народа были прочитаны рефераты на тему 1812 г. Во время обедни и перед молебном священники Шамрай и Коробчанский сказали соответствующее торжеству слово народу [18].

В память юбилея Отечественной войны 1812-года, Военный совет журнала «Кубанский край» от 23 августа 1912 г. учредил Бородинские стипендии для учащихся из казачьего сословия Кубанского казачьего войска, в гражданских учебных заведениях, кадетских корпусах. Бородинские стипендии учреждались также постановлениями станичных сборов военных отделов Кубанской области [19].

Кубанцы отметили юбилей Отечественной войны 1812 г. с размахом. В торжествах принимали участие стар и млад. В этом году проходят празднования, посвящённые 200-летию Отечественной войны 1812 г. Отлично, что проходят научные конференции, заседания во всех городах страны, проводятся реконструкции Бородинского сражения, читаются молебны о душах убиенных. Значит, историческая память жива, значит не будет забыта слава русской земли.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 332. Оп. 1. Д, 679. Л. 76-81; *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско, 1961. С. 187-194.
2. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д, 679. Л. 12, 19, 132-134 об.; *Клочков Д.А.* «Отличные храбростью ...». СПб. 2007. С. 255.
3. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д, 679. Л. 13-13 об.
4. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д, 679. Л. 19, 28-29, 38-43.
5. *Южный Б.* Депутация г. Екатеринодара в Москве // Кубанский край (КК). Екатеринодар, 1912. 4 сентября. № 811-200.
6. *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 187-194.
7. Кубанские Областные Ведомости (КОВ). Екатеринодар, 1912. 28 августа. № 190; *Галушкин Н. В.* Указ. соч. С. 187-194.
8. *Галушкин Н. В.* Указ. соч. С. 187-194.
9. Бородинские торжества // ККЛ. Екатеринодар, 1912. 29 августа. № 226.
10. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д, 679. Л. 130-130 об., 115-126.

11. Областная жизнь. Празднование юбилея Отечественной войны в г. Екатеринодаре // КОВ. Екатеринодар, 1912. 1 сентября. № 192; Местная жизнь Юбилейный день // ККЛ. Екатеринодар, 1912. 28 августа. № 225; Местная жизнь // КК. Екатеринодар, 1912. 28 августа. № 805-194.

12. Ст. Петропавловская. Празднования юбилея Отечественной войны / / КОВ. Екатеринодар, 1912. 9 ноября. № 244.

13. Барсуковская // ККЛ. Екатеринодар, 1912. 5 сентября. № 231.

14. 26-го августа в ст. Таманской // ККЛ. Екатеринодар, 1912. 13 сентября. № 237.

15. Армавирская жизнь // КК. Екатеринодар, 1912. 31 августа. № 807-196; Армавирская жизнь // Он же. 5 сентября. № 811-200.

16. Ст. Казанская. Празднование юбилея Отечественной войны // КК. Екатеринодар, 1912. 5 сентября. № 811-200.

17. Черноморское побережье // КК. Екатеринодар, 1912. 31 августа. № 807-196.

18. Ст. Платнировская. Празднования юбилея Отечественной войны // КК. Екатеринодар, 1912. 4 сентября. № 810-199.

19. Областная жизнь. Юбилейные стипендии // КОВ. Екатеринодар, 1912. 19 сентября. № 205; Областная жизнь. Бородинские стипендии казаков // КОВ. Екатеринодар, 1912. 25 октября. № 231; Бородинская стипендия // ККЛ. Екатеринодар, 1912. 28 сентября. № 249; По области. В ознаменование юбилея // ККЛ. Екатеринодар, 1912. 17 октября. № 264.

И.Ю. Мартианова (г. Краснодар)

Отечественная война 1812 года как событие в жизни поколений 20-50 гг. XIX в. По воспоминаниям дворян.

Отечественная война 1812 года в общем контексте российской истории входит в число тех событий, которые являются её узловыми моментами. Через их рассмотрение ярче проступает общий смысл российской истории. Событие такого порядка нельзя исчерпать одним лишь перечислением мест сражений, имён полководцев, прославленных героев, установлением причинно-следственных связей. Чтобы получить максимально полное представление об одном из узловых моментов истории, необходимо проследить его системное взаимодействие с самыми разнообразными явлениями жизни, его преломление в людских судьбах.

В данной работе проанализирован опыт мемуаристов-дворян в осознании Отечественной войне 1812 г. как события наряду с иными событиями своей жизни, отразившихся в их мемуарах. К исследованию были привлечены тексты тех авторов, которые либо были несовершеннолетними в тот трагический для России год, либо родились позже.

Рассуждения о войне с Наполеоном, пересказ хода её событий, просто упоминание 1812 года многие авторы помещали на страницах своих воспоминаний о детстве. Это было одно из тех событий, которое мемуаристы связывали с появлением и первым осмыслением первичных знаний российской истории. Именно с осмысления своего события с событиями 1812 года дворянский ребёнок начинал осознавать свою сопричастность судьбе страны, начинался поиск собственного места и роли в ней. В зависимости от оценки и понимания всей жизни, мемуаристы по-разному характеризовали собственное ощущение события Отечественной войне.

Прасковья Николаевна Татлина, родившаяся в 1808 году, воспоминания посвятила описанию домашней и семейной жизни. Отечественная война стала первым событием её детства и семейной жизни, которое отчётливо запечатлелось в памяти. Прасковья Николаевна наблюдала это трагическое событие глазами четырёхлетней девочки – маленькой участницы огромного потока беженцев из Москвы. Поэтому её воспоминание о происходившем вокруг неё тесно переплелось с ощущением повседневности. Осознание события с народной трагедией отступления и пожара столицы П.Н. Татлина передаёт на страницах мемуаров через призму обыденных детских ощущений и потребностей: « ... сами мы едем в телеге, а отец идёт пешком, потому что на телеге нет места; чувствую в ногах неловкость и думаю, что тараканы чёрные залезли в чулки; обращаюсь назад, всё небо красное: это Москва горит. Была ли я приготовлена к этому ужасу разговорами окружавших, но я живо помню, что я не испугалась, а мне сделалось скучно. Мы остановились в поле, я попросила иголку и лоскутков и стала сшивать их» [1]. Понимание, что это был «ужас» пришло в зрелые годы, а у четырёхлетней девочки было лишь ощущение скуки от невозможности играть и свободно двигаться в телеге, заваленной вещами.

Осознание своего события с происходящим для мемуаристки памятно было и по тому эмоциональному фону, который её окружал: «Всеобщее горе было непонятно мне; но впечатление, которое оно производило на старших, не могло укрыться от моего младенческого ума. Заболело моё маленькое сердце, когда моя мать горько плакала: отец ушёл в Москву» [2]. Дети более склонны запоминать чувства, эмоции, ощущения свои и чужие, нежели последовательность проис-

ходящего. Таким образом, для П.Н. Татлиной в четырёхлетнем возрасте в 1812 году наиболее активными были две системы её жизненного мира – повседневная реальность и система ощущений. Несомненной, но неосознанной частью жизненного мира девочки была система внеповседневной реальности, представленная событиями войны России с Наполеоном. Эта война осталась в памяти женщины через её согласованность (событие) с более активными системами её жизненного мира (повседневность и ощущения). Прасковье Николаевне памятливы были настроения взрослых и уход отца, в которых лично для неё тогда и выразилась война. Оценка и острое переживание сохранившихся в памяти детских впечатлений пришли много позже, что мемуаристка чётко осознавала, когда писала свой текст: «Если бы я была постарше, то и тогда могла бы понять громаду бедствия, и вот по какому обстоятельству. Отец задумал купить землю, чтоб выстроить дом, так как бывший у нас до нашествия Наполеона сгорел. Подыскивая место для дома, отец исходил большое пространство по Москве и всегда брал меня с собою. Тогда-то я и увидела Московское пожарище, развалины, груды камней, обгорелые деревья и много людей, кое-как ютившихся в полуразвалившихся зданиях. Истинного смысла этого пожарища я не понимала ... » [3]. «Подсказки», которые «подбрасывала» система внеповседневной реальности сознанию ребёнка, в то время «не работали», но сохранялись в памяти (и, следовательно, в жизненном мире) Прасковьи Николаевны.

Осознание Отечественной войны как события собственного жизненного мира для младших современников воплощалось в живом общении с её непосредственными участниками. Для детей и подростков, воспитанных на героике Древней Греции и Рима, сражения 1812 года быстро приобретали черты легенды, а их участники становились живым воплощением этих битв. Именно такое переживание события только что осуществившемуся факту истории России подметил М.И. Жихарев, вспоминая об отношениях двух своих современников П.Я. Чаадаева и А.С. Пушкина, которых лично знал: «Перевес влияния в первую эпоху их знакомства был, я думаю, на стороне Чаадаева и, может быть, навсегда таковым остался, как по причине превосходства в годах, чарующего военного предания, правда, недавнего ещё, но уже успевшего сделаться волшебным и обаятельным, и необыкновенным, даже и для такого человека, как Пушкин ... » [4]. Через это «чарующее военное предание», воплощением которого был не только Пётр Яковлевич, но и многие знакомые и родственники поэта, формировалось его чувство сопричастности, со-бытия истории своей страны.

Мемуаристы, чьё детство пришлось на 20–30-е гг. XIX в. фиксировали ощущение своего со-бытия освободительной войны против французов через описание подвигов своих родственников или происшествий 1812 г., которые приключились с ними. Наталья Алексеевна Тучкова-Огарёва (1829 г.р.), вспоминая о начале своей жизни, рассказывала о каждом из братьев своего деда, которые участвовали в той войне [5]. Мемуаристка через осознание своего родства с братьями деда и переживание их ранней гибели вводила героические и легендарные события 1812 г. в свой жизненный мир. Для неё Отечественная война становилась, таким образом, не отвлечённым фактом из прошлого своей страны, а со-бытием собственной жизни, её своеобразным предшествованием.

В своих мемуарах Владимир Александрович Соллогуб (1813 г.р.) передавал своё ощущение события Отечественной войне 1812 г. через рассказ об утрате их семьёй имущества и недвижимости в Москве. Для мемуариста это повод поговорить о поведении своего отца, который не принимал непосредственного участия в тех событиях: «Он (*Александр Соллогуб, отец мемуариста – авт.*) находился в Москве во время вторжения французов. Дом его сгорел. Он лишился богатой движимости, утвари, ценной библиотеки. В кармане у него осталось только двести рублей с небольшим; но, встретив приятеля, бедствующего без копейки, он тотчас отдал ему половину своих денег» [6]. На следующей странице своего текста мемуарист вновь говорит об утраченном доме. И вновь для него это повод упомянуть если не участие, то хотя бы причастность своего отца (а значит и себя самого) к тем событиям [7].

Система вещей, отражающаяся в тексте, играет существенную роль в жизненном мире мемуариста. Упоминаются в тексте воспоминаний не все вещи, а только те, присутствие или отсутствие которых в разные моменты жизни человека символизируют определённое его состояние, положение, мироощущение и т.д. В.А. Соллогуб упоминал сгоревший дом как катализатор своей памяти, своего ощущения сопричастности незаурядности своего отца, проявившейся именно в то героическое для России время, которое таким образом становилось со-бытием для него, рождённого после войны.

Пётр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 г. Отечественная война 1812 г., казалось бы, для него и вовсе «далёкое» событие. И, тем не менее, в его мемуарах явно присутствует осознание своей сопричастности этому событию. Это ощущение мемуарист передаёт рассказом о подвигах своего деда Николая Семёновича Сулиммы и описанием детской повседневности. Ощущение причастности той войне он получал не в классной комнате за чтением книг, а на полях былых

сражений под Малоярославцем и Тарутино, где губернёр-француз ярко и живописно воскрешал образы и события войны с Наполеоном. Своё со-бытие Отечественной войне 1812 г. Пётр Алексеевич выразил в иронии, с которой он в детстве замечал падение красноречия месье Пулэна на поле под Тарутино по сравнению с его рассказом на поле под Малоярославцем [8]. Для мемуариста это был живой отклик того русско-французского противостояния, который вновь и вновь возникал в беседе французского губернёра и маленького русского княжича в тех памятных местах во время обыкновенного переезда весной из Москвы в поместье на лето. Системы повседневной и внеповседневной реальности жизненного мира П.А. Кропоткина согласовывались в тот момент благодаря возникающему ощущению со-бытия событиям 1812 г. Это было своеобразное продолжение Отечественной войны в их личном противостоянии.

Владимир Сергеевич Печёрин (1807 г.р.) в переживании Отечественной войны как события своему жизненному миру фиксировал начало становления в нём системы своеобразного и нетипичного для русского дворянина мировоззрения и политических убеждений: «Всего забавнее, что в день рождения Христова, когда с коленопреклонением торжествовали избавление России от Галлов и с ними двадцати язык, я про себя молился за французов и просил бога простить им, если они заблуждались!» [9]. Он был республиканцем, покинул Россию, принял католичество и, монашествуя, всю жизнь провёл в Европе.

Дочь Императора Николая I, греческая королева Ольга Николаевна в мемуарах так же на страницах воспоминаний о детстве поместила своё ощущение события Отечественной войне: «Наконец Москва, Кремль! Моё сердце билось. Пожар 1812 года, героическая борьба наших храбрецов – как близко было ещё всё это! Тогда я впервые и ещё неясно ощутила, что значит Россия, Отечество» [10]. Это воспоминание семидесятилетней мемуаристки относилось к своему четырёхлетнему возрасту. Приведённые несколько строк о войне 1812 г. она ввела в повествование о детстве, чтобы с помощью выраженного чувства сопричастности этому свершившемуся факту российской истории показать свою принадлежность жизненному миру России и свою русскость. Для лиц Императорской Фамилии подобная демонстрация и политический акт, и личный поиск в определении своего Я. Постоянные браки Романовых с представителями правящих домов Европы заставляли их детей рано задумываться о своей национальной принадлежности. Вопрос о национальной самоидентификации вставал перед Царскими детьми и в более поздние годы, когда решался вопрос об их браке. В

словах Великой княжны Ольги Николаевны кроется не только патетический образ патриотки, но и её национально-культурный выбор.

В жизненном мире человека ощущение события какого-либо события истории играет чаще всего роль согласования между отдельными его системами. Ощущение и осознание своего со-бытия какому-либо историческому событию, как отмечал Б.Г. Соколов, расширяет пределы самого события в восприятии человеком, придаёт ему черты тотальности и значимости [11]. Именно эта черта восприятия исторического события и была выражена авторами воспоминаний в той или иной форме. В данной работе с помощью мемуарных источников выявлена способность исторического факта продлеваться во времени и после своего формального завершения. С течением времени возросло и значение этой войны, благодаря такому явлению жизненного мира человека как способность ощущать своё событие прошедшему. Если в 1813 году эта победа русского оружия сделала Россию ведущей политической державой Европы, то в последующие годы культурный «капитал» значительно вырос – сознание и осмысление этой победы стало неотъемлемой чертой русского менталитета.

Примечания

1. *Татлина П.Н.* Воспоминания Прасковьи Николаевны Татлиной (1812–1854) // Русский архив. 1899. Кн. 3. С. 191.
2. Там же.
3. Там же. С. 192.
4. *Жихарев М.И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 67.
5. *Тучкова-Огарёва Н.А.* Воспоминания. М.: Гос-ное изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 20–21.
6. *Соллогуб В.А.* Воспоминания. М.: Слово, 1998. С. 24.
7. Там же. С. 25.
8. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966. С. 72–73.
9. *Печёрин В.С.* Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 152.
10. *Романова О.Н.* Сон юности // *Боханов А.Н.* Николай I. М.: Вече, 2008. С. 316.
11. *Соколов Б.Г.* Современная размерность истории: исторический топос со-бытия // Метафизические исследования. Вып. 2. История. Альманах Лаборатории Метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. СПб: СПбГУ, 1997. С. 77.

К.М. Алиев (г. Махачкала)

Они сражались за Россию: о кумыках, участниках войны 1812 года с Наполеоном

Наполеоновские войны – важная веха всемирной истории. Коренной перелом в этих войнах наступил в 1812 году после жестокого поражения агрессора в России, когда из 614-ти тысячного войска захватчиков от смерти и плена спаслось лишь около 30 тысяч человек. В результате заграничного освободительного похода русской армии в 1813–1814 гг. от наполеоновской тирании была освобождена вся Европа. Русские войска с триумфом вошли в Париж, и Император, перед которым трепетал некогда весь мир, отрекся от престола и удалился в изгнание.

Во всех этих актах всемирной истории вместе с русскими приняли участие и представители многих народов многонациональной России, которые с честью прошли свой боевой путь в составе победоносной русской армии и разделили ее славу [1].

Как свидетельствуют источники, с началом войны законодательным актом от 24 января 1808 года по инициативе крымских мурз были сформированы четыре конных полка по образцу Донских казачьих полков под началом командиров и офицеров из именитейших фамилий Крыма. Полки получили название по уездам, из жителей которых они составлялись. Симферопольским конно-татарским полком командовал Кая-бей Балатуков, Перекопским – Ахмет-бей Хункалов, Евпаторийским – Абдулла-ага Мамайский, Феодосийским – Али мурза Ширинский.

В 1809 году Евпаторийский и Феодосийский полки выдвинулись на границу Киевской и Житомирской губерний. В начале 1812 года Евпаторийский конно-татарский полк был направлен в Виленскую губернию и вошел в состав 2-й Западной армии. Он занимал кордоны по р. Неман и участвовал в сражениях с авангардными войсками противника, а Перекопский и Симферопольский полки участвовали в Бородинском сражении. Действительно, после начала боевых действий в Отечественную войну 1812 года указанные полки принимали участие во всех боях и сражениях в корпусе войскового атамана Платова. Крымцы участвовали в ежедневных сражениях, изгоняя неприятеля из Москвы.

После оставления русскими войсками Москвы, при преследовании отступающего из России неприятеля Симферопольский и Перекопс-

*Группа чинов Крымско-Татарского эскадрона. 1858 год.
Картина работы А. И. Гебенса.*

кий конно-татарские полки сражались при Малоярославце, Красном, Тарутине, Гжатске, Дорогобуже, у Боровицкого перевоза, под Кохановом, Смоленями, по дороге в Вильно у Понарских гор, при переходе через Неман. Между прочим, 11 октября 1812 года, в тот же день, когда французы вышли из Москвы, в оставленную неприятелем столицу вступил генерал-майор Иловайский 4-й, оставшийся старшим в отряде взятого в плен генерала Винценгероде, с лейб-казаками, казачьими полками своего полка и Перекопским конно-татарским полком, истребил и захватил в плен значительное число французских мародеров и отправил казачьи полки, в том числе и Перекопский, для наблюдения за отступавшими неприятельскими полками по Звенигородской дороге.

Таким образом, Перекопский конно-татарский полк был в числе первых воинских частей, кто вошел в оставленную захватчиком древнюю столицу России. Факт этот весьма примечателен и заслуживает более пристального внимания.

Отличились крымско-татарские конные полки и в заграничных освободительных походах русской армии 1813-1814 гг. – походах, в которых «авторитарная» Россия спасла «демократическую» Европу от авторитаризма Наполеона. Так, Симферопольский конно-татарский полк, находясь в составе корпуса генерала от кавалерии герцога Александра Виртембергского (Вюртембергского), сражался при Тильзите, Рогниде, Бранденбурге и др.

Симферопольский полк участвовал и далее во многих сражениях в Германии и Франции, наряду с Перекопским, который также был под стенами Данцига, в Германии и Франции. Евпаторийский конно-татарский полк в начале 1812 года был выдвинут в Виленскую губернию и входил в состав 2-й Западной армии генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона. Вначале полк занимал кордоны по реке Неман, а затем вошел в состав 3-й армии генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова. Полк участвовал в сражениях с авангардными неприятельскими войсками под Житомиром, при Люблине, при изгнании французов из Брест-Литовска, при Кобрине (15 июля), Городечне (31 июля), Пружанах, Белостоке, Заблудове (где был наголову разбит французский генерал Ферьер), Несвиже, Минске, при с. Гредине и Кайданове и др., в частности под местечком Любомлем, при нападении цезарского (австрийского. – М.М.) генерал-цейхмейстера и разгроме его при деревне Низевичи. При преследовании неприятеля Евпаторийский полк входил в состав армии адмирала Павла Васильевича Чичагова, в корпусе генерал-адъютанта графа Ламберта, а за границей принимал участие во многих сражениях, в частности при Люцене, Кульме, Бауцене, под Лейхтенбергом, при Дрездене и под Парижем.

Особенно крымские татары отличились в блокаде и взятии крепости Данциг, за что командир Симферопольского конно-татарского полка полковник Балатуков Кирилл Матвеевич (он же Кая-бей Мемет-беевич) (1774–1827) был произведен в генерал-майоры [2]. Он был награжден 31 декабря 1812 г. орденом Св. Георгия 4-й ст. за боевые отличия, а именно: «Воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года, октября 6, где при атаке французского отряда, презря слабое положение своего здоровья, вызвался охотником и, когда сделан был удар неприятеля, то с частью вверенных ему стрелков понесся впереди линии с отличным стремлением прямо на неприятельскую батарею и завладел одною пушкой» [3].

19 марта 1814 года Симферопольский и Перекопский конно-татарские полки в составе авангарда русской армии, которым командо-

вал атаман Войска Донского граф М.И. Платов, через Порт-Клиши вступили в Париж и стали лагерем на Елисейских полях [4]

На полях сражений отличились отвагою братья-кумыки Хасан-мурза и Батыр-мурза Уздемниковы. Из скудных данных, которыми располагают источники, известно, что Хасан-мурза Уздемников, сотник Перекопского полка и кавалер ордена св. Анны 4-й степени, геройски погиб, возможно, в Бородинском сражении в 1812 году, а его брат, войсковой старшина Перекопского полка и кавалер ордена св. Владимира 4-й степени Батыр-мурза Уздемников погиб в 1813 году в одном из сражений с французами близ г. Можайска. Участником этой войны был и Тарковский, капитан Волынского пехотного полка. 31.10.1812 за отличие в сражении с французами он был произведен в майоры [5], но, ни имени его, ни отчества, ни дальнейшей его судьбы мы не знаем.

Какого рода-племени были эти герои? Как свидетельствуют крымские источники, где-то в начале 1700-х годов, а может, и несколько позже к крымскому хану Каплан-Герею (правил в 1707–1708, 1713–1715 и 1730–1736 гг.) на службу с Кавказа в одно время и вместе перешли князья Болатуковы, Хункаловы и Чериковы. Родоначальником первых был князь Аджи Бекир бей Болат оглу, вторых – кн. Хункал бей, третьих – был Уздень Черик бей из кумыкских князей. Первые два рода считаются кабардинскими, хотя, как известно, они также считаются тюркскими по своему происхождению.

Кроме того, род Болатуковых (Болатукаевых) в прошлом был известен как среди кумыков, так и особенно у их сородичей балкарцев-чегемцев, которые, по преданиям, считаются «хазарами – выходцами из Дагестана» (Пфаф). С другой стороны, имеются сведения о том, что родоначальником трех княжеских фамилий Чегема (Балкаруковы, Барасбиевы, Кучуковы) якобы был Анфако Болотуков выходец «из адыгского племени абадзехов» (М. Ковалевский). Согласно сведениям того же Ковалевского Болатуковы прибыли в Чегем приблизительно в XVI столетии. Следовательно, если даже принять эти сведения как достоверные, то должны признать то, что за несколько веков (XVI–XVIII вв.) их пребывания среди чегемцев они должны были *отюречиться* – стать балкарцами [6]. Известно, например, что прадед Кая Бея Аджи Бекир прибыл в Крым в 1709 г. с Кавказа и служил министром финансов во время правления Каплан-Гирея. Его внук – Казнадар Мегмет Бей, отец Кая Бея, был министром финансов Крым-Гирея в период его первого правления (1758–1764 гг.). А после присоединения Крыма в 1783 г. к России он был назначен судьей областного словесного суда.

Что касается рода Уздемниковых, родоначальником которого стал «Уздень Черик бей из кумыкских князей», то по традиции принято считать, что потомство кн. Черик бей по мужской линии приняло фамилию Уздемниковых, а по женской – Чериковых [7], впоследствии переделанное в Чергеевых.

В фонде Таврического Дворянского Депутатского Собрания Центрального Государственного Архива АРК (ЦГААРК) хранятся дела крымскотатарских дворянских родов, одним из которых является род беев Уздемниковых-Чергеевых, потомками которых были Хасан-мурза и Батыр-мурза Уздемниковы.

12 мая 1820 года в Таврическое Дворянское Депутатское Собрание помещиком Перекопского уезда 14-ого класса Кутлушах мурзой Черик оглу (позднее Чергеев) было подано прошение о внесении его в дворянскую родословную книгу. В свидетельстве двенадцати знатных крымских мурз подтверждалось, «... что предъявитель сего 14 класса Кутлуша мурза, как нам совершенно известно, имеет происхождение по мужской линии от предка его, выехавшего из-за Кубани, происходящего из рода кумыкских беев, Ахмет бей Черик оглу; прадед его Пириш бей, дед его Мегмет мурза и отец его Фетали мурза, до присоединения к Российской державе Крыма отправляли при властвовавших ханах службу сходственную с дворянским названием...».

По архивным документам известно, что Кутлушах мурза Черик оглу был представлен в конце 1784 г. в Бахчисарае Императрице Екатерине II во время ее пребывания в Крыму и тогда же, видимо, вступил в службу. И вот уже 20 мая 1808 года получены были при письме за №611 от Херсонского военного губернатора были вручены Высочайшие награды и подарки именитым мурзам Крыма, принимавшим участие в составлении татарских полков, среди которых был Кутлушах мурза Чериков, которому был присвоен чин коллежского ассесора [8]. Эти полки впоследствии приняли участие в войне с Наполеоном. В составе этих полков и воевали его потомки и родственники.

В 1820 году Кутлушах мурза, продав имение в дер. Тавель Симферопольского уезда переезжает с семьей, женой и двумя детьми, в Перекопский уезд во владение при дер. Коджагуль, Курчи-Кирей и Тамгаджи-Кирей.

В 1821 году в семье Кутлушаха Чергеева родился сын – Булат-бей. Булат-бей поступил на царскую службу в чине унтер-офицера Лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона в 1845 году. Участвовал в Крымской войне. В 1880 году за 25-летнюю службу был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и уволен в отставку в чине майора. В разные годы был также награжден медалями: серебряной за защиту Севасто-

поля, бронзовой в память войны 1853-1856 гг. на Георгиевской ленте и темно-бронзовой в память Турецкой войны 1877-1878 гг. Булат-бей Чергеев был женат на родовой Бенгли Султан Ханым Булгаковой. В деле имеется метрическое свидетельство, выданное уездным кадием, о рождении у них 13 января 1857 года сына Мемет-бей. В 1889 году Сенатом было утверждено ходатайство о включении в Дворянскую родословную книгу майора Булат-бей Чергеева и сына его Мемет бей.

Именно их потомком является известный крымско-татарский писатель и поэт Асан-бей Чергеев (1880-1946). 12 Августа 1909 года утвержден указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии, от 10 ноября за № 2641 Асан бей Мемет оглу Чергеев сопричислен к дворянскому роду мурз Чергеевых и внесен при предках его в третью часть родословной книги. В материалах дела сохранилась запись, написанная рукой писателя место жительства в гор. Симферополь, ул. Графа Толстого, дом №14, дом в котором жил А. Чергеев сохранился до наших дней.

Асан-бей Чергеев принадлежал к новому поколению крымско-татарских писателей, выросших на бурной волне литературной деятельности «Терджимана» в конце XIX и начале XX века, но уже не соглашавшихся со слишком осторожной линией «Терджимана». Большая часть молодой интеллигенции, не соглашавшаяся с консерватизмом «Терджимана», способствовала основанию в 1906 году в городе Карасубазаре (Белогорске) новой, более прогрессивной газеты «Ветан хадими» («Служение Родине»). Создателем ее был талантливый публицист с революционными взглядами, депутат от крымских татар во II Государственной Думе Решид Медиев (1880–1912). Вокруг этой новой газеты объединились молодые писатели Асан-бей Чергеев, Ильяс-мирза Бораганский, Сабри Айвазов, Осман Заатов и др. Однако газета «Служение Родине» просуществовала недолго. После разгона III Государственной Думы началась столыпинская реакция, которая на своем пути смела и эту газету.

В советский период, с октября 1921 г., Асан Чергеев работал преподавателем Крымского педагогического техникума, где он вел русский язык. В техникуме лекции по филологии читал профессор Б. Чобан-заде, родной язык – Шевки Бекторе, которые, как мы знаем, впоследствии переехали в Дагестан и Азербайджан.

Потомственный дворянин Асан-бей Чергеев разделил трагическую судьбу своего многострадального народа, испытал всю горечь унижения при выселении и погиб в 1946 году, как и десятки тысяч его сородичей под Андижаном (Узбекистан).

Память о 1812 г. не должна и не может быть предана забвению. Отечественная война 1812 года — это великое событие, уроки которого не стоит забывать и сегодня.

Примечания

1. *Алиев К. М.* Кумыки в военной истории России. Махачкала. 2010. С.18.

2. *Муфтийзаде И.М.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным материалам). — Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1899. — С.6-7; *Его же.* Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784-1904 г. (по архивным материалам). — Симферополь, 1905. — С. 9; *Муфтий-заде И.М.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // Восточная коллекция, 2001. № 3. С.115, 117; *Масаев М.В.* К годовщине Бородинского сражения. Крымскотатарские конные полки в Отечественной войне 1812 года и в заграничных освободительных походах русской армии 1813-1814 годов // Отечество. — 1998. — № 6. — С.4; Балатуков, Кирилл Матвеевич // ru.jazz.openfun.org/wiki/Балатуков,_Кирилл_Матвеевич.

2. *Масаев М. В.* Крымскотатарские генералы (Кая-бей Балатуков и Ахмет-бей Хункалов): исторические портреты // Доля. — 1999. — № 1(8). — С. 19-20.

3. *Абдуллин Х.М.* Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С.49-54.

4. *Масаев М. В.* Крымскотатарские формирования в войнах против наполеоновской Франции. // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 1999. — № 6. — С. 156.

5. ОФИЦЕРЫ 1812 ГОДА (информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 года) // officers.wardoc.ru/officers.php?id=44

6. *Алиев К.М.* Они сражались за Россию // Дагестанская правда. 2012. 7-8 сентября; *Его же.* О кумыках, участниках Отечественной войны 1812 года // «Ёлдаш/Времена», 31-08-2012.

7. Фамилия Чериков происходит от прозвища Черик, которое в переводе с тюркского означает «войско». Вероятно, так называли храброго воина или военачальника. Таким образом, фамилия Чериков содержит указание на род занятий предка. Известен и русский род Чериковых («из татар»), которому приписывают происхождение от племянника хана Берке, вышедшего в конце XIII века на Русь и принявшего при крещении имя Пётр. В 1380 году Пётр Игнатьевич Чериков участвовал на стороне Дмитрия Донского в Куликовской битве — К.А.

8. Старейшие династии крымско-татарского народа
// www.kitaphane.crimea.ua/ru/pomni-rod-svoi-svoikh-predkov.html

Н.Д. Дмитриева (г. Москва)

Род Панчулидзевых на службе Отечеству

Передо мной огромное родословное древо древнего дворянского рода Панчулидзевых. Проходили века, сменялись поколения, но каждое новое поколение вносило свой вклад в создание великой Империи. Дворянство всегда было военным служивым сословием. И род Панчулидзевых — наглядное подтверждение этого. Многие десятки представителей этой династии верой и правдой служили Отечеству, проливая свою кровь на полях сражений, будучи губернаторами, предводителями дворянства, а впоследствии — учеными, врачами, учителями, художниками, писателями. Они обогатили науку и культуру других стран и народов, они вошли в историю, но историю созидания, а не разрушения.

История дворянского рода Панчулидзевых ведет свое начало с IX в., из Имеретии. Родоначальником считается *Мтавари* (владетельный князь) *Да-Панчули*, упоминаемый в житиях грузинских святых. На протяжении нескольких веков его многочисленные потомки были азнаурами — служилым сословием грузинских Царей. Так, в XVII в. Павел Панчулидзе был придворным имеретинского царя Георгия III, а Матвей Панчулидзе — гофмаршалом имеретинского царя. Первым представителем рода, начавшего служить Русским Государям, стал Иван Семенович Панчулидзе — стольник Царя Алексея Михайловича, а затем уфимский воевода.

Но подлинным основателем мощной ветви Панчулидзевых в России стал Давид Матвеевич Панчулидзе. Переселившись в 1738 г. из Имеретии в Россию в царствование Анны Иоанновны, он поступил на российскую государственную службу и в 1753 г. принял русское подданство. Был воеводой в Рославле, в Мценске, воеводским товарищем в Великом Устюге, председателем великоустюжской управы, а с 1782 г. — советник саратовской гражданской палаты. Был женатым на Марии Гавриловне Всевожской, имел от нее трех сыновей — Ивана, Алексея и Семена, дочь Анну. Двое сыновей избрали военную карьеру, Алексей преуспел в гражданской.

Поскольку наша конференция посвящена героям войны 1812 года, остановимся на сыновьях Давида Матвеевича, живших во времена войны с Наполеоном и сделавших вместе со всеми эту эпоху героической.

Иван Давыдович Панчулидзе (1759—1815), в армии — Панчулидзе 1-й. Генерал-лейтенант, шеф Черниговского драгунского полка. Начал службу в 1774 г. сержантом в Преображенском полку. Был

ранен при взятии Очакова в 1788 г., участвовал в Крымской кампании 1790-1791 гг., в Персидском походе 1796 г. Отличился при Шенграбене в 1805 г., командовал кавалерией правого фланга войск союзников при Аустерлице, где получил второе ранение. В 1809-1810 гг. участвовал в боевых действиях на Кавказе, где отличился под Анапой. В 1812 г. командовал кавалерийской бригадой во 2-й западной армии под командованием кн. Багратиона. Под Бородином командовал кавалерийской дивизией. Отличился и в заграничном походе 1813-1814 гг. Кавалер ордена Св. Георгия 3-й и 4-й степеней, Владимира 3-й и 4-й ст. за боевое отличие, Анны I ст., Белого Орла, дважды – Золотой шпагой с алмазами «За храбрость» и другими.

Был женат на Марии Андреевне Баратынской (1781–1845) – тетке поэта.

Семен Давыдович Панчулидзе (1767 – 17.12.1817). В армии – Панчулидзе 2-й). Генерал-майор. Шеф Ингерманландского драгунского полка. В 1785 г. окончил Петербургский кадетский корпус. Участник Польской кампании и штурма Праги (предместье Варшавы). Участвовал в битвах при Шенграбене, Аустерлице и Фриндланде. В 1812 г. командовал кавалерийской бригадой в 1-й западной армии под командованием Барклая-де-Толли, под Бородином — кавалерийской дивизией. Особо отличился при Аустерлице, Бородине и Тарутине. Кавалер ордена св. Георгия 3-й и 4-й ст., Владимира 3-й и 4-й ст. за боевое отличие, Анны I ст. с бриллиантами, прусского ордена Красного Орла, дважды – Золотой шпагой с алмазами «За храбрость» и другими наградами.

Семен Давыдович также как брат удостоен парадного портрета в Эрмитаже, а его имя и подвиги высечены золотом на стенах Храма Христа Спасителя.

Был женат на Александре Ивановне Ступишиной (14.03.1784 – 27.06.1841), дочери Пензенского губернатора.

Подвиги Ивана и Семена Давыдовичей высечены золотом на стенах Храма Христа Спасителя в Москве, а парадный портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца в Петербурге.

Третий из братьев, *Алексей Давыдович Панчулидзе* (1762-1834), был очень ярким, самобытным и деятельным человеком.

Саратовский губернатор, действительный статский советник, он так же начал свою карьеру на военном поприще. Еще в детстве, в 1768 г., был определен в артиллерию фурьером; в 1775 г. стал сержантом, в 1780 — штык-юнкером. Поступил в кадетский корпус, но скоро «по слабости здоровья» уволен из армии с награждением чином подпоручика. Переехал в Саратов и стал служить под крылом отца. С мая 1785 г. он – советник Уголовной палаты; с 1788 г. – советник Гражданской палаты. В 1791 г. – советник Солевозной комиссии, управлявшей Камышинско-Эльтонским соляным озером, а с мая того же года – Саратовский вице-губернатор. Девять лет спустя, в марте 1808 г., назначается Саратовским гражданским губернатором.

Став во главе губернии, Алексей Давыдович полностью проявил свои административные способности. Прежде в основном деревянный, город был почти полностью перестроен. Прямые улицы с тротуарами, жесткие интервалы между строениями, каменные дома, гимназия, больница, приют для престарелых, строгие правила содержания чистоты. Губернатор организовал постоянную пожарную команду – вторую в стране после Москвы, вооружив ее новейшей немецкой техникой.

По его инициативе в Саратове был воздвигнут новый кафедральный собор в память воинов, павших в 1812 году. Губернатор заложил городской парк, у входа в который уже в конце XX века ему установили памятник (скульптор В. Степанов).

Алексей Давыдович был приветливым, гостеприимным, веселым, душой и организатором бесконечных увеселительных мероприятий. Приемы, торжественные обеды, гулянья, охоты, театральные представления... На них съезжались со всей губернии, а часто и из обеих двух столиц. Но всеми любимый и добрый губернатор не был слишком строг со своими чиновниками, и в результате по итогам сенаторской ревизии был в 1826 г. отправлен на пенсию.

Трижды женатый, Алексей Давыдович оставил большое потомство. Наиболее известен его старший сын от второго брака, Александр Алексеевич Панчулидзе (1790 – 07.01.1867). Службу начал в 1807 г. корнетом Лейб-гвардии гусарского полка. В 1812 г. поступил в Черниговский конно-егерский полк, в 1814 г. вернулся в Лейб-гвардии гусарский полк. С 1815 г. – штабс-ротмистр, флигель-адъютант. Вышел в отставку с мундиром в чине полковника в январе 1819 г. Трижды избирался губернским Предводителем Дворянства в Саратове. С

1832 г. – Пензенский гражданский губернатор, действительный статский советник, с апреля 1841 г. – тайный советник (что тогда было редкостью для губернаторов). Первым среди гражданских губернаторов был награжден орденом Белого Орла. При Панчулидзево Пензенская губерния и сама Пенза преобразились - были открыты гимназии, театры, больницы. В отставке в 1859 г.

В Пензе сохранился дом Панчулидзево, в котором располагается пожарная часть.

Мы остановились только на нескольких представителях рода Панчулидзево, воевавших и победивших армию двенадцатых языков. Но воевали и мужья их сестер, многочисленные родственники, воевал весь народ. Это была Отечественная война, и как учит история, в такой войне Россию победить нельзя, даже самой сильной армии мира.

XX век, страшный и трагический, разметал представителей рода Панчулидзево по разным странам. Многие из них достойны отдельного рассказа, но в небольшой статье это просто невозможно сделать. Остановимся поэтому лишь на некоторых.

Давид Александрович Панчулидзево (1850–1924). Статский советник, земский начальник Пензенской губ. Внес большой вклад в развитие Дивеевского монастыря. После революции принял священство в Саратове, где был приходским священником.

Павел Алексеевич Вигель-Панчулидзево (1847 – 1920-е). Камергер, действительный статский советник. Посланник в Любеке, генеральный консул в Бордо, в Черновцах (тогда Австрия). С 1880 г носил фамилию Вигель-Панчулидзево, так как род Вигелей пресекался. Последний владелец дома в Траункирхене на озере Траун в Австрии.

Сергей Алексеевич Панчулидзево (1854 - 30.07.1917) Окончил Николаевское кавалерийское училище, в 1874 г. вступил корнетом в Кавалергардский полк. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В 1881 г. окончил Николаевскую академию Генерального Штаба. В 1884 уволен в отставку ротмистром с мундиром. С 1903 г. начальник архива Государственного Совета. Управляющий делами Совета объединенного Дворянства. Известный военный историк и публицист, написал не только знаменитые многотомные «Историю Кавалергардов» и «Сборник биографий кавалергардов», но и такие работы, как «Земство и медицина в Саратовском уезде», «Заметки по травосеянию».

Алексей Николаевич Панчулидзево (1884 – ?) Исполняющий обязанности помощника военного агента при русском посольстве в Париже. В 1915–1917 гг. в чине ротмистра Лейб-гвардии Уланского полка – адъютант представителя Государя Императора при Главной

квартире Французской Армии. Кавалер Георгиевского оружия, Владимира IV ст. с мечом и бантом, Анны IV ст. «За храбрость», французского ордена Почетного Легиона. Полковник в отставке. Позднее стал священником в Париже.

Алексей Евгеньевич Панчулидзево (1888 – 1963). Образование получил в Александровском кадетском корпусе и в Пажеском корпусе. В 1908 г. произведен из камер-пажей в корнеты Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. В чине поручика командирован в офицерскую кавалерийскую школу в Италию. В 1914 г. принимал участие в международных конных состязаниях в Вене, где получил высшую награду – «Золотой кубок Императора Франца-Иосифа». В 1917 г. был адъютантом Верховного Главнокомандующего, затем адъютантом начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Ротмистр. После большевистского переворота эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию, где занялся конным спортом, успешно принимая участие в соревнованиях. В 1945 г. переехал в замок принца и принцессы фон Липпе-Байштерфельд (Бистерфельд). С 1946 г полковник нидерландской армии. При бракосочетании принцессы Нидерландов Юлианы с принцем Бернардом фон Липпе-Байштерфельд в качестве гофмаршала Двора принцев фон Липпе подписывал брачный договор. В кругу голландской королевской семьи его ласково называли «дядя Чули».

Судьбы женщин из рода Панчулидзево тоже достойны отдельного повествования. Они были прекрасными женами, имели много детей, воспитывали прекрасных сынов своего Отечества. О жизни некоторых из них после революции можно написать целый роман.

Екатерина Александровна Арапова (1900–1991), дочь Анны Александровны Панчулидзево (1880–1974) и Александра Викторовича Арапова. Училась в Александровском институте благородных девиц. В 1919 г. вышла замуж за князя Бориса Александровича Чавчавадзе, вместе с которым бежала в белый Крым. Там успела стать и матерью (родила дочь) и вдовой (муж погиб). Еще до падения Крыма ей предложил руку и сердце молодой офицер герцог Дмитрий Георгиевич Лейхтенбергский де Богарне (1898–1972). Обвенчались они уже в Риме, в мае 1921 г. Через несколько лет переехали в Канаду. Там в горах приобрели дом и организовали горноспасательную станцию. Всю дальнейшую жизнь герцог был инструктором–горноспасателем и владельцем небольшой гостиницы, погиб он падения льдины на 74 году жизни, герцогиня Екатерина пережила супруга на 19 лет.

Их поныне здравствующая дочь Елена Дмитриевна Лейхтенбергская де Богарне родилась в 1922 г. Работала переводчиком в ООН. В

1964 г. приняла иноческий постриг в Покровском женском монастыре в Бюсси-ан-От под Парижем с наречением имени Елизавета.

Но единственные, кто носит сейчас фамилию Панчулидзева среди многочисленного потомства этого рода, – инженер-дорожник Алексей Александрович Панчулидзев (р. в 1937 г. в сербском городе Панчево), и его супруга Кира Михайловна. Они часто бывают в России, участвуют во многих мероприятиях фонда «Русское Зарубежье», поддерживает тесные связи с родственниками в России.

Я смотрю на своего внука Димитрия. Он как две капли воды похож на маленького Алексея Николаевича Панчулидзева, чья фотография есть в нашем семейном архиве. Через семь поколений прошли и сохраняются фамильные черты. Но очень бы хотелось, чтобы сохранялся еще и тот высокий нравственный дух, который двигал на протяжении веков представителями рода Панчулидзевых, чтобы новые поколения их потомков столь же достойно служили своему Отечеству, чтобы жили в их душах великие слова «Честь превыше всего».

А.П. Нахимов (г. Москва)

**«Восставший народ не сломить...»:
о вкладе народного партизанского
сопротивления в нашу победу
в Отечественной войне 1812 года.**

Время летит неумолимо, воскрешая в памяти события, без которых невозможно представить ход истории: минуло полвека со дня торжеств по случаю 150-летия победы в Отечественной войне 1812 года, восстановлен взорванный в 1931 году храм Христа Спасителя в Москве, на стенах которого, как и прежде, увековечены имена героев, отличившихся в боях с французской армией. Завершают эту галерею славы имена 74-х особо отличившихся участников Народной войны на территориях, оказавшихся в тылу неприятеля. В этом списке 20 героев сопротивления из Сычѣвском уезде Смоленской губернии. Остальные 50 представляют другие уезды Смоленской, Московской и Калужской губерний.

Из рассказов бабушки Марии Владимировны Нахимовой я с детства знал, что прапрадед Николай Матвеевич Нахимов в Отечественную войну 1812 г. бил французов, осмелившихся показаться в Сычѣвском уезде, и за эти подвиги был Императором Александром I на-

граждѣн. А на 100-летие победы над французами на северной околице села школьники и жители села Волочек, принадлежавшего в 1812г. Николаю Матвеевичу, высадили памятную аллею из ста молодых ёлочек, частично сохранившихся и до 200-летнего юбилея славной победы русского духа и русского оружия.

28-29 апреля 2012 г. вековая аллея была пополнена посадками елей, дубов и сосен и получила своё имя – *Аллея имени Николая Матвеевича Нахимова*.

7 июля 2012 г. в день села на общем сходе жителей сельского поселения Нахимовское (с. Волочек в 1952 г. переименовано в с. Нахимовское), администрации района Холм-Жирковского, гостей состоялось торжественное открытие памятной доски в честь прославленного партизана Отечественной войны 1812 г., кавалера ордена Святого Владимира 4-й степени Нахимова Николая Матвеевича.

В августе в селе Яковлевичи Глинковского района Смоленской области стараниями замечательного подвижника, председателя Смоленского землячества при Российском Дворянском Собрании, д.т.н. Вадима Васильевича Пассека, праправнука начальника Смоленского дворянского ополчения 1812 г. - генерала Петра Петровича Пассека, в местном пантеоне славы героев смолян была открыта стела в честь героя-партизана Николая Матвеевича Нахимова и его племянника, выдающегося флотоводца Адмирала Павла Степановича Нахимова.

В преддверии 200-летнего юбилея изгнания великой армии Наполеона я счёл своим долгом собрать все доступные сведения о тех давних событиях в Сычѣвском уезде и роли моего прапрадеда в организации защиты округа от оккупантов.

К счастью наш семейный архив из родового усадебного дома в Волочке, содержащий, в частности, подлинник рескрипта Императора Александра I о награждении прапрадеда Н.М. Нахимова за ЕИВ собственноручной подписью и другие документы, пережил испытание временем, был вывезен в 1922 г. в Москву и находится в настоящее время по большей части в музейных фондах Вяземского района.

Поразительно, но это так: многострадальный Смоленский архив (ГАСО), ютившийся до недавнего переселения в новое здание на проспекте Адмирала Нахимова, в одном из служебных помещений комплекса Успенского собора и содержавший основные свои бесценные фонды в другом, совершенно непригодном здании, промыслом, хранящим нас и Россию, сберѣг всё для нас и наших потомков. Архив хранит и подлинные документы времён Отечественной войны 1812 года. Дополненные публикациями в «Русском Архиве» и «Русской

Старине» архивные источники позволили мне составить достаточно полную и яркую картину Народной партизанской войны в Сычёвском уезде в период с августа по октябрь 1812 года.

Сычёвский уезд с августа 1812 года станет ареной ожесточённых схваток местных партизан и армейских подразделений наполеоновской армии, часто вторгавшихся на территорию округа. Благодаря предусмотрительности дворянского предводителя уезда Николая Матвеевича Нахимова, Сычёвский уезд, как никакой другой в губернии, оказался готовым к предстоящим испытаниям. Дворянское ополчение в уезде было сформировано в срок, поголовно вооружено ружьями, карабинами и пистолетами, с превышением требуемого числа ратников более чем на сто человек и оказалось одним из самых боеспособных в Смоленской губернии. В 20-х числах июля Сычёвское ополчение во главе с отставным флота капитаном 2-го ранга А.М. Мельниковым выступило к Дорогобужу, чтобы затем следовать к Смоленску. Сычёвцы участвовали в 2-х дневной обороне Смоленска, здесь они понесли первые потери. После оставления 6 августа Смоленска ополчение сопровождало отступающую армию.

В той критической ситуации предводитель берёт всю ответственность за положение в уезде на себя. Отправив своих ополченцев на защиту губернии, Нахимов принимает срочные меры на случай появления неприятеля, поскольку уезд оказывался фактически один на один с подступающей вражеской армией. Предводитель составляет и рассылает через исправника по всем селениям распоряжение о формировании в каждом из них вооружённой группы крестьян и прочих обывателей.

Посещая с исправником поселения уезда, Николай Матвеевич разъяснял, как эти группы должны будут взаимодействовать со своими соседями при появлении неприятеля в их округе. Вооружение создаваемых в поселениях групп с уходом ополчения включало самодельные пики, тесаки и топоры. Остальное приобреталось как трофеи в стычках с неприятелем. Создаваемая в Сычёвском уезде система обороны не являлась пограничной (кордонной) стражей, в разряд которой некоторые исследователи XIX-XX веков и нынешние симпатизанты нашествия объединённой Европы во главе с Наполеоном склонны относить боевые порядки сычёвцев, но активная оборона уезда с использованием всего набора партизанских средств. В изданиях о войне 1812г., выпущенных к её 100-летию юбилею, народная война в уездах Смоленщины справедливо определена как **Народная партизанская**, наряду с партизанской деятельностью армейских лёгкоконных партий. Против сычёвских партизан неприятель не раз снаря-

жал карательные экспедиции, придавал им артиллерию, но не был в состоянии сломить сопротивление наших героических предков.

Возвратимся на Смоленщину тревожного лета 1812, когда многим казалось, что Россия бессильна перед гением и полчищами Наполеона. По инициативе дворян Смоленской губернии возникло ополчение в её уездах, а поддержанное Государем начинание смолян доросло до 208 665 ратников по всем 16 губерниям ополченческих губерний России. Ополченские дружины формировались дворянами по уездам и включали крепостных крестьян и обывателей. Вооружались и обеспечивались ратники на средства помещиков и пожертвования, собираемые в уезде. Это и было временное иррегулярное войско, призванное защищать свой уезд, губернию, применявшее при необходимости и партизанскую тактику. Но в 1812 году 14-и тысячное ополчение Смоленской губернии отступает вместе с армией, оставляя на произвол судьбы родных и имущество. Ополченцы, в массе своей, необученные, экипированные пиками, тесаками или топорами, в боевых действиях принимали ограниченное участие. Они привлекались для возведения укреплений, конвоирования обозов, раненных, сопровождения в тыл пленных.

Так как же мы устояли, и кто же беспрестанно «развлекал неприятеля дено и ночью» так, что расплыл его значительную часть не хуже, чем свободолюбивые испанцы? Сорвал все попытки насадить колониальную администрацию, посадить себе на шею переселенцев-колонистов, реквизиции по заготовке продовольствия и фуража, не позволив обмануть себя лукавыми посулами о свободе и братстве. Почему оккупанты в городах, в комендатурах, на укрепленных этапах не ощущали себя в безопасности? Кто были хозяева в тылу Наполеона?

Страшно подумать, куда пришлось бы отступать нашей армии, ежели Смоленская земля приняла бы новую администрацию, сотрудничала с ней, ну скажем, в такой же степени как в многострадальной Белоруссии или того более, как в Литве? Ну, наверное, заметно подальше, чем в сентябре 1812 года, когда противоборствующие стороны стояли на разных берегах подмосковной Клязьмы в 25 км. на северо-восток от самой сданной французам Москвы.

Действительно, если бы армия Наполеона исправно получала по реквизициям всё необходимое, тыловым коммуникациям никто не угрожал, население уездов с охотой выходило бы на затеваемые оккупантами работы, то Наполеон мог зимовать в Москве и дожидаться милости от Императора всея Руси, и, верно, дождался бы!

Сложилось мнение, что ангажированные советские историки выпячивали роль и заслуги простого народа в нашей победе в Отечественной войне 1812г. Народ, в самом деле, достоин поклонения за свои

героические дела и беззаветную преданность вере, Государю и Отечеству! Именно простой безымянный народ и вынес основное бремя войны, жертвуя всем своим имуществом, а часто и жизнью. Но вместе с тем несправедливо замалчивалась роль организаторов и активных участников сопротивления из отставных офицеров, помещиков, купцов, чиновников, священнослужителей... История не сохранила имён большинства народных мстителей, да и те, кому посчастливилось уцелеть, не оставляли, как правило, после себя записей о былых стычках с оккупантами, а устные предания быстро угасали. Другое дело, владевшие пером офицеры, участвовавшие в кампании 1812 г., из часто не строгих дневников и воспоминаний которых можно составить немалую библиотеку, послужившую источником сведений не одному поколению исследователей той славной эпохи.

Итак, командование русской армии в лице М.Б. Барклая де Толли, а затем и М.И. Кутузова следовало в 1812г. оборонительной стратегии. Уклоняясь от генеральных сражений, армия сдавала города и крепости, завлекая противника вглубь своей территории. Попутно разорялись и сжигались вплоть до Москвы все жилые и хозяйственные строения, запасы продовольствия и фуража в магазинах оставленных городов, которые, как правило, по халатности не успевали эвакуировать. За отступающей армией вдоль главной дороги (Старой Смоленской или Московской), которая прежде была наиболее плотно заселённой в губернии, образовывалась мёртвая полоса шириной до 20 и более вёрст. Многочисленные православные храмы в этой полосе были разграблены свободолюбивыми посланцами Европы и являлись излюбленным местом их ночлега, а часто и стойлом для их скакунов. Т. е., и другая составляющая Скифской тактики – принуждение неприятеля следовать по выжженной пустыне в погоне за отступающим войском также присутствовала и неукоснительно исполнялась.

Что касается развёртывания партизанской войны, подобной испанской герильи, с которой не могли совладать оккупировавшие Пиренейский полуостров французы, то ситуация в России была в корне иная: крепостные крестьяне центральных губерний не имели в своём распоряжении даже холодного оружия, и никто не помышлял их поголовно вооружать. Тогда о каких партизанах мы вспоминаем в год 200-летия избавления России от вражеского нашествия европейской коалиции?

В легендарном Смоленске в сквере Памяти героев у древней крепостной стены 50 лет назад был установлен памятный знак в честь организаторов и активных участников партизанской борьбы на Смолен-

щине в Отечественной войне 1812 г.: подполковнику Д.В. Давыдову, капитану А.Н. Сеслаину, капитану А.С. Фигнеру, солдату-драгуну Е.В. Четвертакову, крестьянке Василисе Кожиной и другим патриотам России.

Александр Никитович Сеславин прославился своими партизанскими действиями в Московской и Калужской губерниях после занятия Наполеоном Москвы.

Александр Самойлович Фигнер бесстрашный партизан, заходивший в оккупированную Москву с целью разведки и сбора сведений о намерениях французов. Совместно с отрядом А.Н. Сеславина отбил на новой Калужской дороге транспорт с награбленными в Москве драгоценностями, которые французы надеялись доставить в Европу, как главные трофеи своего похода.

Эти герои России в партизанских действиях на Смоленщине не замечены, вместе с армией их партии преследовали отступающих французов с юга от Большой дороги, исполняя отдельные поручения командования по зачистке оставляемых врагом населённых пунктов, ликвидации запасов продовольствия и вооружения в магазинах противника, исполнения функций временной администрации на освобождённой территории.

Василиса Власьевна Кожина – собирательный образ народной мстительницы из Сычёвского уезда Смоленской губернии, подвиги которой и само существование никакими документами не подтверждаются. Тем не менее, в конце XIX века легенда о Кожиной получает крылатую известность, и всякий графоман, ничем не рискуя, мог обратиться к этой теме и наложить недостающий штришок к её портрету. Не отстал в преддверии 100-летнего юбилея от компании и журнал «Воин и пахарь», опубликовавший в № 37-89 за 1911г. дословно следующее: «...эта мужественная женщина, при отступлении французов в 1812 году, оказала существенную помощь партизанским отрядам Давыдова, Фигнера, Вадбольского и др., давая им точные сведения о движении неприятельских войск, ... а однажды, лично предводительствуя крестьянами, разбила и взяла в плен неприятельскую войсковую часть, которую и доставила в Сычовку нашему военному начальству». Во всё время нашествия французов ни Давыдов, ни Фигнер, ни Вадбольский в Сычёвский уезд со своими отрядами не заходили. Сычёвское военное начальство в дни оккупации состояло из предводителя дворян Нахимова Николая Матвеевича, исправника Евстафия Богуславского, городничего Павла Карженковского и начальника инвалидной команды Арсения Подлущого. Если кто-то и при-

вёл бы в Сычёвку пленённую неприятельскую воинскую часть, а часть это самостоятельная боевая единица никак не меньше полка, то о таком вселенском событии стало бы известно и в ставке Главкомандующего, и в Санкт-Петербурге.

В тоже время, первые проявления организованного народного сопротивления оккупанты испытали после вступления в корневые русские земли – Смоленскую губернию. Первым народным партизаном Отечественной войны 1812 года явился владелец имения в селе Станькове Смоленского уезда Александр Дмитриевич Лесли. Ещё в конце июня 1812 г. он со своими братьями Григорием, Егором, Петром, Дмитриевичами и сестрой Варварой Дмитриевной составил из своих и их крестьян отряд (партию) в несколько десятков верховых ратников, который успел принять участие в боевых действиях армии генерала П.Х. Витгенштейна против французов под Витебском, затем под Красным и у Гусина.

Александр Дмитриевичу одновременно принадлежит идея создания дворянского ополчения в Смоленской губернии, которую он по поручению братьев незамедлительно донёс до Смоленского губернского дворянского предводителя Сергея Ивановича Лесли. Инициатива смоленских дворян была поддержана Императором Александром I и распространена в Манифесте от 6 июля на другие центральные губернии.

Незабываем и подвиг отставного подполковника, владельца имения в сельце Дягилево Поречского уезда П. И. Энгельгардта, казнённого французами 15 октября в Смоленске. Павел Иванович не покинул своего имения и после оставления нашей армией Смоленска, во главе своей партии из дворовых людей охотился в округе на небольшие отряды французов. Обладая необыкновенной физической силой, лично уничтожил 24 оккупанта.

Возвращаясь к памятному знаку у Смоленской стены в сквере Памяти героев партизан Смоленщины и не найдя получивших широкую известность имён реальных партизан различных уездов губернии: Смоленского – А.Д. Лесли, Поречского – П.И. Энгельгардта, Духовщины – С.И. Шубина, Бельского – С. Силкина, Сычёвского – Н.М. Нахимова и его соратников, ... приходишь к заключению, что авторы памятного знака опустили их всех скопом в разряд – *и другие патриоты России.*

Чудно, но фактически советская историческая наука взяла на вооружение идеи некоторых мемуаристов XIX века, которые признавали партизанами исключительно армейские подразделения лёгкой кавалерии, совершавшие рейдерские нападения на коммуникации противника и на отряды заготовителей продовольствия и фуража и не отда-

лявшиеся от самой армии. При этом возникающие в уездах отряды самообороны, вступавшие не раз в боевые схватки с армейскими подразделениями французов, относили к некоей внутренней кордонной страже. Так кто же постоянно развлекал неприятеля вдоль его коммуникационной линии на Смоленщине, исполняя в России роль испанских партизан, пока Наполеон шёл к Москве и отсиживался в ней?

Получается, что всю Смоленщину представляет партизан Денис Давыдов со своей партией гусар и казаков в гордом одиночестве развлекавший Юхновский уезд?

Шесть недель его партизанства с юга от большой дороги между Гжатском и Вязьмой нарушило коммуникационную линию французов до такой степени, что Наполеон вынужден был бежать из Москвы? Да и 6 недель не получается, если следовать его воспоминаниям, с 29 августа по 8 сентября партийцы не знали куда приткнуться, и опасались встречи с местным населением в не меньшей степени, чем с французами. Тем не менее, наши остепенённые исследователи войны 1812 года солидарно молчат о фактах организованного народного сопротивления пришельцам на оккупированных территориях, сводя само проявление непримиримости народа до опереточных рейдов “гусар летучих”.

Представляется, читатель вправе иметь своё собственное мнение в отношении того, что сорвало планы Наполеона по установлению нового порядка на оккупированной российской земле.

Рассуждая о партизанстве армейских летучих отрядов, современные исследователи справедливо подчёркивают, что оно становилось возможным и эффективным в тылу оккупантов на территориях, охваченных народным восстанием, или, по крайней мере, с населением, враждебно настроенным к захватчикам. Ситуация в Юхновском уезде, куда устремился Давыдов, была далека от организованного сопротивления пришельцам. Более того, в уезде были отмечены случаи расправы крестьян со своими помещиками.

Знания Давыдова о принципах организации и ведения партизанской войны были весьма скудны, и многое пришлось решать на месте. Он с ужасом вспоминал о первых десяти днях пребывания в уезде, когда они, как неприкаянные, метались от одного леска к другому, не имея ни пропитания, ни места для ночлега, пока предводитель С.Я. Храповицкий не вернулся со своими ратниками с кордонной линии в Юхнов и не объявил по настоянию Давыдова поголовное ополчение всего уезда. С этого момента партия стала иметь пропитание и постой в любом поселении, сено и овёс для своих более двух сотен лошадей.

Т.о., первичным и определяющим условием партизанщины является отторжение населением новых порядков и решимость противо-

действовать в той или иной форме непрощенным пришельцам, не страпась, вместе с тем, неизбежных карательных акций оккупантов за приют и содействие армейским партиям.

Преследуя наполеоновскую армию при её бегстве по землям западных уездов Смоленщины и российских западных губерний, т.е. по освобождённой от оккупантов земле, наши славные партизаны утратили почву, перестали быть партизанами народной войны Юхновского уезда, и окормлялись самой армией. Поэтому их рейды по заданию командования следует отнести к действию чисто армейских подразделений. Но Давыдов не видит в этом принципиальных различий и включает очередные 11 недель в общий свой партизанский стаж. «24 декабря вышло новое размещение войскам, и партия моя поступила в состав главного авангарда армии, препорученного генералу Винценгероде». Авангард, численностью в 16041 человека, включал пехоту, артиллерию, кавалерию, пехотный корпус, 2 Донских полка, отряд Ланского – 1812 чел. и отряд Давыдова из 550 казаков и гусар.

Но возвратимся в август, когда Давыдов загрустил, не видя перспективы исполнить что-либо «замечательное» на должности командира 1-го батальона Ахтырского гусарского полка.

Свою решимость действовать Давыдов мотивирует категорическим непринятием «избранного Барклаем и продолжаемого Светлейшим рода отступления», когда «Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдём в Индию сражаться за французов!». Эта беседа с Багратионом имела место, как пишет в «Дневнике партизанских действий...» Давыдов, 21 августа. Уже принято решение о сражении армии при Бородине, уже строятся укрепления и определена диспозиция дивизий и полков. В армии необычайный подъём духа, общая готовность стоять насмерть. М.И. Кутузов, верный своей осторожной тактике, соглашается выделить в команду Давыдова всего 50 гусар и 80 казаков. Он получает право выбора лучших казаков и гусар и за день до Бородинской битвы выступает в направлении Юхновского уезда Смоленской губернии.

Почему Давыдов решил не участвовать в предстоящем генеральном сражении, которое, на первый взгляд, не вписывалось в ненавистную ему отступательную стратегию Барклая-Кутузова, хотя кипел нескрываемым желанием сразиться с противником? 24 августа он был свидетелем жестоких боёв на подступах к Бородине нашего арьергарда с наседающей, превосходящей лавиной наполеоновских войск, что весьма красочно описывает в своём дневнике. Казалось, что ожидаемое всеми генеральное сражение, на подготовку к которому были бро-

шены все имеющиеся у Главнокомандующего силы, отодвигает остальное на дальний план, что все мысли гусара, неожиданно покидающего пост командира 1-го батальона Ахтырского полка, должны были сосредоточиться на том, как сложится неумолимо надвигающаяся схватка с грозным противником, которому Российская армия дважды уже проигрывала. Чья сторона одолеет, кому из однополчан суждено будет сложить голову?

Почему Кутузов накануне сражения отпускает храброго вояку Давыдова, прекрасно ориентированного на местности, избранной для генерального сражения? О таком осведомлённом порученце в ходе сражения можно было только мечтать. Здесь, в селе Семёновском, в родительском доме он в юности провёл не одно лето, «гоняя гончих по окрестным мхам и болотам». Давыдов с грустью пишет как на его глазах знакомые с детства избы и хозяйственные постройки Семёновского разобрали и использовали для возведения укрепления левого фланга нашей боевой линии, которым командовал Багратион.

Почему Кутузов соглашается выделить Давыдову в партию людей, когда каждый воин на счету, ведь логично было решать этот вопрос по результатам противостояния на Бородинском поле?

Не потому ли, что предстоящее сражение в представлении Светлейшего ничего не решало и не отменяло отступательной стратегии, а предпринималось вынужденно для недопущения разложения армии от затянувшегося бездействия?

Видимо, Багратион был в курсе намерений Кутузова и мог поделиться этим со своим бывшим адъютантом. Тогда поведение Давыдова объяснимо. Но как принять то, что он в своих пространных воспоминаниях ни словом не обмолвился о центральном событии Отечественной войны 1812 года – Бородинской битве, ни словом? Конечно, наш партизан имел своё мнение, но, не случайно, так и оставил его при себе.

На западных рубежах Империи великую армию готовились встретить 110 тысяч 1-й армии Барклая, 45 тысяч 2-й армии Багратиона и 43 тысяч резервной (резервной) 3-й армии Тормасова, не считая вышедшей 31 июля на соединение с Тормасовым 40-тысячной Дунайской армии Чичагова, корпуса Эртеля в общем резерве и заслона продвижению неприятеля на Петербург – корпуса Витгенштейна в 10 тысяч человек. Пополнившуюся до 83 тысяч 3-ю армию возглавит адмирал Чичагов и продолжит до конца сентября сдерживать австрийский вспомогательный корпус маршала Шварценберга и корпус генерала Ренье (суммарно около 30 тысяч) от попыток проникновения в южные губернии.

К Смоленску Наполеон привёл только 150 тысяч из перешедших в первую неделю Неман 360 тысяч. Отступая с боями под натиском превосходящих неприятельских сил, наша армия также понесла существенные потери в живой силе.

На поле Бородинское против 135 тысяч отборных наполеоновских войск Кутузов смог выставить не более 103 тысяч регулярной армии, 7 тысяч иррегулярных казачьих войск, более 10 тысяч ратников ополчения. Что было явно недостаточно...

Давыдов в своих дневниковых откровениях выдаёт настроение, которое преобладало тогда в офицерской среде, включая и командование Русской армией: бесконечное отступление, занятие Москвы французами вынудит Россию к заключению мирного договора! Но те, кто так считал, не принимали в расчёт мнение государя, продолжая воспринимать его по-прежнему “глухарём-тетеревом” из басни того же Давыдова, сочинённой им в 1804 году и разошедшейся в списках по столицам. Неожиданно для них император проявит твёрдость и на призывы Наполеона к переговорам из горящей Москвы не будет реагировать, не даст полномочий на то и Кутузову.

Приходится признать, что и Москву никто не готовил к сопротивлению, хотя два десятка её монастырей-крепостей и сам кремль были в состоянии длительное время держать осаду и отвлекать на себя значительные силы неприятеля. Тем более, что осадной артиллерии французы с собой не везли и мощные стены монастырей представляли для них непреодолимое препятствие.

Возможно, с высоты истёкших лет нам не оценить боеготовность российской армии, её вооружение, поэтому и осторожность Кутузова могла быть оправданной. Всё-таки на нас напала вся континентальная Европа с её людскими и производственными ресурсами. Известно, что Император Александр I неоднократно обращался ко вновь обрётённой союзнице – Англии с просьбой о поставках ружей, хотя на трёх отечественных оружейных заводах производилось в среднем по 160 т. ружей в год. Неожиданно оказалось, что хранящиеся в арсеналах ружья и пистолеты в большинстве своём непригодны к использованию...

Для большинства русских людей оставление неприятелю древней столицы, сердца и души России, стало национальной трагедией. Пожары и разгром, учинённый цивилизованными пришельцами всего за месяц постою в нашей белокаменной, надолго нарушил жизненный уклад Москвы, отличавшийся исконно русским уютом и гармонией с окружающей средой. Потребовались десятилетия и колоссальные средства, чтобы город залечил жестокие раны и вновь отстроился.

Но русские не злопамятны, и вот А.С. Грибоедов устами полковника Скалозуба доносит до нас мнение некоторых, безразличных к недавней трагедии современников: «По моему суждению, пожар способствовал ей много к украшению».

Европа восприняла это как вполне логичный и ожидаемый исход очередной кампании великого завоевателя, за которым должен неминуемо последовать распад зловещей Российской Империи, нависающей над Западной Европой.

В Гродно на центральной площади местные поляки устроили шумный праздник. Водрузили по этому радостному для них событию здоревенный, т.н. призовой столб, который 9 декабря по зачистке города Давыдов приказал срубить. «Что за картины вижу я на балконах и окнах каждого дома» – спросил Давыдов, обводя взором выходящие на площадь строения. Старший кагала местных евреев пояснил: «Это прозрачные картины, выставленные, как и столб, для празднования взятия Москвы». Когда казаки тащили картины в костёр, Давыдов рассматривал разные аллегорические сюжеты, высмеивающие Россию. Его особое внимание привлекла картина с балкона аптеки с изображением французского орла (галльского петуха?) и польского белого орла, раздирающих на части двуглавого российского.

Не сомневаюсь, что и французы с известием о взятии Москвы забыли о своих проблемах и предались безотчётному веселью.

А через сорок лет объединённая Европа вновь придёт с войной в Россию. В Крыму им удастся осадить Севастополь. Накануне первой бомбардировки и попытки штурма начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов, видимо, желая вдохновить защитников, издаёт приказ, где есть такая фраза: «Москва горела, а Россия стала ещё крепче!». Прямо железная логика – чем ярче московский пожар, тем больше крепчает Россия. Не читал Иосиф Виссарионович приказов В.А. Корнилова, похоже, что и не заглядывал в них, хотя Крымскую войну изучал внимательно. В кремлёвской библиотеке более 250 его пометок в различных изданиях, посвящённых той эпохе.

Получив в своё подчинение 130 человек, Давыдов избирает своим первым пристанищем село Скугарево в Юхновском уезде Смоленской губернии, расположенном на высоте, господствовавшей над окружающей местностью в 40 верстах на юг от Гжатска. Между тем неприятельская армия стремилась к Москве, и несчётное число обозов, парков, конвоев и шаек мародёров следовало за нею по обеим сторонам дороги на пространстве тридцати или сорока вёрст. «Вся эта сволочь» – пишет Давыдов в своём дневнике – «пользуясь безначали-

ем, преступала все меры насилия и неистовства». Можно подумать, что на глазах Императора этот разноплеменный сброд остерёгся бы разбойничать. Да, сам Наполеон отдаст, как водилось в армиях европейских гуманистов-цивилизаторов, Москву на растерзание своей «старой гвардии» на три дня, затем «молодой гвардии» на те же три дня, а довершат этот разбой и насилие остальные армейские части.

Нет, просто патологически невосприимчивы восточные славяне к западноевропейским ценностям. Пребывая в поверженном Париже, русская армия не только никого не грабила, но, уходя, расплатилась по долгам, в которые некоторые из офицеров влезали, посещая местные забегаловки, получившие в память о русских в Париже прижившуюся на все последующие времена вывеску – «Bistro» (Бистро).

Давыдов неожиданно для себя открывает, что он совершенно не представлял себе реальную обстановку в тылу неприятеля, даже в местах, «неприкосновенных неприятелем». Жители сёл и деревень относились к давыдовской партии настороженно, а чаще и враждебно. При приближении к ним раздавались выстрелы, летели топоры.

Годом раньше в армии проводилась очередная реформа, были введены погоны рядовым и эполеты офицерам, потому и отставным солдатам и матросам, вернувшимся к сохе, новая форма была незнакома и воспринималась ими как чужая. Офицеры нашей армии прекрасно владели французским и предпочитали меж собой объясняться на нём. После трагической истории с одним из отрядов Тептярского казачьего полка, влившегося в партию Давыдова, всех 60 человек которого порубали разъярённые крестьяне, и подобной участи, постигшей большого гусара, следовавшего с чемоданом личных вещей Давыдова на телеге, отставшей от партии, лихой гусар многое понял. «Тогда я на опыте узнал, что в **Народной войне** должно не только говорить языком *черни*, но приравниваться к ней и в обычаях и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил Св. Николая (иконку) и заговорил с ними языком *народным*». Весьма характерно, что Давыдов здесь вынужденно признаёт фактическое своё участие именно в **Народной войне**, хотя склонен свою деятельность преподносить как **партизанскую**, дистанцируясь от всё той же черни.

И что же им говорил ряженный лихой партизан из гусар, навсегда оторвавшийся от своего родного Ахтырского полка? «Тогда я собрал *мир* и объявил ему о *мнимом* прибытии большого числа наших войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского». Это ещё до получения известия о сдаче Москвы, которая достигнет Юхнова 8 сентября. И далее по дневнику Давыдова: «роздал крестьянам взятые у неприятеле-

ля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародёров, числом их превышающих». «Примите их, – говорил я им, – дружелюбно, поднесите с поклоном (ибо, не зная русского языка, поклоны понимают они лучше слов) всё, что у вас есть съестного, в особенности, питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу избы или на улице поставленное, и совершите то, что бог повелел совершать с врагами христовой церкви и вашей родины. Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. ...Всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и прочее – всё жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов».

Токарёво отстоит на 30 вёрст от Гжатска (до базы партии в Скугареве более 40), т.е., на расстоянии одного перехода. Сюда добиралась не всякая неприятельская партия, тем более, что прибывшие партизаны Давыдова совершали свои рейды и нападения в придорожной полосе, что не могло остаться незамеченным. Но надёжно перекрыть пути внедряющимся в Юхновский уезд с большой дороги отрядам мародёров они не могли, и задачу защищать население от мародёров и заготовителей Давыдов определённо на себя не брал. Поэтому и призывал Давыдов в своих неуместных наставлениях селян защищать себя самим. Спич, выданный Давыдовым в селе Токарёве, он воспроизводил ещё не раз на сходах мирян в других селениях. «Я не смел дать этого наставления письменно, боясь чтобы оно не попало в руки неприятелю и не уведомило бы о способах, данных мною жителям для истребления мародёров». Как надо относиться к тем, перед кем выступал бравый гусар, дворянин, чтобы всерьёз предлагать православному людям такие «способы истребления».

Партия Давыдова удачно действовала вблизи большой Смоленской дороги, являвшейся главной коммуникационной линией наполеоновской армии. Перехватывала обозы с продовольствием, фуражом, амуницией, снаряжением, транспортами пленных русских воинов на марше или при остановках на ночлег, умело расправляясь с прикрытием. В Юхнов под конвоем отправлялись десятки и сотни пленных, а также захваченные фуры и повозки. Было разгромлено несколько шайк мародёров и команд заготовителей продовольствия и фуража, грабивших население уезда. Награбленное и оружие пленных раздавалось крестьянам.

Ущерб транспортным перевозкам наполеоновской армии был настолько ощутим, что губернатор Смоленской губернии генерал Бара-

ге-Диллер, располагавшийся по приказу Наполеона в Вязьме, вынужден был привлечь специальный карательный отряд численностью до 2 т.ч. для подавления активности партии Давыдова, о чём указывает Денис Васильевич в своём дневнике. Но, видимо, этот сводный отряд лишь на какое-то время обеспечил усиленное патрулирование вдоль большой дороги от Вязьмы до Гжатска, так и не повстречавшись с отрядом летучих гусар и казаков Давыдова. В то же время сохранились свидетельства карательных акций оккупантов на территории Сычёвского уезда, когда неприятельские отряды усиливались полевой артиллерией. Несколько орудий в ходе боевых стычек было партизанами захвачено и переправлено в Сычёвку. В Сычёвке до сих пор помнят, как несколько лет тому назад чёрные поисковики обнаружили на месте бывших боёв французскую бронзовую пушку, которую пришлось извлекать из чащобы вертолётom. Где теперь эта бесценная реликвия, и кто ею обладает неизвестно.

Отряд лёгкой кавалерии Давыдова вобрал в свой состав осколки 1-Бугского и Тептярского казачьих полков, освобождённых пленными и достиг к середине сентября 360 человек. Позже в партию поступало пополнение донских казаков.

Денис Васильевич в дневнике подробно описал один из боевых эпизодов его партизанской деятельности в Юхновском уезде.

19 сентября случилось неудачное для партизан дело в селе Юренёве. Давыдову стало известно о транспорте наших пленников численностью до 1 тысячи человек, заночевавших в избах и церкви села. Что подтвердил сбежавший из этого транспорта пехотный солдат, переждавший ночь в соседней деревне и специально приведённый к Давыдову для расспросов. Спасти единоверцев из плена святая обязанность. Партия приблизилась на четверть версты к Юренёву. В то же время транспорт пленников поднялся, чтобы следовать дальше, а его место в селе заняли три батальона польской пехоты. Как мог незаметно, не разбудив округу, уйти столь значительный конвой и также бесшумно расположиться на его месте ещё более многочисленная польская пехота? Да местные собаки устроили бы концерт на всю ночь, и подходящая партия Давыдова была бы заранее извещена об активности неприятеля. С рассветом Давыдов лично осмотрел «местоположение» и не заметил никаких признаков постоя армейской части противника. Партизаны по приказу вожака напали на село, используя в скрытой атаке своих 60 пехотинцев. Атака была отбита с потерей 35 партизан. Давыдов, осознав, что «нам нечего будет с ними делать» скомандовал понемногу отступать, предварительно велел

охотникам поджечь избы, откуда вёлся прицельный огонь. Бестолковщина да и только...

Не будучи уверен в обеспеченности своего тыла, Давыдов не ограничился агитацией в сёлах и деревнях, посещаемых партизанами, и потребовал от дворянского предводителя Юхновского уезда С.Я. Храповицкого поголовного ополчения в уезде!

Мы видим, что партии лёгкой кавалерии, которые Давыдов рассматривал в качестве средства ведения партизанской войны на коммуникационных линиях противника, имели ограниченное применение в реальной обстановке Народной войны. Не имея пехоты, партия лёгкой кавалерии не могла одолеть и временных укреплений противника. Включив в свой состав пехоту, она теряла главное преимущество – мобильность. В Смоленской губернии, тогда ещё покрытой лесами, противник мог спастись от кавалерии даже в подлеске, ведя из скрытой засады убийственный огонь. Такие партии могли иметь успех лишь при внезапном нападении на рассредоточенное прикрытие (конвой) обозов и транспортов. В уезде не было как таковой системы оповещения о вступлении неприятельских партий, и поэтому все шесть недель пребывания в Юхновском уезде Давыдов вынужден был вести свободную охоту. Что бы делала лёгкая кавалерия, если кампания распространилась на снежную зиму?

Повлияла ли партизанская активность Юхновского уезда на положение дел в других уездах Смоленской губернии? Были ли посланы туда партии лёгкой кавалерии после того, как пишет Давыдов, Светлейший одобрил его партизанские достижения? Нет, остальные уезды были по-прежнему наедине с неприятелем.

При исходе «великой армии» из России партизанская партия Давыдова привлекалась фактически к зачистке населённых пунктов, отбитых армией у отступающего противника, жандармским функциям по отлову и расправе с коллаборационистами.

Интересно как сам Давыдов откровенно пишет о роли армейских партизанских образований в период, когда мы погнали «великую армию». Послушаем участника тех давних событий: «Сражение под Красным, носящее у некоторых военных писателей пышное наименование трёхдневного боя, может быть, по всей справедливости, названо лишь трёхдневным поиском на голодных, полунагих французов; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды, вроде моего, но не главная армия. Целые толпы французов при одном появлении небольших наших отрядов на большой дороге, поспешно бросали оружие».

И тут же восторженный Денис Васильевич, когда он трепещет от одного сознания, что явился свидетелем бегства величайшего и несравненного... 3 ноября на подходе к Смоленску: «Это было гораздо уже за полдень. Наконец подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружьё на курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя бы одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осенённые высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, бог знает для чего при армии влачившаяся, так и следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы с малым уроном, каковой они в сей день поимели... Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского... всё было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вокруг них безуспешным рыцарством. ...Но Гвардия Наполеона прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбацкими лодками».

Не будем судить Дениса Васильевича строго за то, что самыми яркими впечатлениями, которые он, спустя пару десятилетий, припоминал в кругу милого своего семейства, были будоражившие его самолюбие мгновения нахождения возле или в обозримом отдалении от своего кумира, вынесенными им из героической и вместе с тем трагической эпохи существования Российской империи, когда милый ему сомкнутый европейский строй поставил ребром вопрос: быть или не быть славянскому православному государству.

Кстати о трофеях. Наступавшая «великая армия» и волочащиеся за ней банды мародёров без всякого зазрения грабили встречные имения, поселения, церкви и отдельных граждан. Что-то особо ценное они несли с собой, что тяжело было тащить, сбывали маркитантам. Бандитский свой улов они называли не иначе как трофеи. Захватывая в плен неприятельских вояк и мародёров, партизаны Давыдова облегчали их ранцы и карманы, и всё добытое вновь попадало в разряд боевых трофеев. При преследовании русской армией неприятеля в западных губерниях наши лихие партизаны становились часто жертвами обмана, когда, стремясь облегчить свой багаж, доверчиво соглашались на

предложение еврейских торгашей обменять свои сокровища на российские ассигнации и основать собственный капиталец. Прозрение приходило не сразу. Большинство ассигнаций оказывались фальшивыми. Взовём вслед за А.С.Пушкиным – так что ж спасло Россию:

*Остервенение народа,
Барклай,
Зима,
Иль русский Бог?*

Мы не погрешим против истины, если утвердимся во мнении – Россия была спасена по воле Всевышнего восставшим на пришельцев народом Русским!

Да где этот остервеневший народ, поднявший дубину Народной войны на незваных гостей, и что, в самом деле, происходило на занятых врагом территориях?

Сычёвский уезд оказался единственным в Смоленской губернии, где неприятель встречал организованный отпор во всё время нашествия, с какой бы стороны тот не внедрялся на его территорию. Преследуя захватчиков, сычёвские партизаны часто проникали в соседние уезды, не охваченные организованным народным восстанием. Примечательно, что неприятель, уклоняясь от встреч с сычёвцами, стал проводить свои транспорты на отрезке от Вязьмы до Гжатска просёлочными путями южнее большой дороги, заходя тем самым в т.н. оперативное пространство подполковника-партизана Д.Давыдова.

Начнём с реальной исторической фигуры бывшего крепостного Семёна Емельянова, чьё имя можно прочесть в перечне отличившихся в Народной войне 1812 года на стене в воссозданном храме Христа Спасителя в Москве. Многие описания партизанской деятельности на Смоленщине отмечают: в особенности же отличился отставной суворовский майор Семён Емельянов, получивший ранее известность в Суворовском сражении при Цюрихе, когда тяжело раненым спас полковое знамя и сохранял его в плену до обмена с французами пленными. За что Император Павел I жаловал солдату Семёну Емельянову офицерский чин.

Когда французы явились в качестве захватчиков на его родную землю, майор-ветеран не мог остаться в стороне и, невзирая на старые раны, с готовностью отозвался на призыв вооружиться и быть готовым дать оккупанту отпор. Используя свой непререкаемый авторитет, он сформировал из односельчан отряд, которому придал военную организацию, строй и обучил действию с оружием, отбитым у неприятеля. Обладая боевым опытом, он появлялся со своим отрядом со

вершено неожиданно, напал на противника, часто значительно превосходившего его.

Передано В. Савиным: «В селе Левшине, в 15 верстах от Сычёвок, крестьяне были извещены о приближающейся неприятельской партии, насчитывающей более 30 французов и поляков. Было решено оставить село и отойти в ожидании подмоги, для чего был послан гонец к Емельянову. В селе остался лишь бурмистр Пётр и ещё один крестьянин.

Когда французы достигли села, то направились к добротному дому бурмистра, проникли в него и, добравшись до съестного, стали пировать, не выставив даже охраны. Пётр с товарищем, незаметно подкрavшись, ловко подпёр кольём дверь, так что открыть её из избы не было никакой возможности. До прибытия Емельянова с командой бурмистр и его напарник сдерживали гостей в доме. Это стоило Петру жизни: выстрелами из окна он был смертельно ранен. Тут подоспел и майор Емельянов с основными силами, вынудивший разбойников сдаться.

В бою с врагом у села Тёсова, отряд Емельянова перехватил значительную партию оккупантов, спешащую ускользнуть с добычей к главной дороге. Майор ворвался в колонну французов и сбил с лошади грабителя, уносящего икону в позолоченном окладе. Несколько пуль повалили храбреца наземь. Командование отрядом взял на себя квартальный надзиратель Василий Ленов. Неприятель поплатился более чем сотней убитыми и 160 взятыми в плен, никто из них тогда не ушёл.

Славный герой партизанил две недели, но получил со своими соратниками заслуженную известность. В народе их прославляли как героев, а враги стали страшиться одного упоминания о сычёвцах.

Император повелел разыскать, кто остался после убитого героя, и в чём те нуждаются. Отыскали двух братьев Семёна, Савелия и Андрея, мещан Сычёвок, которым и вручили по 1000 рублей. Сычёвский городничий Карженковский, охраняя вверенный ему город, при содействии чинов ратуши, собрал разного состояния обывателей и вооружил их ружьями, тесаками и пиками. Под своею командою и при помощи внутренней стражи, городничий отбросил подходившего к г. Сычёвке неприятеля, а потом отряд партизанов, предводительствуемый майором Емельяновым, отправился в уезд и разбил там несколько неприятельских партий. Ниже приведены свидетельства славных дел сычёвцев из газеты «Северная почта», издававшейся в начале XIX века дважды в неделю в Санкт-Петербурге.

«Северная почта», № 74 от 14 сентября 1812 года.

«Мы получили здесь уведомление, что Смоленской губернии Сычёвского уезда крестьяне села Тёсова писали своей помещице под-

полковнице Логиновой от 2 сентября, что 29 августа исправник Евсафий Богуславский приехал к ним и, собрав мужиков, вооружённых ранее помещицей по предписанию предводителя Николая Нахимова, велел им быть готовыми к обороне от неприятеля, который, по его словам, большим отрядом вышел из Вязьмы по Сычёвской дороге. На следующий же день произошло дело. Когда к селу подошёл отряд французов численностью более 300 человек, команда, руководимая Богуславским, остановила французов на подступе к селу. В произошедшей схватке было убито 130 французов, которых позже снесли в Красный овраг недалеко от села. Пленённых 60 человек перевязали и отвели в Сычёвки. Остальные спаслись бегством. В схватке погибло двое дворовых людей и четыре крестьянина тяжело ранены. «Теперь мы начинаем убирать хлеб, и по сие время у нас всё спокойно», – заключает своё письмо автор.

– «Дай Бог здравствовать Сычёвскому уезду», – пишет сюда одна выпускница училища благородных девиц из Зубцовского уезда Тверской губернии. Она далее сообщает, что в Сычёвском уезде собрались из всех мест крестьяне и мещане с косами, топорами, вилами, пиками и объявили, что они ни на пядь не пойдут из своего уезда, пока останутся только в живых. Во многих с французами сшибках удалось уже им более тысячи человек положить на месте, да в плен взять около трёх сот. Один из пленных, следующих под конвоем из Сычёвок в Зубцов, с которым ей удалось поговорить на французском, жаловался крайне на сих необразованных воинов, что они бьют неприятеля без всякой пощады. Девица теперь уверена, что с помощью Божию и мужеством соседей неприятель не коснётся никак Зубцовского уезда».

«Северная почта», № 79 от 2 октября 1812 года.

Из Ржева от 18 сентября:

«... Что касается соседнего Сычёвского уезда, то, как сказывают, там и ныне продолжают набеги, и тамошний исправник имеет довольно хлопот с неприятелями каждый день, отправляя многих на тот свет, а забираемых в полон, отсылая через Зубцов от двадцати до ста в день. Продолжая таким образом, он может очистить от французов не только свой уезд, но даже выгнать их и из соседних уездов.

Из Зубцова от 19 сентября:

«Обстоятельства наши относительно неприятелей находятся почти в одинаковом положении. Французы от нас стоят в 45 и 60 верстах (от Сычёвки до Зубцова по прямой 43 версты) и не делают никакого нападения на наш уезд. В городе же Сычёвках исправник, ловя ежедневно французских мародёров, отправляет через наш город партиями по 25,

50 и по 100 человек. Слышно, что он с вооружёнными крестьянами большую часть неприятеля побивает на месте, а самую малую токмо берёт живыми и пересылает. В Зубцовском уезде таковых несчастий ещё не происходило, а мародёров и у нас иногда ловят».

Из Старицы от 19 сентября:

С другой же стороны совершенно защищает нас Сычёвский исправник со своим ополчением, и успокаивает весь Зубцовский и наш уезд. В течение одной недели препровождено от него через здешний город (Старицу) пленных французов более 500 человек.

«Северная почта», № 80 от 5 октября 1812 года.

В донесении от 15 сентября городничий Сычёвок Карженковский сообщает о гибели отставного майора Семёна Емельянова, погибшего в одной сильной перестрелке с неприятелями.

«Северная почта», № 87 от 21 октября 1812 года.

«Сказывают, что вчера приведено в город Сычёвку более ста человек пленных французов и привезены две отбитые у них пушки. Лёгкая артиллерия наша, как слышно, преследует неприятельские войска, отступающие повсюду с великой поспешностью и в беспорядке к Вязме. По всем обстоятельствам можно теперь надеяться несомненно, что наш город (Зубцов) и уезд, при помощи Божией, останутся спокойными от набегов врагов наших. Вот теперь в Тверской губернии вздохнули с облегчением, отсиделись, пронесло! Ну а как, если бы сычёвцы не поднялись на врага и предпочли остаться в роли сторонних наблюдателей?

Крестьянин Семён Силкин из Бельского села Новосёлки помещика Воеводского отказался указать отряду французов в 3000 человек с 4-мя пушками кратчайшую дорогу к селу Читаты и далее на Белый через Свитские болота. Рискаю своей жизнью, он убеждал командование отряда в том, что болота нынче непроходимы, а дорога тесна и местами завалена лесом, где их поджидают вооружённые крестьяне в заранее устроенных засадах. Так уездный город Белый, имевший на тот момент гарнизон всего из нескольких десятков казаков, был спасён самоотверженным поступком простого крестьянина. Возможно, Семён Силкин принадлежал Василию Гавриловичу Воеводскому, имевшему в тех местах земли с усадьбой в сельце Юрьеве. Отставной поручик Василий Гаврилович Воеводский был женат на старшей сестре Павла Степановича Нахимова Анне, и, по моим предположениям, родители Анны с недорослями Иваном, Павлом и Сергеем могли перебраться в имение своего зятя в Юрьеве, чтобы там пережить военную пору.

Пономарь сычёвского села Савенок на реке Касне Алексей Смирягин, собрав и вооружив команду удальцов из своих прихожан, повсеместно, как говаривали, «резвонил» неприятеля в своём округе. Однажды пономарь со своей командой выследил вторгнувшуюся в уезд неприятельскую партию, возглавляемую французским офицером. Мародёры были уничтожены, а забранные у офицера знак Почётного легиона и ландкарта России со временем препровождены к Управляющему военным министерством. Генерал-лейтенант князь Горчаков довёл о сём до высочайшего сведения, на что Государь Высочайше соизволил наградить пономаря Смирягина знаком отличия Военного ордена, а крестьянам, участвовавшим в сём деле, дать похвальные листы.

При отступлении наполеоновских войск в октябре их отряды постоянно заходили в Сычёвский уезд. Произошло несколько боевых стычек сычёвских партизан с врагом под командой сычёвского помещика отставного штабс-капитана Тимашева, избравшего на время местом базирования своего отряда село Баскаково. Как доносил советник Тверской палаты Денисов, командированный гражданским губернатором Тверской губернии Л.С. Кологривовым в помощь партизан северных уездов Смоленской губернии: «6-7 октября на большой Московской дороге между Гжатском и Вязмою сычёвский отряд способствовал донским казакам полковника Чернозубова к совершенному разбитию неприятеля и взятию у него в плен 3 офицеров и 147 рядовых; впрочем, в этом деле принимал также деятельное участие, со своими вооружёнными дворовыми людьми, отставной штабс-капитан Тимашов».

В боевой практике партизаны Сычёвского уезда взаимодействовали с донскими казаками, прикомандированными, по всей видимости, к партизанскому отряду Давыдова. Кто здесь партизан и кто кордонная стража? А.И. Попов, автор солидной монографии «Великая армия в России. Погоня за миражом», заталкивает боевые отряды сычёвцев за возведённые им самим кордоны, где они и должны в засадах поджидать неприятеля. Действительно, в Юхновском уезде, к примеру, местное ополчение почти всё время отстояло во главе со своим дворянским предводителем в верстах девяноста от большой дороги на кордоне – своей южной границе с Калужской губернией, но объявить большую дорогу, где не раз сражались сычёвцы, кордонной линией профессор всё же не решает.

Искусственное разведение армейских партизан с народными партизанами в уездах отнюдь не безобидное абстрактное построение, оно преследует цель умалить роль решающей силы в борьбе с нашествием восставший народ, слить его в ручеёк кордонной стражи. И это, как мы видим, первый и решительный шаг к забвению подвига народа.

Вспомните, где и когда вы видели памятники или какие-либо знаки в память кордонных страж 1812 года? Где списки отличившихся на этих воображаемых рубежах? И то и другое отсутствует. За одно были преданы забвению и реальные герои Народной войны, Георгиевские кавалеры из перечня отличившихся в храме Христа Спасителя. А там ведь не только награждённые партизаны Сычёвского уезда!

Такое навязчивое стремление может быть объяснено лишь эгоизмом историков различных школ в их стремлении расширить для себя диссертационное поле. Конечно, они не берут под сомнение испанскую герилью, общепризнанную партизанскую войну с теми же французскими оккупантами, хотя в Испании никаких летучих армейских партий не возникало. Партизанство Гарибальди и его соратников ими также не оспаривается.

Выходит, что это просто игра в дефиниции! Чтобы разрешить проблему, можно было бы посоветовать им использовать производные от слова **партия**, слова — **партиец, партийцы**. Т.е., **партия — отряд партийцев**, и нет вопросов.

Давно уже не стало летучих партий при армиях, появились спецназ и диверсионные группы, совершенствуются и методы партизанской деятельности, поскольку за народом всегда останется выбор: принимать власть пришельцев или нет.

Продолжим повествование дошедшими до нас сведениями о деятельности партизан Сычёвского уезда. Сычёвцы не отсиживались на «кордонах», а вели упреждающую разведку. Партия из 80 крестьян, возглавляемая сычёвским заседателем Сысоевым, была направлена на разведку к Большой Московской дороге. «Партизаны были на конях и поехали по тракту к Московской дороге, но, не доезжая деревни Теплухи, встретили сторожевой французский отряд в числе 100 человек. Встреча, разумеется, началась стычкой, а кончилась тем, что французы разбежались, потеряв 12 человек убитыми и 19 пленными. Отослав пленных, Сысоев приблизился к указанной деревне, но узнал, что здесь засел слишком сильный неприятель и возвратился в Сычёвку».

Вскоре туда же была отправлена партия из 200 человек во главе с Ржевским исправником Лутковским, сычёвскими заседателем Граблиновым 2-м и помещиком Граблиновым 1-м с заданием попытаться взять «по возможности неприятеля, находящегося на большой дороге между Гжатском и Вязьмою. Партизаны, вернувшись, рассказали, что неприятель расположен в укрепленной деревне Теплухе. Пехоты там более 1000 человек, есть и орудия. Видя русских, французы тотчас выстроились в боевой порядок и открыли сильную канонаду, так что взять их

не было никакой возможности. Впрочем, из передовых постов были схвачены 4 француза, от которых они узнали, что Теплуха давно занята французскими войсками, где они содержат почту между Москвою и Смоленском и что большой Смоленский тракт ими оставлен, а проходит неприятель правою стороною, просёлочными дорогами».

Давыдов ошибается в своём дневнике, написав: «15 октября по взятии транспорта... вся моя партия выступила сейчас из Теплухи...». В Теплухе Давыдов со своей партией не мог оказаться, иначе как разгромив её гарнизон, усиленный артиллерией. Но о захвате Теплухи он ничего не сообщает.

Получив известие, что на границе уезда появились французы, Николай Тимашев направился в поиски неприятеля, имея в своём распоряжении 200 вооружённых конных крестьян. Вскоре наши партизаны открыли партию французских кавалеристов числом не менее 150 и гнали её до большой дороги, захватив в плен 19 улан, вернулись в Баскаково. Утром прибыл сторожевой партизан с известием об обнаруженном им кавалерийском французском отряде в составе нескольких эскадронов. Тимашев поднимает по тревоге отряд, присоединяет к нему пешую дружину местных крестьян и выходит на встречу подходящему неприятелю. В происшедшем сражении было убито на месте 5 и пленено 27 вражеских кавалеристов, остальные предпочли ретироваться. Партизаны преследовали их до деревни Холм, где они были встречены и атакованы вооружёнными крестьянами графа Гудовича во главе с вотчинным управляющим Гаврилой Ивановым и оказались меж двух огней. Кавалерийский отряд понёс значительные потери: 34 человека было убито и 17 пленено, остальные ускакали к большой дороге.

Не прошло и дня как Тимашев получает известие о приближении к Баскакову по просёлочной дороге отряда французской инфантерии в 500 человек. Численное преобладание врага не смутило бывалого офицера. Разделив свои силы на две части, он атаковал французов из засады, когда те ещё переходили поле. Быстрый натиск партизан ошеломил врага, который в беспорядке отступил, оставив на месте 47 убитых.

По свидетельству самих оккупантов:

Из воспоминаний лейтенанта Вахсмута:

А 1 октября Вестфальская команда кап. Барделебена столкнулась с казаками и вооружёнными крестьянами и с трудом вернулась в район Теплухи, сам лейтенант оказался в плену.

На дороге от Гжатска к Вязьме действовали, нападая часто одновременно, казачий отряд (из партии Давыдова) и вооружённые крес-

тьяне. В Гжатском и Вяземском уездах крестьянских боевых дружин не было, это могли быть только сычѣвцы.

11 октября отряд в 100 чел. 5-го Вестфальского полка вышел из Теплухи с артиллерийским парком, чтобы доставить его в Вязьму. Вскоре впереди замечено было 250-300 казаков, одновременно отряд окружали вооружѣнные крестьяне. Конвой выстроился в каре, и началась, длившаяся 45 минут, перестрелка, которая прекратилась с подходом со стороны Вязьмы отряда лейтенанта Гильзы...

21 октября на границе с Вяземским уездом шли бои казаков Платова с арьергардом Нея, в котором его корпус потерял убитыми и ранеными более 8000 человек. В ночь на поле боя оставались наши раненные. Владелец сычѣвского сельца Липицы Хомяков подобрал со своими дворовыми более двух десятков раненых казаков, разместил в своём флигеле и некоторое время выхаживал их на свои средства.

Рассказывали о бесстрашной сычѣвской крестьянке Прасковье из деревни Соколовой, которая надела мундир убитого ею в общей схватке с партией фуражиров офицера и на его же коне лихо явилась к своему помещику.

При отступлении два француза в поисках пропитания забрались в сарай одного из не разорѣнных имений Бельского уезда. Мальчик из дворовых заметил незваных гостей и поднял тревогу. Хозяин послал двух солдат, нашедших приют в доме помещика после побега из французского плена, послал схватить мародѣров с тем, чтобы потом отконвоировать их в Сычѣвку. Как только французы услышали о Сычѣвке, они столь проворно выскочили из постройки, что ловцы не смогли угнаться за ними.

Что касается легендарной народной мстительницы Василисы Васильевны Кожиной из Новодугинской волости Сычѣвского уезда, представляющей на чугунной мемориальной доске в Смоленске всех народных партизан Смоленщины, то никаких подтверждений её существования и боевой деятельности обнаружить не удалось.

Собирая материал о Народной войне 1812г. на Смоленщине, я заинтересовался, как в то время происходило представление и награждение за боевые отличия. Понятно, что в сложившейся обстановке, взяв всю ответственность в уезде на себя и действуя по своей инициативе, Николай Матвеевич вполне сознавал свою подчинѣнность и ответственность. Но губернская власть устранилась, армия оставила позиции и отошла на неизвестные рубежи, никакие указания из Санкт-Петербурга до Сычѣвки не доходили. Долг дворянина обязывал действовать, защищать уезд и его поселян. И пусть о боевых успе-

хах сычѣвцев узнает Главнокомандующий, и Государь порадует за своих верных подданных!

Кутузов исполнил «Всепокорнейшую» просьбу Нахимова «о столь счастливом успехе в отношении войск врага нашего... довести до сведения Его Императорского Величества и обратить своё внимание на отличившихся крестьян» по приложенному к рапорту списку.

30 сентября военному губернатору Новгородской, Тверской и Ярославской губерний Его Императорскому Высочеству принцу Георгу Гольштейн-Ольденбургскому пришло указание Императора засвидетельствовать подвиги сычѣвских партизан, по ранее «дошедшим до Государя сведениям».

По поступлению в Петербург необходимых свидетельств генерал-губернатора, рескриптом Императора Александра I от 7 ноября 1812 года, Сычѣвский предводитель дворянства Нахимов Николай Матвеевич был за «отличные подвиги и неустрашимость в стремлении на поражение и истребление неприятеля» награждѣн орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом.

В № 52 за 28 декабря 1812г. официального правительственного еженедельника «Санктпетербургских сенатских ведомостях» на стр. 502 сборника за 1812 г. этот рескрипт был обнародован.

Тогда же, 7 ноября, отличившиеся крестьяне из списка, приложенного Нахимовым к рапорту, были награждены знаком Военного ордена – Георгиевским крестом. Но в «Ведомостях» сведений об их награждении нет. Видимо, наградные списки публиковать не было принято, и Государь их собственноручно не подписывал. На все формальности ушло почти четыре месяца.

Помимо рескрипта о награждении Н.М. Нахимова в № 42 ведомостей от 5 октября 1812г. на стр. 447 приведѣн именной Указ Императора от 28 сентября о производстве квартального надзирателя губернского секретаря Василия Ленова (в храме Христа Спасителя его фамилия воспроизведена ошибочно как Леонов) в следующий чин. Ленов был пожалован в капитаны Императором по представлению Главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии Вязьмитинова. Наверно, рапорт Нахимова о сражении партизан с неприятелем у села Тѣсова, в котором Ленов принял командование отряда после гибели майора Емельянова, направил по ведомству полиции. Указ Императора Сенату последовал спустя всего две недели.

Сведения о награждении В. Ленова и Н.М. Нахимова в «Ведомостях» это единственные сообщения о поощрении героев Народной войны с августа 1812 по февраль 1813 года. Не значит ли это, что в

«Санктпетербургских сенатских ведомостях» публиковались указы и рескрипты Государя на особо отличившихся?

Если вы будете в Москве и зайдёте очередной раз в храм Христа Спасителя отдать память нашим героическим предкам, спасшим Россию два века тому назад, поклонитесь отличившимся в народной войне в 1812 г., чьи имена навечно вписаны на одну из стен храма. И вспомните, что среди них 20 партизан-сычѳвцев.

Любопытно, как иногда происходило награждение за боевые заслуги в действующей армии. Легендарный Денис Давыдов: «Переступая за границу России и видя каждого моего подчинѳнного, награждѳнного тремя награждениями, а себя забытым по той причине, что, относясь во всю кампанию прямо или к светлейшему или к дежурному генералу всех армий Коновницину, я не имел ни одного посредника, который бы мог рекомендовать меня к какому-либо награждению». На что жалуется Денис Васильевич? Ведь он сознательно избегал «посредников», всю свою недюжинную энергию направляя на то, чтобы быть в непосредственном подчинении главных лиц. Если командующие армиями (корпусами) предлагали его партии дело в составе армейских частей, то в ответ обычно слышали, чтобы на него не рассчитывать, поскольку он обязан исполнить особое поручение светлейшего. «Уверен будучи, что звание партизана не освобождает от чинов послушания, но с ним вместе и позволяет некоторого рода хитрости, я воспользовался одновременным приездом обоих присланных и объявил первому о невозможности моей служить под командою графа Ожаровского по случаю получения повеления от графа Орлова-Денисова поступить под его начальство, а второго уверил, что я уже поступил под начальство графа Ожаровского, и, вследствие повеления его, иду к Смоленской дороге». Да, таков наш гусар, откровенно неразборчив в средствах достижения своей цели, с тем, чтобы никто не смог «вырвать у меня листок лавра, за который я уже рукой хватался!»

«Пока продолжалась Отечественная война, я считал грех думать об ином, чем как истреблению врагов Отечества. Ныне я за границей, то покорнейше прошу Вашу Светлость прислать мне Владимира 3-й степени и Георгия 4-го класса». Воистину – смелость города берѳт! Можно, конечно, понять генерала Ермолова, поднимающего в атаку на Бородинском поле солдат, чтобы выбить французов с захваченных ими позиций батареи Раевского и мечущего перед строем Георгиевские кресты, случайно оказавшиеся, как вспоминает Давыдов, у него в кармане.

К тому времени 26-летний Денис Васильевич имел старший по статусу из своих наград орден св. Владимира 4 ст.. Свой «Дневник парти-

занских действий 1812 года» Давыдов опубликовал через два десятка лет, когда многие его боевые соратники и начальники ушли из жизни. Наверяд ли он в такой панибратской манере обращался к М.И. Кутузову, самочинно определив награды за свои ратные труды. Тем не менее, Коновницын в короткое время присылает Давыдову затребованные им награды, хотя Денис Васильевич ничего не сообщает о рескриптах с собственноручными ЕИВ подписями, к которым, собственно, ордена и должны были прилагаться.

В Крымскую войну нельзя было наградить Георгием 4 ст. без утверждения представления в Георгиевской кавалерской думе. Георгиевская дума Севастопольского гарнизона под председательством адмирала П.С.Нахимова собиралась несколько раз под аккомпанемент грохочущих орудий.

Вступив на престол, Император Александр I восстановил награждение орденом Св. Георгия и порядок утверждения представлений думой, похоже, что для Дениса Васильевича сделали исключение.

У предводителя дворян Сычѳвского уезда Нахимова Николая Матвеевича, возглавившего партизанское сопротивление захватчикам в своей округе, в силу возникших обстоятельств, также не было посредников, и ему приходилось обращаться напрямую к М.И.Кутузову с рапортами о боевых достижениях сычѳвских партизан с указанием особо отличившихся, отнюдь не выпячивая свои заслуги и не кланя конкретные награды, а только прося отметить достойных своих соратников...

В Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Смоленщина вновь поднялась на вторгшегося смертельного врага России. В кровопролитных сражениях на полях, ещѳ помнящих доблесть наших предков в войну 1812 г., удалось замедлить зловещую поступь безжалостного захватчика и дать время собрать силы в кулак, способный остановить и отбросить вспять фашистскую машину от Москвы.

Как и 130 лет назад население Смоленщины не смирилось с оккупантами, и очаги народного сопротивления стали возникать повсеместно. Не отставала от области и героическая Сычѳвская округа.

Волочек был захвачен немцами дважды: в начале октября 1941 г. после отступления Советской армии и в марте 1942 г. В октябре 1941-го рубеж обороны проходил в селе по Днепру, здесь стояли насмерть подмосковные ополченцы Красногорского батальона. 4-7 октября шли ожесточѳнные бои, свидетельство тому – гильзы и осколки снарядов на огородах сельчан, которые земля продолжает извергать из себя. Многие ополченцы тогда сложили у Волочка свои головы.

В декабре 1941-го, вследствие поражения врага под Москвой, лихим рейдом конного корпуса генерала Белова немцы из Волочка на

несколько месяцев были выбиты. В старом доме, бывшей сельской лавке, временно базировался штаб местного партизанского отряда «На врага», возглавляемого Подрезовым. Чудом спасшаяся участница партизанского сопротивления из отряда «На врага» Татьяна Васильевна Суменкова по сей день проживает в селе Нахимовском. Окончательно оккупанты будут изгнаны из села в конце марта 1943 г., когда Советская армия перейдёт на Смоленщине в решительное наступление.

Переполненные бессильной злобой гитлеровцы готовили накануне своего бегства возмездие непокорным мирным жителям. Ими были расстреляны 18 из 25 подозреваемых в связях с партизанами. Затем всех оставшихся в селе согнали в деревянную постройку Волочковского Сельпо с намерением заживо сжечь. Близкая артиллерийская канонада стремительно наступавшей нашей армии отвлекла бдительных стражей и, выставив оконную раму, люди смогли ночью скрытно перебежать в подвалы бывшего барского дома Нахимовых и там спастись от страшной участи Белорусских и Смоленских Хатыней.

На одной Смоленщине гитлеровцы, методично расчищая для себя жизненное пространство, уничтожили столь бесчеловечным образом несколько десятков русских сёл со всем имевшимся на тот момент населением. Светлая память нашим русским мученикам!

Уроженец Ельнинского района, поэт и публицист, замечательный русский патриот В.Т. Фомичёв собрал сведения по Смоленским Хатыням, есть надежда, что его подвижническая деятельность получит достойную поддержку, и все эти скорбные места обретут статус мест поклонения и вечной памяти...

Из жителей Волочка и 31 окрестной деревени, входивших в коллективное хозяйство, многие были призваны в ряды Советской армии и достойно отстаивали на различных фронтах свободу и независимость родного Отечества; 418 не вернулось в свои края. Их скорбный список выбит навечно в камне мемориального сооружения в центре села Нахимовского. Среди имён героических защитников Родины двое Нахимовых. Мой отец, Павел Сергеевич Нахимов, родившийся в Волочке в 1913 г., инженер-энергетик Московского метрополитена, имевший «бронь», ушёл с началом войны добровольцем на фронт, пропал без вести в июле 1942 г.

Нахимов Николай Матвеевич 1908–1943 гг., уроженец местного села Битягова.

Нередкий случай для дореволюционной России, когда сироты или внебрачные дети получали при регистрации фамилию землевладельца, за которым числилось и само поселение. Возможно, его отец – стрелок Нахимов из Сычёвского уезда – участвовал рядовым в Первой мировой

войне 1914–1918 гг. Работая в РГВИА в Москве, я наткнулся на сведения о его лечении после ранения в госпитале и последующем возвращении в строй. Его сын до своей кончины в 1971 году проживал в родном Битягове, позже семья Нахимовых село оставила.

Сычёвский уезд можно по праву назвать русским оплотом на Смоленской земле, здесь дубина народной войны не отставлялась в пыльный угол ни в 1812, ни в 1941–45 годах и была постоянно в деле.

Э.Г. Вартастьян (г. Краснодар)

Взлёт и падение маршала Мюрата

Всё дальше в глубь истории уходит 1812 год. Прошло уже 200 лет со времени войны русского народа с армией Наполеона Бонапарта. Интерес к далеким и бурным событиям начала XIX в. вызван тем, что они затрагивали жизненные интересы широчайших народных масс, в них решались судьбы государств и народов Европы и всего мира. Отечественная война 1812 г. оказала большое влияние на дальнейшие судьбы России. Всем известно, что декабристы с гордостью называли себя «детьми 1812 года». Русские демократы первой половины XIX в. считали войну 1812 г. одной из причин пробуждения политического движения в России. Героическая борьба народов России против наполеоновского нашествия вдохновляла писателей, поэтов, композиторов и художников разных поколений на создание произведений, вошедших в золотой фонд литературы и искусства (роман Л.Н. Толстого «Война и мир», увертюра П.И. Чайковского «1812 год», полотна В.В. Верещагина, в частности, «Возвращение Наполеона из Петропавловского дворца в Кремль», грандиозная панорама Ф.А. Рубо «Бородинская битва» и др.). Самоотверженность, мужество русского народа вызывали всеобщее восхищение. Л.Н. Толстой писал: «Нравственная сила французской атакующей армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, – а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородином» [1].

Величие победы России в Отечественной войне 1812 г. предстаёт ещё более значимым, когда осознаёшь, с каким противником России пришлось иметь дело. Знаковой фигурой в истории наполеоновских войн является Иоахим Мюрат (1771–1815) – один из наи-

более ярких полководцев Наполеона Бонапарта, красивый, пылкий, увлекающийся.

Выросший в маленьком гасконском городке Лабастид-Фортюньер в семье трактирщика [2], Мюрат рано начал самостоятельную жизнь. Прослужив некоторое время в королевской гвардии, Мюрат вернулся домой. Родители, желая видеть своего сына священником, отдали его учиться в религиозный колледж. В 1787 г. Мюрат бросил учёбу и поступил рядовым в кавалерийский полк, а в 1791 г. пошёл добровольцем в революционную армию и быстро получил офицерский чин. В 1795 г., когда Бонапарту для подавления мятежа роялистов понадобилась артиллерия в центре Парижа, пушки доставил капитан Мюрат. Именно с этого момента началась настоящая карьера Мюрата. Он стал адъютантом Бонапарта [3].

Мюрат не был ни политиком, ни стратегом, но был замечательным военачальником. Наполеон высоко ценил боевые качества Мюрата: «Я никогда не видел человека храбрее, решительнее и блистательнее его во время кавалерийских атак» [4].

Мюрат имел неистребимое пристрастие к роскоши. Как отмечал Оноре Бальзак, «Мюрат, настоящий восточный человек по своим вкусам, подавал пример роскоши» [5]. Он экстравагантно одевался, любил украшенные перьями головные уборы, ювелирные изделия, приобретал особняки, обставлял их дорогой мебелью, произведениями искусства. Л.Н. Толстой описал его в «Войне и мире», как щёголя, который заметен на ярком июньском солнце своими развевающимся перьями, камнями и золотыми галунами.

Во время итальянского похода Наполеона полковнику Мюрату приходилось бывать в самых опасных местах, водить полки в атаку, заменять в бою погибших генералов. В египетском походе Мюрат получил право самостоятельного командования и чин дивизионного генерала. Он вышел победителем в поединке с египетским генералом Мурат-беем, отрубив последнему два пальца. Полученная в качестве трофея сабля Мурат-бея была предметом особой гордости Мюрата [6].

В январе 1804 г. Мюрат стал военным губернатором Парижа. В мае 1804 г., на следующий день после провозглашения Наполеона императором Франции, Мюрат был произведён в маршалы в числе 14 генералов, удостоенных тогда этого высшего воинского звания, а в начале 1805 г. – Великим адмиралом и принцем Империи [7].

В кампании 1805 г. Мюрат командовал резервной кавалерией. Во время преследования русской армии он возглавлял авангард. На этой должности он проявил не только энергию, но и безрассудство, что

часто вызывало недовольство Наполеона. У Голлабруна Мюрат, устремившийся вслед за русской армией, совершил грубую ошибку. Пытаясь задержать русских, чтобы дождаться идущих к нему подкреплений, Мюрат решил провести М.И. Кутузова, направив к нему парламентёра, чтобы начать переговоры о перемирии. Обе стороны должны были оставаться на своих позициях до ратификации этого документа. М.И. Кутузов сделал вид, что соглашается с таким предложением, а сам продолжил отход, прикрываясь арьергардом П.И. Багратиона. Наполеон был в очередной раз разгневан самовольными действиями Мюрата [8]. Уязвлённый выговором Наполеона, Мюрат бросился на русских, но было уже поздно: основная часть русской армии успела выйти из-под удара французов.

Блестящие военные способности Мюрат проявил и в Аустерлицкой битве, под Йеной, Любеком, Прейшиш-Эйлау. В 1807 г. он командовал всей французской кавалерией. Мюрат обожал, когда его хвалили, когда им восторгались. Во время мирных переговоров в Тильзите в 1807 г. Мюрат находился в свите императора и в числе пяти французских генералов получил из рук русского царя Александра I высший российский орден Андрея Первозванного [9].

Благодаря браку с сестрой императора Каролиной Мюрат стал королём Неаполя в 1808 г. и показал себя хорошим правителем. Наполеон справедливо упрекал Мюрата в том, что он часто нарушал континентальную систему на побережье Неаполитанского королевства. Арман де Коленкур пишет в своих мемуарах о том, что Наполеон опасался установления тесных связей между неаполитанским королем и австрийским императором: «Если австрийский император, – говорил Наполеон, – отнесется к нему [Мюрату. – В.Э.] хорошо, то у Мюрата закружится голова, и он наверняка наговорит много глупостей и т.п.» [10].

В поход против России в 1812 г. Мюрат собирался с большой неохотой. Несмотря на свою кипучую энергию, он к тому времени устал от 20 лет непрерывных войн. Да и сердцем чувствовал, что поход не будет удачным. В походе маршал командовал 28-тысячным кавалерийским резервом армии (4 корпуса). Действовать ему пришлось в составе авангардных сил. Уже в первых столкновениях с отходящими от линии государственной границы русскими войсками наполеоновскую кавалерию стали преследовать неудачи. Так, у деревни Островно произошло двухдневное сражение между корпусом генерала А.И. Остермана-Толстого и двумя французскими полками – армейским Евгения Богарне и кавалерийским Иоахима Мюрата. В том сражении русская пехота успешно отразила все конные атаки не-

приятеля. Маршал лично участвовал в конных рубках с казаками, среди которых пользовался большим уважением за свое рыцарское благородство и отвагу [11]. Под Смоленском он умолял Наполеона не идти дальше и остановиться. Император не внял советам своего маршала, возражал, ничего не хотел слышать и видел перед собой только Москву [12]. В ходе Смоленского сражения французская резервная кавалерия так и не смогла нанести фланговые удары по оборонявшейся русской 27-й пехотной дивизии, которой командовал Д.П. Неверовский. Хотя французская армия имела троекратное численное превосходство, корпус Мюрата боевой славы тогда так и не добился. В Бородинском сражении Мюрат лично водил в атаку 15-тысячный отряд кавалерии под огнём русских орудий. Он не покидал поле сражения всю ночь, оказывался в самых опасных местах: то у Семеновских (Багратионовых) флешей, то у Курганной высоты, на Семеновских высотах во главе своей кавалерии. Укрепления переходили из рук в руки. Хотя французы атаквали без усталости, русская пехота и кавалерия не раз их контратаковала. Противники понесли здесь наиболее значительные потери. Во время штурма Семеновских флешей неаполитанскому королю несколько раз приходилось спасаться в рядах французской пехоты. Так, во время кавалерийского боя под Мюратором была убита лошадь, но ему удалось укрыться от русских кавалеристов в каре 33-го пехотного полка [13].

Кавалерия Мюрата приняла участие и в штурме Курганной высоты. В бою за батарею В.Ф. Раевского погиб командующий одного из кавалерийских корпусов генерал Коленкур, которого Мюрат в рапорте императору назвал одним из героев Бородинской битвы. Вид Бородинского поля, покрытого горами трупов, произвёл на Мюрата неизгладимое впечатление, он был подавлен. В ответ на высказывание маршала Нея о больших потерях врага Мюрат ответил: «Однако он отступил в хорошем порядке» [14]. День Бородина обернулся настоящей трагедией для французской кавалерии, которая утратила 26 августа 1812 г. больше половины своего личного и конского состава [15].

Не останавливаясь в Москве, Мюрат последовал за М.И. Кутузовым и к концу сентября 1812 г. остановился недалеко от Тарутина. Бесшабашное удалство Мюрата, его лихие кавалерийские атаки и характерная внешность настолько полюбили русским казакам, что они даже уговорились не стрелять в маршала, а попытаться взять его в плен, что вызвало немало веселья во французском лагере и льстило самолюбию Мюрата. Мюрату нравилось вести с русскими переговоры, поэтому он обменивался подарками с казачьими командирами.

М.И. Кутузов воспользовался этими встречами, чтобы поддерживать во французах ложные надежды на мир [16]. Крупной неудачей маршала был поход под Тарутино, когда он упустил армию М.И. Кутузова, потеряв в сражении под деревней Чернишня несколько тысяч своих кавалеристов. Мюрат, едва успевший вскочить на коня при внезапном налете казаков на его штаб, был ранен пикой в бедро [17].

Когда Наполеон понял, что ждать мира от русского царя не имеет смысла, он со своей армией двинулся к Калуге. Однако у Малоярославца путь наполеоновской армии был преграждён М.И. Кутузовым. После ожесточённого боя Наполеон понял, что пробиться в южные губернии не удастся, и начал отступление к Смоленску. У Наполеона оставалось 100 тыс. человек [18]. Лучшие корпуса французской армии (Мюрата, Даву, Богарне), измотанные в многодневных боях, уже не представляли серьёзной силы. Во время отступления Мюрат ничем себя не проявил. Сражения под Смоленском и Красным подорвали веру «Великой армии» в непогрешимость Наполеона, в его гений. В сражении под Красным Наполеон сам руководил войсками, и вину за неудачу уже нельзя было переложить ни на Мюрата, ни на Даву, ни на Богарне [19]. Контрнаступление русской армии вылилось в параллельное преследование французской армии, которая в условиях зимы таяла с каждым днем. Кавалерийский корпус Мюрата превратился в пеший, коней могли набрать только для императорской свиты и личного конвоя Бонапарта.

Наполеон решил бросить остатки армии и возвратиться в Париж, объявив маршалам о том, что оставляет командование неаполитанскому королю – Мюрату [20]. Многих удивило это назначение. А.З. Манфред пишет: «В выборе главнокомандующего сказались ... монархическое перерождение Бонапарта. В 1799 г. он оставил египетскую армию самому способному из своих генералов – Клеберу. В 1812 г. он поручил её не Даву, наиболее крупному полководцу, даже не Евгению Богарне, а старшему по монархической иерархии – Мюрату» [21]. Французская армия в этот период представляла собой замёрзших, полуголодных, деморализованных людей, а не победоносное войско. Дезертирство из наполеоновской армии усиливалось; особенно повальный характер оно имело в испанских полках, которые, ненавидя Наполеона, были вынуждены идти в поход в Россию. Фуражировки не удавались французам. В одних местах фуражиров брали в плен казаки, мелькавшие и днем и ночью около Тарутина, на московских дорогах; в других местах их побивали крестьяне, грабить которых они приходили, в третьих местах им удавалось запастись сеном, но лишь перебив или разогнав по лесам крестьян [22].

Дисциплина во французской армии в период отступления падала с ужасающей быстротой, озверение голодных германских, польских, итальянских солдат, а также некоторых частей французских дошло до неслыханной степени. Расстрелы уже не могли восстановить дисциплину. Испугать смертной казнью было трудно тех, кто ежедневно ждал смерти от голода, истощения и усталости. Беспощадная суровость маршала Даву ещё кое-как поддерживала дисциплину в его корпусе, другим маршалам это удавалось очень плохо [23]. В этой связи интересен диалог между российским генералом бароном М.А. Корфом и французским генералом Арманом во время случайной встречи на аванпостах. Генерал Арман сказал: «Мы, право, очень устали от этой войны, дайте нам паспорт, – мы уйдем. ...О нет, генерал, – возразил М.А. Корф, – вы к нам пожаловали незваные, так и уходите вам нужно по французской манере, не откланиваясь» [24]. Такие же «случайные» встречи состоялись между Мюратом и Л.Л. Беннигсеном, Мюратом и М.А. Милорадовичем. М.А. Милорадович заметил Мюрату: «У нас народ страшен, он в ту же минуту убьет всякого, кто вздумает говорить о мирных переговорах» [25].

Позже, на острове Святой Елены, Наполеон отметит: «Я должен был бы умереть сразу же после вступления в Москву...» [26]. Предчувствие неотвратимо надвигающейся гибели охватило его, видимо, в первые дни ожидания в пустой, безлюдной Москве. По этому поводу великий Дж. Байрон написал, обращаясь к Наполеону

*Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из золота
Горят на солнце... Но, увы!
То солнце твоего заката!*

Приказ Наполеона перед отступлением из Москвы взорвать Кремль был осужден даже во французских источниках. Друг семьи Наполеона герцогиня А. д'Абрантес возмущалась: «Взрыв Кремля должен показать нас варварами более первобытных скифов» [27]. К счастью, дождь подмочил фитили или их загасили русские патриоты. Было разрушено только здание Арсенала.

К тому времени дружеские отношения между Наполеоном и Мюратом уступили место официальным. Мюрат оказался не способен выполнить поставленную перед ним задачу командования армией, «среди этого страшного беспорядка нужен был колосс, чтобы стать центром всего», – писал Ф. Сегюр [28]. Уничтожение «Великой армии» в России надломило веру Мюрата в счастливую судьбу Наполеона. С

этого момента Мюрат «сломался». Вместо обсуждения дальнейших действий он предпринял попытку дистанцироваться от Наполеона, понимая, что после поражения французской армии в России его собственное положение станет более неустойчивым, и хотел отмежеваться от политики императора. Его попытка была пресечена резким упрёком маршала Даву. После отъезда Наполеона все помыслы Мюрата были направлены на то, чтобы поскорее оказаться в Неаполе и сделать всё, чтобы неаполитанская корона осталась на его голове, если ситуация сложится против Наполеона. Доведя остатки ещё способных к дисциплине полков до границы, в Познани, куда Мюрат перевел свою ставку, 16 января 1813 г. он сложил с себя командование армией в пользу Евгения Богарне и, не спросив разрешения у императора, отправился в Неаполь. Прибыв в Неаполитанское королевство, Мюрат думал лишь о сохранении короны. Он наивно полагал, что, договорившись с австрийцами и с англичанами и изменив Наполеону, он оставит себе неаполитанский престол. Не прерывая переговорный процесс с австрийцами и не желая раздражать Наполеона своей двусмысленной политикой, Мюрат принял решение выехать в Дрезден и возглавить кавалерию французской армии. Мюрат участвовал в сражениях под Лейпцигом и Дрезденом. В Дрезденском сражении (август 1813 г.) маршал немало способствовал успеху французской армии, почти вдвое уступавшей войскам союзников. Это была последняя впечатляющая победа маршала Иохима Мюрата [29].

После поражения под Лейпцигом в октябре 1813 г. («Битва народов») стало очевидно, что Наполеон проиграл всё. И Мюрат, чтобы сохранить неаполитанскую корону, вступил в переговоры с союзниками. Одним из неперемненных условий, выдвигаемых ими, было помочь покончить с Наполеоном. И тут маршал Мюрат, вспомнив былые обиды, выставил неаполитанские войска против корпуса Евгения Богарне. Боевые действия так и не начались, но факт остаётся фактом – Мюрат больше не служил Наполеону.

После того, как в 1814 г. союзные войска вошли в Париж, Наполеон отрекся от власти и был отправлен на остров Эльбу. Мюрат возвратился в Неаполь, но удержать корону ему не удалось, несмотря на все его старания. Венский конгресс 1815 г. не собирался оставлять ему власть. Поэтому, когда в 1815 г. Наполеон высадился во Франции, Мюрат откликнулся на его просьбу и двинул свои войска против австрийской армии. Во время «Ста дней» [30] Мюрат сражался на стороне Наполеона против австрийцев, в частности, проиграл апреле 1815 г. сражение при Толентино. В сражении при Ватерлоо 18 июля 1815 г. Наполеон потерпел поражение и был сослан на остров Святой Елены.

Бежав в Гасконь, затем на Корсику, Мюрат не оставлял мысли вернуть себе неаполитанскую корону. В сентябре 1815 г. он получил письмо от кардинала Боргезе, в котором тот сообщал, что народ с радостью встретит его возвращение [31]. Это была ложь. Утомлённые итальянцы не в силах были продолжать сопротивление. 13 октября 1815 г. с небольшим отрядом он высадился на юге Апеннинского полуострова, в Калабрии. Однако задуманного победного похода на Неаполь не получилось, Мюрат был арестован австрийцами. В течение двух часов военно-полевой суд приговорил Мюрата к расстрелу. Мюрат выслушал приговор с гордым, спокойным и презрительным видом, назвав его бесчестным. За несколько часов до казни Мюрата посетил один из его старых знакомых аббат Антонис Масдеа, который предложил ему причаститься. Мюрат категорически отказался от причастия, но отказ основывался не на религиозных соображениях, а на политических – это было проявлением протеста против несправедливого приговора суда. Священнику все же удалось уговорить Мюрата подписать записку: «Я умираю как порядочный христианин» [32].

После смерти Мюрата не забыли. Его родной город впоследствии был переименован в Лабастид-Мюра, а в Неаполе маршалу поставили памятник как одному из самых популярных королей. Во Франции его считали самым отважным и выдающимся кавалеристом. Слова «бесстрашный» и «наш герой» стали созвучны имени Иоахима Мюрата.

Бескрайние просторы России, тактическое искусство и упорство русских солдат, крестьянская партизанская война, ожесточённое народное сопротивление разрушили планы Наполеона на быструю военную кампанию. Именно война с Россией сломала хребет наполеоновской армии и явилась началом конца блестящего наполеоновского маршала Иоахима Мюрата.

Примечания

1. Толстой Л.Н. Война и мир // Собр. соч. Т. 6. М., 1962. С. 299.
2. Нейман М. Армяне. Ереван, 1990. С. 131-132.
3. Маршал Наполеона – Йоахим Мюрат // <http://voynablog.ru/2011/03/17/marshal-napole> С. 2 – 19.05. 2012)
4. Зотов Р.М. Наполеон на острове святой Елены // Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 205.
5. Бальзак О. Собрание сочинений в 24 т. Т. 13. М., 1960. С. 184.
6. Тюлар Ж. Мюрат или пробуждение нации. М., 1993. С. 19–20.
7. Маршал Мюрат // <http://www.adjudant.ru/fr-march/murat.htm>. С.14 (19.05.2012)
8. Там же. С. 15–16.
9. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон М., 1994. С. 127.

10. Коленкур А. Мемуары. М., 1942. С. 82.
11. Иоахим Мюрат // <http://aboutthem.ru/menum/1641-myur-myut/7878-2011-03-03-12-48-49.html>. С. 7 (19.05.2012).
12. Сегюр Ф. Поход в Москву. Мемуары адъютанта. – М., 2002. С. 61.
13. Тарле Е. Наполеон. М., 1939. С. 213-214; Иоахим Мюрат // <http://aboutthem.ru/menum/1641-myur-myut/7878-2011-03-03-12-48-49.html>. С. 8 (19.05.2012).
14. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона на Россию. Смоленск, 1991. С. 346; Маршал Мюрат // <http://www.adjudant.ru/fr-march/murat.htm>. С. 25 (19.05.2012).
15. Иоахим Мюрат // <http://aboutthem.ru/menum/1641-myur-myut/7878-2011-03-03-12-48-49.html>. С. 8 (19.07.2012).
16. Марбо М. Мемуары генерала барона Марбо. М., 2005. Т. 3. С. 570.
17. Иоахим Мюрат // <http://aboutthem.ru/menum/1641-myur-myut/7878-2011-03-03-12-48-49.html> С. 9 (19.05.2012).
18. Роже Дюфрес. Наполеон. М., 2003. С. 164.
19. Жилин П.А. Отечественная война 1912 года. М., 1988. С. 313.
20. Сегюр Ф. Указ. соч. С. 269.
21. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1998. С. 532.
22. Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938 . С. 209-210.
23. Там же. С. 243.
24. Там же. С. 210.
25. Там же.
26. Манфред А. Указ. соч. С. 521.
27. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 215.
28. Сегюр Ф. Указ. соч. С. 271.
29. Маршал Мюрат // <http://www.adjudant.ru/fr-march/murat.htm>. С.28 (19.05.2012)
30. Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С.738–742.
31. Маршал Наполеона – Йоахим Мюрат // <http://voynablog.ru/2011/03/17/marshal-napole> С. 4 (19.05. 2012)
32. Погосян В.А. Армяне – сподвижники Наполеона: история и мифы. Ереван, 2009 // <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Pogosian=mono/Chapitre3-Murat.html>. С. 5 (19. 05. 2012).

Г.И. Маяковская (Кругликова) (г. Сочи)

Роль дворянства в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813-1814 г.г. (на примере воинов из рода Кругликовых)

Манифесты Императора Александра I, обращённые к Российскому дворянству с призывом встать на защиту Отечества, были встречены в дворянской среде с большим патриотическим подъёмом. Губернские и уездные Дворянские собрания изъявили готовность пойти на любые жертвы во имя защиты Родины. Инициатива собраний Дворянских депутатов Московской и Санкт-Петербургской губерний дать в ополчение одного человека с десяти ревизских душ вместо одного с двадцати пяти, как просил Государь, говорит о решимости сословия участвовать людьми и деньгами в укреплении армии.

Так, по материалам книги «Московское Дворянство в 1812 году», среди прочих указан помещик Богородского уезда Кругликов Павел Венедиктович, который поставил в Московское ополчение 10 человек со своих 102 душ крепостных. На собственные средства дворян сверх установленных повинностей были сформированы 5 кавалерийских и пехотных полков. Сами дворяне также участвовали в походах 1812 года. Они действовали героически на службе в армии, в сражениях при Бородино и Таруте, в боях за Малоярославец и Вязьму, в заграничных кампаниях. Генералы, гвардейские и армейские офицеры никогда не прятались за спины солдат, вели их за собой и гибли в огне сражений. Более 240 дворян, отличившихся в боях, были награждены Золотыми шпагами и саблями «За храбрость», более двух с половиной тысяч – орденами Св. Владимира и Св. Анны.

Государь Император Александр I и дворянство организовали ополчение и отряды самообороны в 16 губерниях России и вручили оружие народу. Именно дворянство России было той организующей силой, которая подняла все сословия на борьбу с наполеоновским нашествием, а наиболее яркие представители служили примером мужества и воинской отваги. Многие дворяне записывались в ополчение простыми ратниками и показали в сражениях бесстрашие и героизм. Уездные дворяне должны были для зачисления в ополчение представить свою кандидатуру собранию, добиться одобрения и получить право встать в ряды ратников «по выбору дворянства».

Чиновники подавали прошения на Высочайшее имя или обращались за рекомендациями к известным людям. Были массовые прояв-

ления патриотизма дворян, начиная с представителей Императорской фамилии, видных сановников и заканчивая мелкопоместного дворянства. Война с Наполеоном показала, что большинство дворян: генералы, штаб- и обер-офицеры, чиновники, служившие в ополчении, молодёжь из именитых и почти неизвестных служивых фамилий видели своё историческое предназначение в служении Отечеству.

Одной из дворянских «служивых» фамилий были мои предки Кругликовы. С середины XVIII и до начала XX века около тридцати человек были кадровыми военными в разных званиях от поручиков до генерал-лейтенантов в различных родах войск (преимущественно в кавалерии) во всех кампаниях, отстаивавших интересы Родины. Кругликовы проживали во многих губерниях Центральной России. В Ярославской губернии с 1672 года в Даниловском уезде семья владела имением в селе Торопово. Полковник Иван Венедиктович Кругликов, выбранный в 1806 году губернским дворянством в милицию, отправлял должность Тысячного начальника. Был награжден в 1809 г. Золотой медалью «За ревностную и усердную службу» при образовании Земского войска. В 1809-1812 годах он был уездным предводителем дворянства. Его сын Сергей Иванович Кругликов (1792-1854) летом 1812 г. вступил в Ярославское ополчение.

На чрезвычайном собрании 24–29 июля 1812 года Ярославское дворянство решило выставить более 11 000 воинов: 331 офицера, 764 урядника, 10 592 рядовых, 112 писарей, в том числе 600 конных ополченцев. Начальником ополчения был избран местный дворянин генерал-майор Яков Иванович Дедюлин. Даниловский уезд выставил более 1000 человек. Всех ополченцев одели по образцу «московской военной силы» и снабдили провиантом на 3 месяца. Лошадей для ополченцев дворянство предоставило бесплатно. 27 июля 1812 года был учреждён «Комитет Ярославской военной силы» во главе с губернатором М. Н. Голицыным. Он лично внёс 5000 рублей на формирование ополчения. В общей сложности губернией было собрано 818 000 рублей. Сын губернатора – капитан Николай Голицын погиб в Бородинском сражении. Прообразом князя Андрея Болконского в «Войне и Мире» стал Николай Тучков, умерший в Ярославле от ран, полученных на Бородинском поле.

В октябре 1812 года в Ярославле открылся Главный военный госпиталь, а в других городах – лазареты. Численность раненых военных, беженцев и военнопленных, разместившихся в городе (в гостиницах, частных домах, квартирах, монастырях) втрое превышала собственное население Ярославля. В госпиталях работали горожан-

ки и монахини. На содержании медучреждений шли средства от спектаклей. В Ярославль перевезли наиболее ценное имущество московских и смоленских монастырей.

Первой задачей ополченцев стала охрана подступов к Москве. Затем ополченцы защищали дорогу от Москвы к Санкт-Петербургу и у Смоленска присоединились к регулярным военным частям. Вместе с регулярной армией Ярославское ополчение участвовало в боевых действиях против отступающих французов на территории Польши, Германии, Франции. Особенно отличились ярославские ополченцы во время осады Данцига (июнь – декабрь 1813 года) и при отражении атак неприятеля в крепости Ландау (17 января 1814 года). Военный историк XIX века – генерал А.И. Михайловский-Данилевский (адъютант М. И. Кутузова), давая оценку деятельности ополченцев под Данцигом писал: «Русские ополчения покрыли себя славой. На биваках, заливаемых водой, дружины не имели другого прикрытия от холода, кроме разорванных армяков. Почти без рубах и обуви, всякую ночь стояли они в траншеях, по колено в воде, всегда в ружье и в ежечасной готовности к смерти. Они несли службу на передовых постах с большей осторожностью, нежели люди новосформированных батальонов, а в траншейных оборонах и открытых действиях с неприятелем ни в чём не уступали старым солдатам».

Данциг русские взяли 21 декабря 1813 года. В январе войска Императора Александра I вступили в Париж. Война закончилась. Государь издал указ о демобилизации. В 1814 году Ярославские ополченцы, оставшиеся в живых, вернулись в губернию. Потери личного состава в рядах ополченцев составили 4–5 тысяч человек (40 %).

Сергей Иванович Кругликов служил в Ярославском ополчении урядником, а затем прапорщиком и поручиком. Прошёл весь путь с ополченцами до Парижа. Награждён медалями «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа».

Ещё одним участником Отечественной войны 1812 года был в нашей семье смоленский дворянин – граф И. Г. Чернышов-Кругликов Иван Гаврилович Кругликов (1787-1847) образование получил в Московском университете и с 1806 года служил в Государственной коллегии иностранных дел, затем с чином переводчика – в канцелярии малороссийского генерал-губернатора князя Лобанова-Ростовского. В 1819 году получил чин Титулярного советника. В первые дни войны он оставляет гражданскую службу и переходит в военную – в Московский гусарский полк корнетом. (8.07.1812 г.) и отправляется в действующую армию адъютантом генерала от кавалерии Уварова, с которым участвует в целом ряде сражений:

26 августа – при Бородино; 28–29 августа – в арьергардных делах; 20–22 сентября – при Чирикове; 18 октября – при Тарутине; 12 – (24) октября – при Малоярославце; 22 октября (3 ноября) – при Вязьме; 5 ноября – при Красном.

Иван Гаврилович Кругликов принимал участие в заграничных походах 1813–1814 гг. За сражение при Люцерне он был награждён орденом Св. Анны 4-й ст. Был в боях при Бауцене, Пирне, в Дрезденском деле, при Кульме. Тогда каждый второй из русских воинов был убит или ранен. За бои при Кульме он получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом и знак отличия прусского ордена «Железного креста». За участие в Лейпцигском сражении Ивану Гавриловичу была вручена Золотая сабля «За храбрость» и он был принят адъютантом к генералу-адъютанту графу Ожаровскому. Участвовал 1 октября 1813 года в сражении под Бутельштетом и 28 ноября произведён в поручики.

Во Франции был в делах под Форшампенуазом, награждён орденом Св. Анны 3-й ст. и прусским орденом «За достоинство». 20 января 1814 года под Бриеном и 21 января – под Тине. И, наконец, 10-11 февраля – под Сампю, при взятии Парижа.

10 мая 1814 года, перешёл в адъютанты к генералу – графу Васильчикову и при нём состоял до 1817 года. В 1819 году Иван Гаврилович произведён в полковники. В 1826 году вышел в отставку с чином Действительного статского советника и был назначен шталмейстером и присутствующим в придворной конюшенной конторе. Летом 1829 года он женился на графине Софье Григорьевне Чернышовой, сестре декабриста, лишённого прав и сосланного в Сибирь, вследствие чего по Высочайшему повелению 14 января 1832 года Ивану Гавриловичу был передан Чернышовский майорат и фамилия графов Чернышовых. С 1835 года граф И.Г. Чернышов-Кругликов, выйдя в отставку в чине Тайного советника, жил с семьёй за границей. Они были дружны с Пушкиным, Гоголем, Одоевским, Тургеневым, Жуковским.

Скончались Иван Гаврилович и его жена в 1847 году.

Из Всемиловейшего Манифеста об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества от 3 ноября 1812 года:

«Знаменитое Дворянство не пощадило ничего к умножению Государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ – мещанство и крестьяне – показали также опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны...»

С.А. Санеев (г. Новороссийск)

Премьер-министр Франции в истории Новороссийска

Этим человеком был герцог Арман Эммануэль Софи Септинма дю Плесси дюк Ришелье, дальний родственник знаменитого кардинала Ришелье. Рождённый в Париже 14 сентября 1766 года, ровно за 35 лет до рождения Николая Николаевича Раевского, он в 1789 году был вынужден бежать из Франции от революции в Россию. Здесь он поступил в русскую армию, участвовал в штурме Измаила в 1790 году. В следующем году был удостоен чина полковника, в 1797-м году – генерал-майора.

В 1803 году был назначен градоначальником г. Одессы, а в 1805 году – генерал-губернатором Новороссийского края, куда входили Черноморское побережье России, Крым и Кубань. И вошёл в историю России как Эммануэль Осипович Ришелье или просто дюк Ришелье [1].

15 июня 1809 года русская эскадра под командованием капитан-лейтенанта Перхурова в составе линейных кораблей «Варахаил» и «Победа», фрегатов «Лилия» и «Назарет», бомбардирского судна «Евламий», военного 26-пушечного транспорта и требоки с десантом в 1170 человек заняла крепость Анапу до подхода сухопутных войск под командованием генерал-майора Панчулидзева. Сдав крепость пехоте, 23 июня корабли ушли в Севастополь. Но взятие крепости Суджук-кале было отложено на следующий 1810 год.

После штурма Анапы корабли Черноморского флота стали посылаться в крейсерство к Кавказским берегам. 5 июня 1810 года отряд из двух судов под командованием капитан-лейтенанта Свинкина обстрелял черкесские укрепления в Геленджикской бухте. Через месяц, 2 июля Свинкин на корвете «Крым» обстрелял крепость Суджук-кале, 4 июля – вновь Геленджик. А 11 июля русская эскадра взяла турецкую крепость Сухум-кале [2].

После этого, турки в августе того же года усиливают гарнизон крепости Суджук-Кале артиллерией и боеприпасами. По некоторым сведениям гарнизон крепости на тот момент составляли черкесы [3].

В 1810 году Дюк Ришелье так и не смог выделить войска для занятия Суджук-кале; 18 июня он сообщил А.П. Тормасову: «*Как теперь*

в Анапе и прочих местах по кубанской границе находится войска весьма недостаточно для сей экспедиции, то до получения еще Вашего отношения представил военному министру ВЫСОЧАЙШЕМ ПОЗВОЛЕНИИ употребить те войска, которыя расположены в Крыму для обороны берегов Чернаго моря, по прекращении опасности в сентябре или октябре месяце; по получении же на сие разрешения о том, не медлю донести к Вашему Высочеству с означением времени, в которое именно войска наши вступят в их пределы и часть оных обратиться к Суджук-кале...» [4].

Только к декабрю были собраны необходимые войска. Из Анапы выступал отряд под командованием полковника А.Я. Рудзевича в составе 22-го егерского полка и черноморских казаков, со стороны Копыла – черноморские казаки под командованием атамана Ф.Я. Бурсака. А из Севастополя вышел отряд из трех фрегатов «Воин», «Лилия», «Иоанн Златоуст» и двух бригав («Алексей» и «Царь Константин») под командованием капитан-лейтенанта К.Д. Сальти с десантом 600 человек [5].

16 декабря атаман Ф.Я. Бурсак с отрядом направился от Копыла на Суджук-кале. Достигнув р. Адагума отряд простоял до 26 декабря. 27 декабря «*значительные владельцы натухаевского племени*» явились к атаману Ф.Я. Бурсаку с мирными предложениями и приняли присягу на верность русскому правительству, согласились довольствовать лошадей отряда фуражем [6].

Результаты похода отряд под командованием А.Я. Рудзевича на Суджук-кале в разных источниках трактуются по-разному. В «Хронологии кубанского казачества» говорится, что отряд полковника Рудзевича отказался от штурма крепости Суджук-кале и возвратился в Анапу.

Историк Кубанского казачьего войска И.Д. Попка разделял другую позицию: «Победоносный 22-й егерский полк под командованием полковника Рудзевича с частью черноморских казаков 20 декабря покорил крепость Суджук-кале и истребил все аулы горцев, вокруг оной рассыпанные» [7]. Ясно одно, что крепость Суджук-кале сдавалась отряду А.Я. Рудзевича до прибытия флотского отряда под командованием К.Д. Сальти. Моряки, оставив при крепости один бриг, ушел в Севастополь [8].

Но и полковник А.Я. Рудзевич не оставил гарнизон в крепости, потому что судно с хлебом, предназначенное для Суджук-кале, было разбито бурей у Анапы [9]. В ознаменование «*отличнаго мужества и храбрости, оказанных при покорении Суджук-Кале и Анапы*» Александр Яковлевич Рудзевич 8 февраля 1811 года произведен в генерал-майоры, а 6 июля 1811 года был награжден орденом Св.Георгия 3-го класса за № 219 [10].

Крепость Суджук-кале стала числиться в документах как покорённая русскими войсками. Так, 14 марта 1811 года градоначальник г. Феодосии статский советник С.М. Броневской в письме № 82 сообщал управляющему Кавказским и Закавказским краем генералу А.П. Тормасову: «...что земли находятся теперь в Российском владении посредством крепостей Анапа, Суджук-кале, Сухум-кале, Анаклия, которые будут заняты российскими гарнизонами и, охраняемые Черноморскими крейсерами, составят военную прибрежную линию от устья реки Кубани до реки Ингура...» [11].

Поэтому весной 1811 года Дюку Ришелье всё же пришлось занимать крепость Суджук-кале. Основным источником по этому вопросу долгое время являлся труд профессора В.К. Надлера «Дюк де Ришелье на Кавказе. Основание Новороссийска», изданный в Одессе в 1893 году. Как выяснилось позднее, профессор писал свою книгу на основе воспоминаний графа де Рошешуара, бывшего адъютантом Дюка Ришелье в этой экспедиции.

В Анапе Дюк Ришелье сформировал отряд, из Полтавского пехотного полка и черноморских казаков, в шесть тысяч человек, который сам и возглавил. Разведку крепости Суджук-кале не производили, боясь насторожить её гарнизон. Вечером выступили из Анапы с тем что бы рано утром быть у Суджук-кале. Солдаты двигались налегке, лишь с двухдневной порцией сухарей. Шли без привалов и на рассвете появились у Суджук-кале. На рейде стояла эскадра, пришедшая из Севастополя. К разочарованию Дюка в крепости никого не было. После декабрьского штурма её никто не восстанавливал. Пришлось Ришелье направлять гонцов на эскадру, чтобы моряки не обстреляли сухопутный отряд. Эскадра ушла в Севастополь, а отряд приступил к ремонту крепости: укрепляли стены палисадами, вокруг них расчищали рвы, устраивали артиллерийские позиции, приводили в порядок жильё для гарнизона.

Так на месте будущего Новороссийска появилось первое русское поселение. Конечно, хочется сказать, что над крепостью взвился русский флаг. Но это не так. Крепости Суджук-Кале свой флаг не полагался, государственного российского флага у отряда не было. Но было знамя Полтавского полка, которое могло осенять русские войска в Суджук-кале во время ремонтных работ в крепости.

После приведения крепости в боевое состояние в ней оставили гарнизон и отряд собрался возвращаться. Но тут подъехали два черкесских князя и посоветовали совершить экспедицию и разорить аул «сильного вождя, подготавливающего сейчас вместе с другими вождями набег на владение запорожских казаков». Этот эпизод у Рошешуара описан на много подробнее, чем занятие крепости [12].

Что Суджук-кале была занята в 1811 году, подтверждает и английский шпион Джеймс Белль в своих мемуарах, изданных в Великобритании в 1840 году: «Суджук-Кале был первоначально небольшой по размерам крепостью, построенной более ста пятидесяти лет назад местным вождем по имени Герч Арслан-Бей, имя которого многие люди некогда видели начертанным на стенах этого укрепленного городка... пока в 1791 году генерал Гудович силой не захватил этот край с помощью значительных русских войск. Дважды он был отброшен после смертельных столкновений, в третьей попытке ему удалось овладеть Суджук-Кале, который русский генерал нашел полностью разрушенным, так как сами черкесы взорвали стены при приближении врага - обстоятельство, не забытое черкесами; так как многие из них были убиты из-за поспешности и неосведомленности, с коими производился этот взрыв. С тех пор город оставался в этом состоянии полного разорения до сентября 1811 года, когда маршал де Ришелье с большим отрядом русских войск вновь оккупировал край и тоже сумел дойти до Суджук-Кале, а именно до его местоположения, где он построил форт, еще сохраняющиеся руины которого я ранее описал. Он оставил там гарнизон, оказавшийся где-то в течение года блокированным черкесами; этот гарнизон был затем выведен, а форт полностью снесен...». (Написано до 1840 года) [13].

В октябре 1811 года в Бухаресте начались мирные переговоры между Россией и Турцией. Российскую делегацию возглавлял М.И. Кутузов, который получил Высочайшие указания: «... Что же касается до границ в Азии, то Его Величество имеет в предмете оставить за собой Анапу, Сухум-кале, Суджук-кале и Потю и все приобретенные крепости, города, области и земли, которые ныне под властью России находятся, полагая то еще слабым возмездием за пожертвования, сделанные нами Порте уступкой обеих Валахий и части Молдавии, отступая также от требования денежной замены...» [14].

Несмотря на это пожелание императора, Михаил Илларионович всё же был вынужден пойти на уступке Турции и 16 мая 1812 года, за 39 дней до начала войны с Наполеоном, заключил с Турцией Бухарестский мирный договор, в котором статья VI оговаривала границы в Азии: «Статья VI. Кроме границы реки Прута, границы со стороны Азии и других мест восстанавливаются совершенно так, как оные были прежде до войны и как постановлено в третьей статье предварительных пунктов. Вследствие чего Российский Императорский Двор отдает и возвращает Порте Оттоманской в таком состоянии, в каком теперь находятся, крепости и замки внутри сей границы лежащие и

оружием завоеванные, купно с городами, местечками, селениями, жилищами и со всем тем, что сия земля в себе содержит...» [15].

То есть крепости Суджук-Кале и Анапа возвращались Турции, а их гарнизоны выводились в Россию. Пока не установлено, когда гарнизоны вывели из укреплений – до нападения Наполеона на Россию или после. Логика подсказывает, после, чтобы затянуть мирный процесс и не дать Турции возможность выступить на стороне Наполеона.

Так, вернув Турции Суджук-кале и Анапу, Россия добилась много большего – лишила врага одного союзника. Дюку Ришелье не довелось участвовать в боях с Наполеоном. На Одессу надвинулся более грозный враг – эпидемия чумы. И Ришелье пришлось принимать меры по установке карантинных пунктов, и чтобы чума не распространялась вглубь России. Впрочем, слухи о чуме в Одессе защитили город от захватчиков лучше всяких войск. Турки так и не выступили против России, а Наполеон не повернул свои войска на юг. Это позволило использовать Третью армию под командованием Чичагова против главных сил Наполеона [16].

В боях с Наполеоном принимали участие другие участники основания русской крепости Суджук-Кале. Адъютант дюка Ришелье граф де Рошешуар с конца 1812 г. и до середины 1814 г. состоял в качестве флигель-адъютанта при Верховном главнокомандующим Русской армии, которым был император Александр I.

Генерал А.Я. Рудзевич в начале 1812 года вместе со своим 22-м егерским полком был направлен в Дунайскую армию и участвовал в изгнании неприятеля от Березины до Немана. В 1813 году А.Я. Рудзевич стал командиром егерской бригады и отличился при осаде Торна, в сражении под Бауценом, под Лейпцигом и закончил войну штурмом Парижа. Был награжден многими русскими и иностранными орденами, в том числе 19 марта 1814 орденом Св. Георгия 2-го класса. (№ 69) за взятие Монмартрских высот в сражении при Париже [17].

Полтавский пехотный полк под командованием подполковника Ивана Тимофеевича Коншина и сменившего его 30 августа подполковника Никиты Фёдоровича Бобоедова во время Отечественной войны входил в состав 26-й пехотной дивизии (совершил с ней тяжёлое отступление от Волковыска к Смоленску) доблестно сражался при Салтановке, а 2 августа, находясь в отряде генерала Неверовского, участвовал в знаменитом отступлении к Красному под ударами многочисленной французской кавалерии. Во время сражения при Бородине Полтавский полк занимал батарею Раевского и героически отбил атаку Морана и Брусье, а после взятия её бригадой Бонами участвовал в атаке Ермолова и лихим ударом во фланг опрокинул неприятеля.

Полтавский полк участвовал в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном. С 23 января 1813 г. полк был в числе войск, блокировавших Модлин, а затем был назначен в армию Беннигсена и участвовал в битве под Лейпцигом, во время которой взял 11 орудий. С 12 декабря 1813 г. по 18 мая 1814 г. Полтавский полк участвовал в блокаде Гамбурга [18].

В 1814 году, после разгрома Наполеона, Дюк Ришелье вернулся во Францию. Император Франции Людовик XVIII по настоянию русского императора Александра I назначил его председателем Совета министров, то есть премьер-министром, и министром иностранных дел. При заключении Парижского договора Дюк Ришелье отстаивал интересы России, за что Александр I поддержал предложения Ришелье об облегчении участи Франции. В декабре 1818 году Дюк Ришелье оставил свои посты, но в отставке пробыл чуть больше года и в феврале 1820 года вновь возглавил правительство Франции. В декабре 1821 года он вновь вышел в отставку. А в следующем году Арман Эммануэль Софи Септинма дю Плесси дюк Ришелье умер [19].

Примечания

1. Русский биографический словарь. СПб., 1910. С. 253.
2. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 г. по 1856 г. СПб., 1871. С. 34, 35.
3. Хронология кубанского казачества // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. XVI. С. 87.
4. Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 887.
5. Хронология кубанского казачества. С. 87; Чернышев А. Великие сражения русского парусного флота // <http://lib.rus.ec/b/292028/read>. (11 мая 2012 года).
6. Хронология кубанского казачества. С. 87.
7. Там же; Материалы по истории Кубанского казачьего войска, доставленные П.П. Короленко из архива историка И.Д. Попки // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. XIII. С. 56.
8. Чернышев А. Указ. соч.
9. Хронология кубанского казачества. С. 88.
10. Александр Яковлевич Рудзевич (1775 – 1829), генерал от инфантерии. Биография. // <http://cadetsfund.org/starshyy-kadet/548-rudzevich-aj>. (10 мая 2012 года).
11. Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 402.
12. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-820/Rosheshuar/frameset.htm>. (12 мая 2012 года).

13. Белль Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 1. Нальчик. 2007. С. 204, 205.

14. М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1951. Т. III. С. 716.

15. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. Ст. № 25110. С. 318.

16. «Чума в Одессе» <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1345551>. (23 мая 2012 года).

17. Александр Яковлевич Рудзевич (1775 – 1829), генерал от инфантерии. Биография.// <http://cadetsfund.org/starshyy-kadet/548-rudzevich-aj>, обращение 10 мая 2012 года

18. Лейбштандарт // <http://iphone.antikvariat.ru/military/2832/39332/>, обращение 18 мая 2012 года

19. Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. М., 1955. Т. 36. С. 507.

Традиции служения России в исторических судьбах русской и северокавказской служилой элиты

Ш. М. Батчаев (г. Карачаевск)

Представители аристократии Карачая на службе Российской империи

Одним из важнейших последствий интеграции Карачая в имперское пространство России стало формирование светской интеллигенции, которая, несмотря на свою немногочисленность, к периоду революции играла ведущую роль в горском обществе. Особенно активно же проявила себя в годы революции, Гражданской войны и первого советского десятилетия (1917–1930).

К числу наиболее ярких представителей дореволюционной интеллигенции Карачая относится один из первых горцев Верхней Кубани, получивших высшее образование, – юрист Бек-Мырза Хаджи-Мырзаевич Крым-Шамхалов. Бек-Мырза Крым-Шамхалов родился 1 мая 1879 г. в семье, принадлежащей по своему происхождению к высшей горской аристократии. Отец его – Хаджи-Мырза Бийнегерович (1827–1890) первым из карачаевцев получил образование в кадетском корпусе (1843–1847), после чего более 30 лет прослужил в российской армии. Активно участвовал в Кавказской и Крымской войне (1853–1856). В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. командовал 6-й Карачаевской сотней Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка, участвовавшей в походе Марухского отряда русских войск в Абхазию и в освобождении ее от

турецких войск. За время службы был награжден орденами Св. Станислава III степени (13 сентября 1862 г.) и II степени (19 апреля 1865 г.), Св. Анны III степени с мечами и бантом (9 марта 1863 г.) и II степени с императорской короной (18 сентября 1871 г.); медалями: бронзовой «В память войны 1853–1856 гг.», серебряной «За покорение Западного Кавказа» (1865), крестом «За службу на Кавказе». Был произведен в чин прапорщика (14.08.1847), подпоручика, поручика (31.10.1854), штабс-ротмистра (до 1864), ротмистра (30.08.1870). В 1871 г. от казны получил участок в 850 десятин по р. Эльтаркач, к которому впоследствии было добавлено еще 100 десятин [1]. Мать Бек-Мырзы происходила из рода Султан-Гиреев, потомков крымских ханов, проживавших среди ногайцев, абазин и адыгов. Она воспитывала детей в полном соответствии с традициями кавказского адата и намыса, настоящими горцами – мужественными и стойкими, верными своему слову. Она стала заботливой матерью и для Ислама – сына Хаджи-Мырзы от первой жены (бесленевской княжны Коноковой, рано ушедшей из жизни).

Детские годы Бек-Мырзы пролетели быстро, и когда ему исполнилось восемь лет, отец решил отправить его и среднего сына Туугъана на учебу. К этому времени оба мальчика получили начальное образование на арабском языке [2]. Однако Хаджи-Мырза, сам когда-то первым пошедший по пути образования в Карачае и как никто понимавший его необходимость, хотел, чтобы сыновья овладели разносторонними знаниями.

Естественным выбором в этой ситуации стала Ставропольская мужская гимназия, которая с начала 1840-х гг. была главным центром подготовки горцев со средним образованием. Демократические традиции, получившие особенное развитие при директоре Я. Неверове в 1850-1860-е гг., прочность и разнообразие знаний, даваемых педагогами, близость к родным селениям и аулам за все это гимназия снискала славу одной из лучших на Кавказе, да и в России. Сотни горцев от Шапсугии до Аварии воспитывались на ее горском отделении, и внесли неоценимый вклад в развитие своих народов.

Среди них были и представители горцев Кубани: абазины Адиль-Герий Кячев и Шахар-бий Дударуков, адыги Хатажуко Шарданов и Умар Чапаров, ногайцы Магомет-Гирей Мансуров и Мусса Ахлов. Окончили гимназию или обучались в ней и несколько представителей Карачая: Ислам Дудов (Айсандыров), Ильяс Байрамуков, а также родственники Бек-Мырзы – его двоюродные братья – Ачахмат и Айттек, Ислам и Мырзакул Крым-Шамхаловы – все перечисленные нами

представители нарождающейся горской интеллигенции после окончания гимназии выбрали разный путь в жизни, но каждый занял достойное место в истории своего народа.

Приняв все это во внимание многие факты Хаджи-Мырза и выбрал достойное учебное заведение для сыновей. В течение лета вопрос о приеме Бек-Мырзы был решен и он был зачислен на горское отделение гимназии.

Более десяти лет мальчик провел в стенах Ставропольской гимназии, которая стала его вторым домом, особенно после смерти отца. Все заботы о братьях и сестрах тогда взял на себя старший сын Хаджи-Мырзы Ислам (1866-1920). Именно он настоял на том, чтобы Бек-Мырза продолжал образование в гимназии и впоследствии поступил в вуз.

Среди предметов, которые изучал юный горец, были русский язык с церковно-славянским и словесность, математика, математическая география, история, физика, немецкий язык, логика, география. Классическое направление гимназии проявлялось в изучении древних языков – латинского и греческого. Впоследствии знание латыни пригодится Бек-Мырзе при овладении премудростями юриспруденции, которая наполнена латинские терминами.

В годы учебы Бек-Мырза не входил в число отличников, а был «крепким середнячком», но не будем забывать, что многие воспитанники гимназии, проучившись некоторое время, отчислялись за неуспеваемость или плохое поведение. Горец же из Карачая не только успешно прошел основной курс обучения, но еще год пробыл на подготовительном отделении гимназии для поступления в университет. В его Аттестате зрелости, выданном ученым советом Ставропольской мужской гимназии 6 июня 1900 г., написано: «Бекмурзе Крымшамхалову, вероисповедания магометанского, сыну ротмистра-князя, обучавшемуся десять лет в Ставропольской гимназии и пробывшему один год в VIII классе, в том, что на основе наблюдений за все время обучения его в Ставропольской гимназии, поведение его было вообще отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных заданий достаточная, прилежание достаточное и любознательность достаточная» [3].

После получения среднего образования Бек-Мырза легко мог вернуться в родной Карачай и занять должность в местной администрации. Но он понимал, что народу крайне не хватает людей с высшим образованием, которые могли бы помочь простым горцам. И потому он принимает решение стать юристом. В качестве учебного заведения был выбран – Императорский Московский университет. Так как в то

время для поступления не требовалось сдавать экзамены, юный горец обратился со своим заявлением напрямую к ректору.

В течение месяца вопрос о принятии горца из Карачая в университет был решён положительно. В июле 1900 г. Бек-Мырза был зачислен на первый курс юридического факультета. Получив это радостное известие, он в течение лета встретился со всеми родственниками, уладил домашние дела, и в начале осени прибыл в Москву, где его ждала новая страница жизни.

Один из ведущих факультетов, существовавших с самого основания Московского университета – юридический славился своими преподавателями, которые давали студентам как фундаментальные теоретические знания, так и необходимые практические навыки.

Годы учебы стали для молодого горца поистине определяющими. Он жадно вслушивался в лекции знаменитых московских профессоров-правоведов, многие из которых вели не только преподавательскую деятельность, но и применяли свои знания на практике. Среди предметов, которые ему пришлось изучать, были: история римского права, догма римского права, государственное право, церковное право, история русского права, судебная медицина, полицейское право, статистика, политическая экономия, гражданское и торговое право, гражданское и торговое судопроизводство, энциклопедия права, история философии права, финансовое право. Наряду с лекциями Бек-Мырза участвовал в «установленных учебным планом практических занятиях» и «испытаниях по одному из новейших языков». Он много читает, как юридическую, так и общественно-политическую литературу, знакомится с воззрениями российских и зарубежных философов, обсуждает с преподавателями и сокурсниками различные теории и положения мыслителей прошлого и настоящего.

Большое значение для становления будущего юриста имела и та обстановка, в которой учился Бек-Мырза. Усугубление кризисных явлений в стране, рост общественного самосознания, политизация интеллигенции, назревание революционной ситуации – все это не могло оставить в стороне и этого – представителя наиболее активной части общества – студенчества. Он участвует в различных студенческих собраниях и организациях, где обсуждались вопросы социальной и политической жизни.

Годы, проведенные в Москве, стали для Бек-Мырзы и прекрасной возможностью для расширения своего кругозора, повышения культурного уровня. Он посещает музеи и художественные галереи, ходит в театр и оперу, знакомится с новинками прозы и поэзии. Ближко об-

щается и с представителями кавказского землячества – студентами и горцами, проживавшими в Москве.

Несмотря на длительную оторванность от Карачая, джигит не забывал о родине – писал письма семье и знакомым, а на каникулы всегда приезжал домой.

Четыре года учебы пролетели незаметно, и в мае 1904 г. он получил свидетельство об успешном окончании учебы с восьмью «зачтенными полугодиями», то есть успешно сданными сессиями [4]. В последний день 1904 года – 31 декабря Б.-М. Крым-Шамхалову был вручен диплом Императорского Московского университета. Он стал первым из представителей своего народа выпускником главного вуза страны, первым профессиональным юристом в Карачае [5].

Окончив университет, как и большинство сокурсников, по 2-му разряду, Бек-Мырза получил чин губернского секретаря, что соответствовало армейскому подпоручику. Бек-Мырза по распределению был направлен в столицу Российской империи – блистательный Санкт-Петербург, который был охвачен бурными событиями первой русской революции 1905 года. Именно там прошли последующие несколько лет его жизни – годы становления его как юриста-профессионала. Занимая должность помощника, а затем судебного следователя, он вел успешную борьбу с преступностью, получившей особенное распространение в российской столице в эпоху революционной бури 1905–1907 гг. Не случайно через три года после начала службы (1908 г.) он за успехи в работе, был произведен в следующий чин – коллежского секретаря [6].

В 1909 г. по распоряжению начальства Бек-Мырза был переведен на службу в г. Слупцы, где стал судебным следователем местного уездного суда [7]. Небольшой городок в Калишской губернии в Польше, которая тогда входила в состав Российской империи, стал местом жительства и службы Б.-М. Крым-Шамхалова на последующие шесть лет. Любопытно, что там же, в Польше. в Ломжинской губернии, в это время (с 1908 по 1911 гг.) служили в 24-м Симбирском пехотном полку его родственники – братья капитан Мырзакул и подпоручик Басханук Крым-Шамхаловы [8]. И хотя служба армейских офицеров и судебного следователя была скупа на свободные минуты, тем не менее, все трое пользовались любой возможностью для встреч.

В 1911 г. в жизни Бек-Мырзы произошёл ряд перемен. Со службы уходят его родственники – Мырзакул и Басханук Крым-Шамхаловы, а сам он принимает решение создать семью (имя его супруги, к сожалению, пока нам не известно). Тогда же он получил чин титулярного советника, что соответствовало армейскому капитану [9].

К началу первой мировой войны 1914–1918 гг. Бек-Мырза занимал должность судебного пристава по особо важным делам Калининского окружного суда [10]. Так как боевые действия развернулись на территории западных регионов Российской империи, он должен был покинуть Польшу. К сожалению, сегодня этот период жизни (с 1914 по 1922 гг.) Б.-М. Крым-Шамхалова остается «белым пятном». Известно лишь, что в 1916 г. он занимал должность административного судьи в Московском окружном суде, произведенный в чин надворного советника (подполковника). Ему чудом удалось выжить в эпоху войн и революций, гражданской войны, «военного коммунизма» и красного террора, голода и безработицы.

В начале 1922 г. он получает приглашение занять должность в судебных органах вновь образуемой Карачаево-Черкесской автономной области. Вскоре после создания ревкома КЧАО, 20 марта 1922 г. Бек-Мырза Крым-Шамхалов был назначен председателем советского народного суда автономии [11].

В течение небольшого периода во главе судебной власти региона, Б.-М. Крым-Шамхалов провел большую работу по организации органов юстиции в области, их кадровому обеспечению и становлению структур правосудия. Вскоре его избирают представителем области в губернский суд, членом Экономического совещания при облисполкоме [12]. Однако недолго пришлось Бек-Мырзе руководить советским народным судом области – слишком яркой фигурой он был, слишком «мозолил глаза». Все в нем было чуждым – и происхождение, и образование (выпускник Императорского университета), и дореволюционная профессия – следователь, работник судебных органов (а значит – «душитель свободы», «приспешник царских сатрапов»...) Именно подобными соображениями руководствовались недоброжелатели и строчили доносы во все инстанции, как на местах, так и в центре. Не случайно, Б.-М. Крым-Шамхалов был переведен на должность заместителя председателя по гражданским делам, а затем просто в члены суда [13]. К 1928 г. ретивые борцы за «классовую чистоту» добились полного вывода его из состава суда [14].

В создавшейся ситуации Бек-Мырза был вынужден перейти на работу юрисконсульта облисполкома Карачая. На новом месте он в полной мере проявил свои качества организатора и юриста-профессионала, решая многочисленные коллизии, связанные с многогранной деятельностью областной администрации.

Однако ему недолго пришлось работать в облисполкоме. Осенью 1928 г. кампания по «чистке» в Карачае развернулась с новой силой.

Одной из ее первых жертв стал Б.-М. Крым-Шамхалов. В списке лиц, подлежащих увольнению из облисполкома, его имя указано в числе первых, а причина увольнения сформулирована коротко и ясно – «как бывшего князя и помещика» [15].

Опытный юрист, не раз справлявшийся с самыми запутанными преступлениями, Бек-Мырза оказался беспомощен перед «революционной законностью». Пытаясь отстоять свое право на труд, он отправляет апелляцию в Северо-Кавказскую краевую рабоче-крестьянскую инспекцию, в ведении которой находились вопросы «чистки». Однако и там ему не удалось добиться восстановления в правах [16].

Рухнула последняя надежда на справедливость. Он понял, что ему уже никогда не дадут спокойно трудиться на благо родного Карачая... В создавшейся ситуации единственным выходом оставалось навсегда покинуть родные места. Он решает уехать в бывшую столицу империи носившую теперь имя вождя мирового пролетариата.

Приехав в Ленинград, Бек-Мырза обосновался в его пригороде Слуцке, носившем до революции имя Павловск [17]. Истосковавшийся по работе, трудился он в Слуцке так же, как и привык всегда, – ответственно и кропотливо. Постепенно все в жизни бывшего царского следователя и председателя суда горской автономии стабилизировалось. Бек-Мырза становится простым советским служащим, живущим скромно и тихо, как и все соседи рядом. Он вместе с женой воспитывает сына Бориса, пытается наладить быт.

Так, в череде событий один за другим прошли двенадцать лет... в июне 1941 г. вместе со всей большой страной с Бек-Мырза услышал известие о начале войны с коварным врагом, вместе со всеми переживал неудачи советских войск, верил, надеялся на победу Красной Армии.

Ошибки и самонадеянность советского руководства и военного командования привели к тому, что уже в сентябре 1941 г. фашистские войска блокировали город на Неве. Начались 900 дней блокады – два с половиной года трагедии и героизма жителей и защитников Ленинграда. В их числе был и Бек-Мырза Крым-Шамхалов. Но ему, как и сотням тысяч ленинградцев, не довелось узнать о прорыве блокады в 1944 г. и о победном мае 1945 г. Не выдержав голода, холода и лишения, Бек-Мырза в первую же блокадную зиму, в декабре 1941 г. скончался [18]. Место его захоронения так и осталось неизвестным. Скорее всего, его останки покоятся в одной из братских могил, которых много на кладбищах Санкт-Петербурга. Тогда же, в блокаду, в июне 1942 г. погиб и его сын Борис – 15-летний подросток, захороненный на печально известном Пискаревском кладбище [19].

Примечания

1. *Баразбиев М. И., Батчаев Ш. М.* Карачаевцы и балкарцы – офицеры российской армии. Рукопись.
2. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 4.
3. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Лл. 2-3
4. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 15.
5. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 18.
6. Весь Санкт-Петербург. Адрес-Календарь на 1909 г.. СПб., 1909. Стлб. 1205.
7. Список по чинам ведомства Министерства юстиции 1910 года (исправленный по 1 января). СПб. 1910. С. 793.
8. *Баразбиев М. И., Батчаев Ш. М.* Карачаевцы и балкарцы – офицеры российской армии. Рукопись.
9. Список по чинам ведомства министерства юстиции к 1 января 1913 г. СПб, 1913. С. 836
10. Вся Россия. Адрес-Календарь. на 1915 г. – СПб., 1916. Стлб. 1102.
11. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР). Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 6. Л. 1об.
12. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДП КЧР). Ф. П-45. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.
13. ГА КЧР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 17. Л. 64.
14. ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 18. Л. 59-60.
15. ГА КЧР. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.
16. Там же. Л. 32.
17. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 20.
18. <http://www.Vozvrashennye imena>.
19. Там же.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов (г. Махачкала)

Обретение эпонима: Хасан-Хусейн. Генеалогия кумыкского рода Гусейновых в контексте истории Кавказской войны

*Газан-хан при вступлении в 1300 г.
в Дамаск будто бы обратился
к жителям с вопросом: « Кто я?»
Они воскликнули:
«Царь Газан – сын Аргуна,
сына Абаги-хана, сына Хулагу-хана,
сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана».
Потом Газан-хан спросил:*

*«Кто отец Насира?».
Они ответили: «Альфи».
Газан-хан спросил:
«Кто был отцом Альфи?».
Все промолчали.
Всем стало ясно, что
царствование этого рода случайно,
а не по праву.*

*Рашид ад-Дин. Сборник летописей.
М.-Л., 1946. Т. 3. С. 184.*

У большинства тюркских народов в позднее средневековье наследственным, не подвергавшимся какому-либо сомнению правом на верховную власть обладали члены «золотого рода» Чингиз-хана. Он стал эпонимом (от *греч.* *ερονυμος* < *ερι* «после» + *ονυμα* «имя» [1]), давшим родовое имя своим потомкам. Не случайно, как отметил Рашид ад-Дин, один из Чингизидов, Газан-хан – правитель государства Хулагуидов в Иране и прилегающих областях, спрашивает о происхождении безродного, с этой точки зрения, мамлюкского султана Насир-ад-дина Мухаммеда (1299–1309), правившего до этого Сирией.

Чингизиды царствовали также на Северном Кавказе, а в Дагестане – вплоть до 1867 г. В 1396 г. прекращается первая династия правивших здесь кумыкских шамхалов, восходившая к Менгу-Тимуру (1265–1282), сыну Джучи, сына Чингиз-хана. В 1398 г. на смену ей приходит другая чингизидская династия, основателем которой был другой сын Джучи – Тука-Тимур. В 1867 г. она была низложена русской администрацией в Дагестане, получив от нее титул князей Тарковских [2].

Дети шамхалов от неравных браков не считались «принцами крови» и назывались чанка-беками. Даже имея право на долю из отцовского наследства и пользуясь теми же правами, что и уланбии («принцы крови»), они не могли претендовать на верховную шамхальскую власть, но при этом получали в управление зависимых селян, использовали их повинности и передавали свои права по наследству. Потомки же чанка-беков, рожденные от матерей – «бике» (княгинь), считались уже беками «чистой крови» и могли претендовать на шамхальский престол [3].

Автором этих строк при подготовке словарных статей для второго издания «Кумыкского энциклопедического словаря» были упомянуты по нисходящей линии на основе семейных преданий и отдельных документальных материалов следующие известные на сегодняшний день члены рода Гусейновых, эпонимом которого стало имя чанка-бека Хасан-Хусейна.

ГУСЕЙНОВ Абдулла-Гаджи (1814(?)–1920) – потомок основателя рода Гусейновых – шамхальского чанки (чанка-бека, кумыкск. бий-оьзден, досл. «князь-дворянин» при обращении) Хасан-Хусейна, ушедший в Засулакскую Кумыкию из-за шамхальских междоусобиц. Видный богослов, поддерживавший движение Шамиля и дважды побывавший в Мекке. Мухаджир в Турции, где в Стамбуле преподавал в медресе при мечети Айя-София, с которым продолжал поддерживать отношения и по возвращению в Россию. Стал основателем и главой торгового дома «Гусейнов и сыновья» с отделениями в г. Хасавюрте, сс. Эндирей, Костек и Аксай. Купец первой гильдии, располагавший в 1917 г. постоянным капиталом свыше 18 тыс. руб. В период Гражданской войны, несмотря на преклонный возраст, принимал активное участие в событиях, имевших место в с. Эндирей. Был собственником обширных, включая лесной массив Карагач, земельных владений в Хасавюртовском округе Терской области, в пределах которых возникли в дальнейшем несколько нынешних населенных пунктов. Его младший брат Мантай, основавший там же с. Мантай-отар (ныне Манти-хутор), владел и прилегавшей к нему частью лесного массива Карагач.

ГУСЕЙНОВ Хабибулла Абдуллаевич (1870(?)–1966) – старший сын Абдуллы-Гъажи Гусейнова от брака с Апий из рода сала-узденей Казбековых. Купец первой гильдии, занимавшийся заграничной (Иран, Австро-Венгрия, Германия) и оптовой торговлей в пределах России (Москва, Нижний Новгород, Царство Польское). Крупный земельный собственник, владения которого включали в числе прочих заречную часть нынешнего г. Хасавюрта и основанное немцами-арендаторами с. Ново-Романовское (Люксембург). Поддерживал партнерские, в т.ч. дружеские, отношения с известными азербайджанскими промышленниками Г.З. Тагиевым, А.И. Манташевым и композитором Узеиром Гаджибековым, связи с последним продолжались и в советское время. Преследовался в годы Советской власти, был вынужден неоднократно менять место жительства (Эндирей, Хасавюрт, Баку, Махачкала, Грозный), потерял на фронтах Великой Отечественной войны двух из четырех сыновей. Был лично знаком со многими духовными деятелями Дагестана 20-30-х гг. XX в. и, с возвращением в 1944 г. из Грозного, стал казначеем Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана в г. Буйнакске. В 1949 г. вместе с семьей сына Абдул-Кадыра переехал в г. Хасавюрт, где и скончался в 1966 г.

ГУСЕЙНОВ Абдул-Кадыр Хабибуллаевич (1914–1958) – торгово-хозяйственный работник, начавший с конца 20-х – начала 30-х гг.

XX в. свою трудовую деятельность в г. Баку для поддержания переехавшей сюда семьи и продолживший ее в г. Грозном. Как сын лишенца не получил полноценного образования. Был репрессирован и провел три года (1937–1940) за пределами ЧИАССР, занимаясь тяжелым физическим трудом на стройках народного хозяйства. Участник Великой Отечественной войны, в первой половине 1950-х гг. XX в. директор межрайонной базы «Дагпотребсоюза» в г. Хасавюрте.

Сам факт вступления Абдуллы-Гъажи в брак с первостепенной сала-узденкой Апий из рода Казбековых свидетельствует о соответствующем достаточно высоком его происхождении. Сала-уздени Засулакской Кумыкии, куда бежал Хасан-Хусейн, пользовались «поземельными правами наравне с князьями и чанками. Они были свободны от всяких повинностей» [4].

Семейно-брачные связи Гусейновых с Казбековыми продолжались и в советское время. Замужем за одним из них была дочь Абдуллы-Гъажи, за их сына Казбека, работавшего в довоенное время завучем Хасавюртовского педучилища, а затем после войны и просто завхозом, выдали дочь Хабибуллы от первого брака Зарафшан.

Долгое время реальность личности Хасан-Хусейна как основателя-эпонима рода Гусейновых оставалась неясной. Молодой, подающий большие надежды кумыкский востоковед Исмаил Ханмурзаев не упомянул его в следующем контексте одной из своих статей: «Этим временем [видимо, после 1823 г., когда Мухаммад ал-Яраги (1771-1838) приступил к проповеди тариката, а затем и газавата] датируется появление на территории Кумыкии проповедников суфизма на кшбандийско-халидийского толка... В основном, надо полагать, это касалось деятельности Ташава-хаджи и Умалат-шайха Костекского, а также *Гасан-Гусейна*, близкого друга Мухаммада ал-Яраги и имама Гази-Мухаммада» (в примечании со сноской на книгу Мухаммада Тахира «Три имама» (Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. С. 10, 11) он отмечает: «На данный момент неизвестно, из какого аула он был родом, в книге указана лишь его этническая принадлежность: «Этот Гасан-Гусейн был из ученых кумыков» [5].

Хасан-Хусейн занимал видное место при первом имаме Дагестана и Чечни Гази-Мухаммаде (1795 – 1832, имам с 1829 г.). Как указывал Мухаммад Тахир в главе десятой своей книги «Три имама», «он был оставлен Гази-Мухаммедом в Чечне в качестве заместителя. Гази-Мухаммед любил его. Шейх Мухаммед из Яраглы всегда также относился к нему с почтением и уважением» [6], что было вызвано, возможно, не только знаниями, но и известным происхождением Хасан-Хусейна.

Не исключено, что Хасан-Хусейн был как-то связан с другой, гораздо более известной, личностью из кумыков – прототипом героя повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831). Уммалат-беком Буйнакским – претендентом на кумыкский престол, руководителем кумыкского восстания 1819 года, позже также сподвижником Кази-Муллы, родственником и зятем Мехти-шаухала Тарковского. После убийства полковника Верховского бежал в Аварию, где по смерти Султан-Ахмат-Хана Аварского был провозглашен Ханом Аварским. Вновь поднял восстание и после поражения бежал в Турцию, вступил на службу турецкому султану, был в числе защитников Анапы, погиб в бою с русскими [7].

В другом сочинении Мухаммада Тахира – «Блеск дагестанских сабель» говорится о том, что «был с Гази Мухаммедом один ученый мухаджир из жителей равнины по имени Хасан Хусейн. Мухаммед Эфенди ал-Яраги любил его, приблизил к себе и поручал ему некоторые свои дела. Затем, когда возвратились из Чечни, его оставили там» [8]. В современном исследовании, вопреки вышеизложенному, уже ничего не говорится о взаимоотношениях Хасан Хусейна с шейхом Мухаммедом Эфенди ал-Яраги, его мусульманской образованности и о том месте, которое занял предок Гусейновых в Чечне. Сравните: «Вместе с Гази-Мухаммадом одно время находился мухаджир Хасан Хусейн. Он был с Гази-Мухаммадом и Мухаммадом Ярагским в чеченском походе, а когда они возвращались из Чечни, Хасан Хусейна оставили там» [9].

Известность Хасан Хусейна не только в качестве исламского ученого-алима, но и мухаджира подтверждает семейное предание о том, что он ушел в Засулакскую Кумыкию из-за шамхальских междоусобиц, оставив, как рассказывал мне мой дедушка Хабибулла, свою землю и воду («еринде-сувунда к'ююп»), т.е. все свои владения. Действительно, со времен нашего пророка Мухаммада мухаджиры «составили элиту мусульманской общины. В заслугу им ставилось то, что ради веры они порвали узы родства и, оставив дома и имущество, последовали за вероучителем. ...Из их числа вышли все претенденты на пост халифа» [10].

Действительно, 11 марта 1832 года Гази-Мухаммад в сопровождении шейха Мухаммада Ярагского двинулся в Чечню, которая вместе с Засулакской Кумыкией была охвачена восстанием. На следующий день он вступил на ее территорию. До этого после неудачной осады Гази Мухаммадом крепости Внезапной в июне 1831 года многим жителям кумыкского Эндирея пришлось покинуть свои дома и переехать

в горы – Салатавию и Аух. Затем, 24 июля 1831 года, с целью заставить колеблющуюся часть эндиреевцев уйти в горы Гази-Мухаммад сжигает большую часть Эндирея. Однако и дальнейшее продвижение в Ингушетию и Осетию оказывается неудачным. 24 июля 1832 года началось генеральное наступление Кавказского корпуса на Чечню, Ичкерия и Дагестан. Две колонны, одна под начальством самого Г.В. Розена, другая под управлением А.А. Вельяминова, сметали практически все на своем пути. В августе 1832 года русские войска восстанавливают свой контроль над Малой и Большой Чечней, 10 октября занимают Салатау, где укрывались беженцы из Эндирея. 29 октября войска вошли в Темир-Хан-Шуру, затем берут штурмом аварский аул Гимры, где погиб имам Гази-Мухаммад [11].

Нетрудно догадаться, что в результате военных действий бедствия чеченского и кумыкского населения были неисчислимы, ибо главным театром боевых столкновений, начиная с 1825 г., являлись – равнинная Чечня и Кумыкия. Показательно, что после неудачной осады Гази Мухаммадом крепости Внезапной и сожжения Эндирея его будущий знаменитый уроженец и наиб Шамиля «Ташав (Хаджи) со своими мюридами, не видя дальнейшей возможности проживания в родном селении по соображениям безопасности и непримиримым расхождениям во взглядах [надо полагать с Гази-Мухаммадом – Г.Л.Р.], покидает Эндирей» [12].

Еще более резко, но уже в 1848 году, после нападения отряда наиба Шамиля Кайирбека Буртунаевского на Эндирей, другой наиб Шамиля Идрис-эфенди, выходец из того же селения, «обрушился с критикой на методы борьбы мюридов с царскими войсками, от которых страдали не столько царские солдаты, защищенные крепостными стенами, сколько мирные кумыкские земледельцы». Осложнив тем самым свои дальнейшие взаимоотношения с Шамилем, он уходит от него и в феврале-марте 1859 года сдается царским властям [13].

Не исключено, что подобные сомнения испытывал и Хасан – Хусейн, но он гибнет в Чечне. Однако сведения об этом, приведённые у Мухаммада Тахира, весьма противоречивы. Так, в книге «Три имама» сообщается: «На помощь Гази-Мухаммеду явились в Ирганай и последователи его из Чечни и Кумыкской плоскости. Один из них сообщил ему, что Гасан-Гусейн убит ими за предательство русским...» [14]. Во второй – содержится более детальный рассказ: «Через некоторое время пришел из Чечни один человек и сообщил: «Хасан Хусейн *вернулся к русским* [выд. наше, ибо это означает, что он вначале пришел от русских, и находится в явном противоречии с тем, как

относились (см. выше) к нему Гази Мухаммад и Мухаммад Ярагский – Г. Г.-Р.] и вышел против нас с их оказией (так «назывались на Кавказе обыкновенно следования различного рода транспортов в сфере действия противника, а потому и под прикрытием войск, а также и регулярные сообщения между крепостями» [15]) и мы его убили» [16]. И вот как, совершенно в ином, исключительно в негативном смысле события, связанные со смертью Хасан Хусейна, передаются у Хаджи-Мурата Доного: «Через некоторое время пришла весть, что Хасан Хусейн перебежал к русским, вместе с ними выступил против горцев и был убит в сражении» [17].

Все это носит, в конечном счете, характер слухов. Показательны в этом смысле слова Гаджи Али, автора заметки «Сказание очевидца о Шамиле» (1873): «Народ рассказывает про него [о Гази-Мухаммеде] многое, но верить этим рассказам трудно, тем более, что я решился писать только то, что сам видел и слышал от людей достоверных» [18]. Это никак не подтверждается документальными источниками, ибо уход такого видного деятеля, сподвижника Мухаммада Ярагского и Гази-Мухаммада, как Хасан Хусейн – наместника Гази-Мухаммада в Чечне, не могла не остаться без внимания русских и местных источников, подобных вышеупомянутому.

Отметим и то, что Мухаммед Тахир составил основную часть своей арабоязычной книги «Блеск горских сабель в некоторых шамилевских битвах» между 1851–1856 гг., когда Шамиль назначил его своим секретарем (1850-1851), и главными источниками его сочинения служили устные рассказы самого Шамиля или приближенных его деятелей. Дополнения и детали вносились автором вплоть до его смерти (1882 г.). Затем сын Мухаммад-Тахира Хабибулла первоначально продолжал дополнять ее собранными им рассказами, заимствованиями из других сочинений и сложившимися к тому времени легендами и преданиями. А затем, пытаясь издать ее в 1904 г., сделал некоторые сокращения. Но и этот вариант цензура не разрешила опубликовать. Известные ее переводы на русский язык под вышеупомянутыми названиями (1926, 1941 и 1946 гг.) и соответственно – их переиздания 90-х гг. XX в. ощутимо отличаются друг от друга, снижая тем самым достоверность передаваемых в них фактов, в т.ч., по всей видимости, и в отношении Хасан-Хусейна.

Явно негативное к нему отношение, сложившееся ко времени создания книги, могло быть обусловлено усиливавшимися, как было показано в предшествующем изложении, разногласиями между кумыкской и иной частью элиты имамата, обострившимися в период

выборов наследника Гамзат-бека. Тогда основным конкурентом будущего имама Дагестана и Чечни Шамиля на выборах был выходец из кумыкского с. Эндирей Ташав-хаджи (1794/1798-1841/1843). Он мог находиться до этого в достаточно близких отношениях с Хасан Хусейном и в том же 1834 году, менее через два года после смерти Хасан Хусейна, на всеобщем съезде чеченского народа в селении Майртуп избирается лидером Чечни в качестве имама. Тем самым еще раз был подтвержден высочайший авторитет кумыкских военных и религиозных деятелей в Чечне того времени. Однако об этих противоречиях умалчивает такой тенденциозный, по мнению И. Ханмурзаева [19], источник, как хроника Мухаммада Тахира, которая сообщает, что Гази-Мухаммад якобы в свое время предрек, что Шамиль станет после него руководителем имамата.

Если бы Хасан Хусейн был предателем, то его потомство должно было быть на хорошем счету у русской администрации, но его сын Абдулла-Гъажи уходит в Турцию, где от голода умирает его жена-турчанка, похороненная, по семейному преданию, в Измире. И он становится мухаджиром, как и его отец.

Не случайно, связи Гусейновых с Чечней продолжались и в последующее, после смерти Хасан Хусейна, время. Возможно, именно его авторитетом был обусловлен их более тесный, взаимно родственный характер. Как отмечалось нами в материалах предшествующих Чтений, дед автора этих строк Хабибулла Гусейнов женился в 1910 г. вторым браком на дочери купца первой гильдии из Чечни Абубакара Мирзоева Вазипат. Абубакар был одним из сыновей Керим-хаджи Мирзоева, который арендовал у Терского казачьего войска единственные тогда Старые нефтяные промыслы города Грозного, которые затем перешли под контроль фирмы «Ахвердов и К». Причем первое доступное на сегодняшний день упоминание о представителях рода Мирзоевых имеет место еще в 1866 г., когда в составе комиссии для освобождения зависимых в Чечне, наряду с полковниками Вагапом Аду и Касымом Курумовым, майором Шеди Эльмурзаевым и муллой Байбулатом Аджиевым, называется кадий, видимо, всей Чечни Али Мирзоев. Имя последнего носил первый чеченский социал-демократ, сын Тарама Али Мирзоев, ушедший из семьи по идейным соображениям. Он скончался между Февральской и Октябрьской революциями.

Уже в советское время сын Хабибуллы Абдул-Кадыр сочетался браком с Сапият – дочерью Тарама, старшего брата Абубакара. Она вошла в историю Чечни: в 1944 г. стала единственным членом бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), открыто выступившим против депортации чеченцев и ингушей, за что была исключена из партии.

Женой Абубакара была Зару, происходившая из рода шейха Берсана, одного из легендарных распространителей ислама в Чечне, Тарама – дочь одного из шейхов ордена Накшбанди в Чечне – Солсахаджи Яндарова. Один из потомков Солсахаджи Яндарова – профессор Андарбек Дудаевич Яндаров, бабушкой по отцу которого была родная сестра Абубакара и Тарама Мирзоевых, был до безвременной своей кончины в прошлом году советником Совета Федерации. Он являлся единственным в советское время доктором философских наук – специалистом по суфийскому исламу, затем секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии, заведующим отделом востоковедения АН ЧРИ, министром образования в начале «горячих» 1990-х годов. При содействии Андарбека Яндарова автором этих строк (его заместителем в АН ЧРИ), была открыта в г. Грозном первая в России гимназия с углубленным изучением восточных языков (арабского и турецкого). Она была светской, в ней учились и русские дети.

Таким стало потомство Хасан Хусейна – наместника первого имама Гази-Мухаммада в Чечне, таковы связи его наследников с одними из лучших представителей ее духовной и экономической элиты.

Примечания

1. Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 590.
2. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Заметки к генеалогии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. - Владикавказ, 2010. Вып. II. С. 78, 79.
3. Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. С. 142-143.
4. Идрисов Ю., Джамбулатов Р. Структура и правовой статус кумыкского узденства // <http://www.kumukia.ru/author?q=1192>
5. Ханмурзаев И. Ташав-хаджи Эндиреевский: политический и религиозный деятель // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. С. 83.
6. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz...>
7. forum-eurasica.ru/index.php?/topic/...
8. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz...>
9. Доного Хаджи Мурад. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад. Махачкала 2007 // <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=255&rub...>
10. Ислам. Энциклопедический словарь. М. С. 177.
11. См.: Доного Хаджи Мурад. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад. Махачкала 2007 // <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=255&rub...>; Ханмурзаев И. Указ. раб. С.81-83; grandwar. kulichki. net /index.....
12. Ханмурзаев И. Указ. соч. С. 81.

13. Ханмурзаев И. Идрис-эффенди из Эндирея // <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=255&rub...>
14. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz...>
15. Бенкендорф К.К. Воспоминания о Кавказской летней экспедиции. 1845 // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz...>
16. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz...>
17. Доного Хаджи Мурад. Указ. соч. // <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=255&rub...>
18. [vostlit.info/Texts/Dokumenty/ka...](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/ka...)
19. См. Ханмурзаев И. Указ. соч. С.81.

А.В. Бабич, А.М. Галич (г. Краснодар)

Из послужных списков выпускников Ставропольского казачьего юнкерского училища генералов Э.А. Мистулова и Э.А. Нальгиева – славных представителей горской элиты Кавказа

Как известно, Ставропольское казачье юнкерское училище, действовавшее в период с 1870 по 1898 годы, занималось подготовкой офицерских кадров для Кубанского и Терского казачьих войск и за время своего существования подготовило 1028 офицеров [1].

Многие из преподавателей училища и его выпускников в будущем стали видными военачальниками и государственными деятелями. Показательным фактом было то, что в Ставропольском училище получали военное образование не только представители русской аристократии, т.е. преимущественно люди православного вероисповедания, но и мусульмане – представители горской элиты Кавказа, впоследствии не только проявившие высокие боевые качества, но и чудеса храбрости, героизма. Все они честно служили России и русскому Императору, покрыв свои имена неувядаемой славой. Среди них можно выделить Э.А. Мистулова, генерал-майора, командира 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, осетина по национальности, и командира 2-й бригады Кубанской сводной казачьей дивизии, генерал-майора Э.А. Нальгиева, сына ингушского народа. В настоящей статье представлены данные об этих замечательных людях, обнаруженные в архивном фонде «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска» (в послужные списки генералов, штаб и обер-офицеров, составленные в 1917 году).

Выбор персонажей обусловлен тем, что их объединили судьбоносные исторические события – русско-японская и Первая мировая войны, в которых они проявили беззаветное мужество и героизм. Кроме того, оба имели одинаковые чины, дослужились до генерал-майора Русской армии). Оба приняли смерть в грозном 1918 году.

Мистулов Эльмурза Асламбекович родился 16.09.1869, происходил из обер-офицерских детей станицы Черноярской Терского казачьего войска. Вероисповедания магометанского. Общее образование получил при доме родителей. В службу вступил 03.10.1885 в 1-й Сунженско-Владикавказский полк на правах по образованию 3-го разряда и зачислен в полковую учебную команду. 19.06.1886 успешно окончил курс в полковой команде и произведен в приказные; 01.08.1886 произведен в урядники; 10.08.1886 командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище, однако вступительный экзамен в училище не выдержал и 25.08.1886 вернулся в полк. 10.08.1887 Мистулов Э.А. вновь командирован в Ставропольское юнкерское училище; 01.10.1887 выдержал вступительный экзамен и был зачислен в младший класс училища; 24.07.1889 за отличную езду верхом был награжден серебряными призовыми часами; 03.08.1889 окончил училище по 1-му разряду и произведен в подхорунжие.

12.08.1889 зачислен в 1-й Волгский полк с прикомандированием к 1-му Сунженско-Владикавказскому полку для несения службы; 10.11.1889 откомандирован для несения службы в 1-й Волгский полк, куда и прибыл 02.12.1889.

25.01.1891 произведен в хорунжие со старшинством с 01.09.1889 с переводом в 1-й Горско-Моздокский полк; 28.03.1891 прикомандирован для несения службы к 1-му Волгскому полку; 04.08.1891 переведен в 1-й Волгский полк; 01.07.1894 произведен в сотники со старшинством с 01.09.1893; 16.09.1893 вступил в командование 2-й сотней; 11.10.1893 назначен кандидатом члена суда общества офицеров; 06.03.1895 сдал сотню; 07.09.1895 выбыл из членов суда общества офицеров и 13.09.1895 уволен в войско на льготу.

18.02.1899 вновь командирован в 1-й Волгский полк, куда и прибыл 28.02.1899; 18.01.1900 назначен исполняющим должность заведующего учебной командой; 20.06.1900 зачислен на службу в охранную стражу Китайско-Восточной железной дороги; 07.08.1900 назначен командиром 2-й (впоследствии 21-й) роты; 08.09.1900 за-

числен по Терскому казачьему войску; 08.09.1900 сдал должность и.д. заведующего учебной командой и 29.10.1900 утвержден в должности командира роты; 16.02.1901 охранная стража была переименована в Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи; 16.11.1901 сдал роту старшему в чине; 01.01.1902 пожалован серебряной медалью за поход в Китай 1900–1901 гг.; 13.01.1902 – принял 21-ю роту; 28.02.1902 сдал роту и оставлен младшим офицером.

19.04.1902 награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

22.04.1902 определен на службу в 1-й Волгский полк Терского казачьего войска, куда и прибыл 10.06.1902; 21.09.1902 командирован в распоряжение войскового начальства; 30.09.1902 прибыл к месту службы; 16.11.1902 прикомандирован ко 2-му Горско-Моздокскому полку; 01.06.1903 произведен в подбесаулы со старшинством с 06.05.1900; 28.07.1903 откомандирован от 2-го Горско-Моздокского полка; 21.04.1904 переведен в Терско-Кубанский конный полк. 21.05.1904 командирован вместе с полком на театр военных действий; 23.06.1904 перешел границу Маньчжурии и 01.07.1904 прибыл в г. Ляоян; 27.08.1904 назначен временно командующим 1-й сотней; 08.09.1904 сдал временное командование сотней.

18.09.1904 за отличие, оказанное во время боя у ст. Лягоулина 18 и 19 июля, награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; 20.12.1904 «за отличие в разъезде 12 декабря 1904 г.» награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом; 09.01.1905 «за разновременные отличия в делах против японцев» награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами; 01.04.1905 «за разновременные отличия в делах против неприятеля» награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью за храбрость; 27.04.1905 «за мужество и храбрость, оказанные в делах с неприятелем с 19 марта по 1 апреля 1905 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

С 11.06. по 15.06.1905 временно командовал 5-й сотней.

03.09.1905 г. «за отличие, оказанное в бою 13 августа 1904 г. на Анпинском перевале» награжден чином есаула; 01.10.1905 назначен командиром 4-й сотни. 26.10.1905 «за разновременные отличия в делах против японцев» награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость».

01.10.1905, после ратификации мирного договора с Японией, армия переведена на мирное положение и 26.12.1905 года Мистулов Э.А., в составе полка, командирован в Терскую область.

04.02.1906 прибыл с полком во Владикавказ.

21.01.1906 награжден светло-бронзовой медалью с бантом русско-японской войны.

27.04.1906 переведен на службу в Волгский полк Терского казачьего войска; 01.06.1906 исключен из списков полка; 02.06.1906 зачислен в списки полка и числился в распоряжении атамана Пятигорского отдела; 02.10.1906 командирован на службу во 2-й Волгский полк, куда прибыл 06.10.1906 и был назначен командиром 2-й сотни; 23 октября принял эту должность.

С 06.07.1905 причислен к Александровскому комитету о раненых.

По всеподданнейшему докладу кавалерской думы ордена св. Георгия Государь Император (Николай II) всемилостивейше соизволил пожаловать 14.01.1907 орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени «за выдающийся подвиг мужества и храбрость, выказанный им 12 декабря у д. Бейдагоу, когда, узнав, что сотник Эдьдаров, налетевший на неприятельские окопы, занятые пехотной заставой до 30 человек, пал смертельно раненый, он, с 13 всадниками и ординарцами, бросился в атаку в конном строю, несмотря на бешенный огонь японцев, первый доскакал до окопов, лично зарубил несколько человек, остальных обратил в бегство и, будучи ранен дважды пулей и штыковым ударом в живот, до конца схватки оставался в строю и спас тело князя Эльдарова».

С 01.06. по 01.09.1907 командирован для лечения Кавказскими минеральными водами, откуда прибыл на две недели раньше срока (15.06.1907); 24.01.1908 по случаю прикомандирования к 1-му Горско-Моздокскому полку, сдал 2-ю сотню и 13.02.1907 прибыл в полк; 22.02.1908 назначен командиром 1-й сотни; 14.05.1908 переведен в 1-й Горско-Моздокский полк; 05.08.1909 переведен в 1-й Сунженско-Владикавказский Генерала Слепцова полк; 01.10.1909 сдал сотню и командирован к новому месту службы. Приказом по войску № 335 и 362 откомандирован в распоряжение атамана Сунженского отдела, куда прибыл 22.10.1909; 02.10.1909 назначен заведующим 6-м сотенным участком; 26.11.1909 произведен в войсковые старшины; 05.11.1910 сдал должность; 30.12.1910 переведен в 1-й Волгский полк, куда и прибыл 07.03.1911.

09.03.1911 назначен помощником командира полка по строевой части; 16.10.1912 переведен в 1-й Кизляро-Гребенской Генерала Ермолова полк и одновременно прикомандирован к 1-му Волгскому полку; 02.11.1912 выбыл к новому месту службы; 10.11.1912 перешел границу Персии; 14.11.1912 прибыл в полк и назначен помощником командира полка по строевой части.

12.12.1912 объявлено Высочайшее благоволение по случаю исполнившегося столетия Собственного Его Императорского Величества Конвоя. С 04.01. по 28.03.1913 Мистулов Э.А. исполнял должность помощника командира полка по хозяйственной части; 25.10.1913 назначен командующим льготным составом 2-го Сунженско-Владикавказского полка, куда и прибыл 26.12.1913.

06.05.1914 произведен в полковники «за отличие по службе»; 29.04.1914 последовало Высочайшее соизволение на отдание старшинства в чине войскового старшины с 01.09.1914; 06.08.1914, при всеобщей мобилизации 18 июля, командирован вместе с полком на театр военных действий – Австрийский фронт. 22.02.1915 «за отличия, оказанные в делах против неприятеля», награжден мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й степени. В высочайших приказах от 13.05; 21.05. и 23.09.1915 объявлено Высочайшее благоволение. 31.03.1916 назначен командиром 1-го Кавказского полка, куда и прибыл 24.05.1916; 26.05.1916 вступил в командование полком; 27.04.1916 даровано старшинство в настоящем чине с 06.05.1912.

20.12.1916 г. назначен командиром 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии; 09.03.1916 вступил в командование бригадой.

5 мая 1917 г. «за отличие в делах против неприятеля» награжден чином генерал-майора со старшинством с 28.06.1916.

13.09.1917 назначен командиром 1-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии. 21.10.1917 вступил в пределы Персии; 07.11.1917 принял командование 1-й бригадой.

Кроме упомянутых наград, Мистулов Э.А. имел Персидский орден «Льва и Солнца».

Холост.

В графе «бытность в походах и делах против неприятеля...» имеется следующая запись: «Был в походах и делах против китайцев в Манчжурии 1900–1901 гг. Против японцев 1904–1905 гг. 1904 г. 14 июля в рекогносцировке Послинского перевала в составе отряда генерал-майора Грекова, 18 и 19 июля бой у Лагоулина в составе 10-го армейского корпуса, 13 августа бой на Анпилинском перевале в составе 10-го армейского корпуса, а по 23 августа в составе 17-го армейского корпуса, с 23 сентября по 5 октября бой на реке Шахе в составе 5-го Сибирского армейского корпуса, с 26 декабря 1904 г. по 4 января 1905 г. набег на Инкоу в составе отряда генерал-адъютанта Мищенко, с 12 по 16 января бой у д. Сандепу в составе того же отряда; с 31 января по 4 февраля 1905 г. набег на Сяобехе в составе [отряда] генерал-лейтенанта Рененкампа; с 13 по 26 февраля бой под Мукденом в составе конного отряда генерал-майора Грекова, с 22

по 26 марта рекогносцировка у г. Цинзянтун, Чантафу и Цюэдошу в составе конного отряда генерал-адъютанта Мищенко; с 21 по 23 апреля рекогносцировка у д. Пообатун в составе того же отряда; 4-го июня бой у д.д. Хаутоль, Полинтун, Удзягоу, Ладязя и Чадымно в составе передового отряда генерал-майора князя Орбелиани; 11 и 14 июня и 30 июля с 1 по 22 августа рекогносцировка на д. Пообатун в составе того же отряда.

12 декабря 1904 г. при атаке японских окопов у д. Бейадагогу ранен ружейными пулями в живот.

Участвовал в корпусной полевой поездке 12-го армейского корпуса с 1911 года 23 июня по 1911 года 2-го июля.

В составе 1-й Терской льготной казачьей дивизии, командуя 2-м Сунженско-Владикавказским полком, находился в походах и делах против австрийцев, принимая участие во всех боях дивизии 27 августа 1914 года по 22 апреля 1916 года.

Контужен осколком шрапнельного снаряда в бою 27 января у г. Косова в наружной поверхности левого бедра... В бою 28 февраля у с. Грушка контужен шрапнельной пулей...

В бытность командиром 1-го Кавказского полка, полковник Мистулов участвовал в Мема-Хатунской и Эрзинджанской операциях с 25 июня по 16 июля 1916 года, принимал участие в боях 25, 27, 28 и 30 июня и 1-го, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 июля 1916 года» [2].

По сообщению Ф.И. Елисеева, после большевистского переворота Мистулов вернулся на Терек и поселился в родной станице Черноярской. Но не долго ему пришлось оставаться на покое. После ареста красными командующего Терскими войсками полковника Бочарова, Мистулов, в июле месяце, занял его должность. Более четырёх месяцев терские казаки и сочувствующие им горцы вели неравную борьбу с большевиками, занимавшими один за другим их города и станицы. Терской фронт таял. Наступили холода. Не имея связи с армией Деникина, начавшей в то время теснить отряды красных, Мистулов разочаровался в исходе борьбы и после очередного поражения, отойдя с отрядом в станицу Прохладную, 9 ноября 1918 г. застрелился.

Характеризуя Э.А. Мистулова на посту командира 1-го Кавказского полка, Ф.И. Елисеев, писал: «Спартанец и спортсмен – он прибыл к нам с единственным конным вестовым, казаком-осетинцем Батарбеком, при одной заводной лошади. Весь его командирский багаж помещался в обыкновенных казачьих сумах... Бессеребрянный в жизни, он был исключительной скромности человек... Полк буквально

переродился. Мистулов сразу же очаровал и заворожил казачью душу, да так, что она под его вихрь-водительством, с гордостью и улыбкой шла в атаку на очень стойкую турецкую пехоту, т.к. Мистулов бывал только впереди всех – фанатично храбрый, фатально спокойный, какими могут быть только высокоблагородные горцы Кавказа» [3].

О том, каким авторитетом пользовался в полку Мистулов, наглядно говорит случай, описанный Ф.И. Елисеевым в книге «Казаки на Кавказском фронте»: «В 5-й сотне с коновязи пропало восемь мешков ячменя. Сотенный командир есаул Авильцев сам принес рапорт об этом командиру полка и спросил, что делать. Надо признаться, что во всех полках каптенармусы сотен (старшие урядники) иногда позволяли себе негласно продавать на сторону экономическое зерно сотен. Поэтому-то они были всегда при кинжалах, оправленных в серебро, чего не имели не только казаки, но и строевые урядники.

– Вечером, перед уборкой лошадей, построить сотню на коновязи, – спокойно сказал Мистулов Авильцеву.

Сотня выстроена. Мистулов молча идет от правого фланга, доходит до середины строя, поворачивается лицом к казакам и громко выкрикивает:

– ... Вашу мать!.. Воры!.. Разбойники!.. Чтобы завтра же на этом месте лежало восемь мешков ячменя! – и пальцем указывает место для мешков.

Сказал, повернулся налево, и молча пошел вдоль строя сотни, не поздоровавшись и не попрощавшись с казаками.

На утро следующего дня есаул Авильцев явился к Мистулову и доложил, что восемь мешков ячменя лежат на старом месте... и как быть – производить ли дознание?

– Не надо, Владимир Николаевич, – отвечает Мистулов и улыбается. Вот оно обаяние личности и непререкаемого авторитета полковника Эльмурзы Мистулова!».

Рассказывая об этом случае, Ф.Елисеев добавляет: «Я впервые услышал из его уст грубую солдатскую ругань. Я даже обомлел от неожиданности. К тому же эта ругань так странно и неумело была произнесена им, что мне стало смешно. Вообще же он никогда не возмущался и не ругался, и только бледностью своего лица показывал, кто его близко знал, как он волнуется и переживает всякие неприятности в самом себе» [4].

С не меньшим восторгом о своем командире отзывались и сами терцы. Один из них сказал следующее: «Там, где нужна была примерная храбрость с отвагой офицера, чтобы устрашить противника и воодушевить свои войска, там, на коне, в белой папахе, появлялась высо-

кая стройная фигура Мистулова с озабоченным и умным лицом». Другой терец назвал его «заколдованным рыцарем». В мирной же обстановке, по отзыву его однополчанина и друга, Мистулов был «вежливый и приветливый в обращении со всеми. В каждом человеке он уважал личность и всегда щадил чужое самолюбие, но был спартански строг и требователен к самому себе. Он буквально не имел врагов и всюду являлся желанным гостем. Где бы не появлялся Эльмурза, на полковых ли, семейных ли вечеринках, приятельских ли пирушках или в частных домах, – он везде был украшением, всюду вносил мир, добро и веселие» [5].

Эльберт Асмарзиевич Налгиев родился 04.11.1863. Вероисповедания магометанского, происходил из казаков Терской области. Воспитывался во Владикавказском реальном училище, где окончил 6 классов.

15.07.1883 зачислен на службу в 1-й Сунженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска на правах по образованию 2 разряда.

23.08.1883 командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище для прохождения курса и 30.08.1883 зачислен в младший класс училища; 06.05.1884 произведен в урядники; 04.08.1885 «за окончанием курса наук по 1-му разряду» отчислен от училища и 10.08.1885, зачислен на службу в 1-й Сунженско-Владикавказский полк подхорунжим; 29.08.1886 произведен в хорунжие с переводом в 1-й Кизляро-Гребенской полк; 26.09.1886 отправлен в льготный состав полка куда и прибыл 28.09.1886.

30.11.1886 переведён из льготного состава в строевой состав того же полка; 12.05.1887 командирован в 1-й Кавказский военно-телеграфный парк для обучения обращению с телеграфными аппаратами; 21.07.1887 окончил курс обучения «очень хорошо» и прибыл полк; 08.06.1888 командирован в состав сборного полка Терского казачьего войска; 06.10.1888 принимал участие в Высочайшем смотре в сел. Тионетах и 03.11.1888 вернулся в полк; 01.05.1889 переведён в льготный состав полка; 13.06.1889 назначен исполняющим должность заведующего оружием во 2-м льготном Кизляро-Гребенском полку; 02.12.1889 утвержден в должности заведующего оружием.

14.10.1890 произведен в сотники на вакансию со старшинством с 01.09.1890; 12.11.1890 переведен в 1-й Сунженско-Владикавказский полк; 01.01.1891 сдал должность заведующего оружием; 04.01.1891

прибыл к месту прохождения службы; 06.03.1892 зачислен в строевой состав полка и 01.05.1892 прибыл в полк; 21.12.1893 назначен хозяином офицерского собрания в полку и делопроизводителем офицерского заемного капитала; 02.02.1895 назначен заведующим оружием в полку; 22.03.1895 утвержден в этой должности.

19.04.1895 командирован в г. Ораниенбаум в офицерскую стрелковую школу для ознакомления с обращением с 3-х линейными винтовками образца 1891 года. 29.05.1895 избран членом суда 1-го Сунженско-Владикавказского полка. 18.08.1896 «перечислен» из строевого в льготный состав полка; 30.08.1896 сдал должность заведующего оружием в полку; 17.09.1896 отправился по назначению. 29.05.1897 награжден темно-бронзовой медалью за труды по первой всеобщей переписи населения Российской Империи; 06.05.1899 «за отличие по службе» произведен в подъесаулы.

23.09.1899 переведён в строевой состав полка. 01.04.1900 прибыл в строевой состав полка и назначен командиром 6-й сотни; 01.04.1901 сдал должность командира 6-й сотни и назначен заведующим полковой учебной командой; с 26.04. по 13.05.1901 находился в командировке в г. Эривань, где принимал участие в специальной кавалерийской полевой поездке; 09.10.1901 сдал должность заведующего учебной командой и назначен командиром 4-й сотни.

Награжден Персидским орденом «Льва и Солнца» 3-й степени, «на принятие и ношение коего последовало Высочайшее соизволение» (приказ по казачьим и иррегулярным войскам № 6 от 24.01.1903).

С 15.06. по 25.07.1903 принимал участие в специально-кавалерийской поездке в окрестностях Худоерина Елисаветпольской губернии.

04.03.1904 «предназначен на должность командира сотни во вновь формируемый Терско-Кубанский конный полк»; 19.03.1904 сдал должность командира 4-й сотни и отправился в распоряжение Наказного Атамана Терского казачьего войска; 24.03.1904 назначен командиром сотни; 26.03.1904 переведен в Терско-Кубанский конный полк Кавказской конной бригады.

22.05.1904 командирован на театр военных действий на Дальний Восток; 23.06.1904 перешел границу Маньчжурии и 1 июля прибыл с полком в г. Ляоян. 22.06.1904, «за выслугу лет» произведен в есаулы со старшинством с 06.05.1900.

03.11.1904, «за оказанное отличие в бою под Ляояном с 13 по 22 августа 1904 года» награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; 05.11.1904, «За мужество и храбрость, оказанные во время рекогносцировки 17 октября 1904 г. у дер. Джентем»,

награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; 09.01.1905 «За отличие в делах против японцев», награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; 05.02.1905, «за отличия в войну с Японией», награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; 01.04.1905 «За отличие в делах против японцев», награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами; 27.04.1905 «За отличия в делах против японцев», награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. 01.09.1905, «за отличия против японцев», награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

28.12.1905, после ратификации 01.10.1905 г. мирного договора с Японией, заключенного в Портсмуте, командирован в составе полка в Россию.

21.01.1906 награжден «светло-бронзовой медалью в память Русско-Японской войны 1904–1905 гг.».

01.02.1906, «за отличия в делах против японцев», произведен в войсковые старшины со старшинством с 30.12.1904.

05.02.1906 прибыл в г. Владикавказ к месту расформирования полка.

27.04.1906 переведен на службу в 1-й Сунженско-Владикавказский Генерала Слепцова полк; 02.06.1906, «для несения службы впредь до возвращения 1-го Сунженско-Владикавказского Генерала Слепцова полка с Дальнего Востока прикомандирован ко 2-му Сунженско-Владикавказскому полку»; 02.06.1906 прибыл по назначению; 25.07.1906 «для несения службы» назначен во 2-й Сунженско-Владикавказский полк. 08.08.1906 командирован в г. Ставрополь Кавказский для командования тремя сотнями 2-го Горско-Моздокского полка, высланными в распоряжение Ставропольского губернатора; 16.08.1906 откомандирован к месту службы во 2-й Сунженско-Владикавказский полк, куда и прибыл 18.08.1906. 26.10.1906 переведен в 1-й Горско-Моздокский полк, куда прибыл 13.12.1906 и назначен помощником командира полка по строевой части.

12.11.1907 командирован в распоряжение войскового начальства для заведывания льготными казаками и неприкосновенными запасами 3-го Горско-Моздокского полка. 10.09.1908 назначен командиром 2-го Горско-Моздокского полка; 05.10.1908 вступил в командование полком; 22.09.1910 произведен в полковники с назначением командиром 1-го Полтавского Кошевого Атамана Сидора Белого полка Кубанского казачьего войска; 25.12.1910 вступил в командование полком.

С 01.08. по 09.09.1910 находился в специальном кавалерийском сборе под Тифлисом; с 09.09. по 25.09.1910 – в подвижном сборе;

11.12.1910 командирован вместе с полком в Персию и перешел границу; 14.12.1910 прибыл в состав экспедиционного отряда в Тавриз; 29.02.1912 вернулся вместе с полком из командировки; 11.07.1912 вторично командирован вместе с полком в Персию, перешел границу и 14.07.1912 прибыл в Маранд; 07.10.1912 командирован в Хой.

06.05.1913 награжден орденом Св. Владимира 3-й степени; 09.09.1913 получил право на ношение светло-бронзовой медали в память 300-летия Царствования Дома Романовых, о чем выдано свидетельство № 1807.

26.06.1915 назначен командующим второй бригадой Кубанской сводной казачьей дивизии; 26.07.1915 вступил в исполнение обязанностей командира второй бригады в Азербайджано-Ванском отряде.

29.07.1915 награжден Золотым Георгиевским оружием (приказ по дивизии № 39).

31.12.1915 выехал к месту штатного служения в Сводную Кубанскую казачью дивизию, куда прибыл 12.01.1916 и вступил в состав Экспедиционного корпуса в Персии; 03.02.1916 выехал в Хамадан для руководства действиями 3-го сводного Кубанского полка; 19.02.1916 назначен командующим 1-й бригадой 2-й Кавказской казачьей дивизии; 26.03.1916 выехал к месту прохождения службы.

В графе «бытность в походах и делах против неприятеля...» имеется следующая запись: «Участвовал в походах и делах против Японии 1904–1905 гг. Ранен ружейной пулей в область акромиального отростка правой лопатки 30 декабря 1904 г. у деревни Лясян. С 4 мая 1907 г. причислен к 3-му классу Александропольского комитета о раненых (свидетельство от 24 мая 1907 г. № 61802).

С 11 декабря 1911 г. по 29 февраля 1912 г. находился вместе с полком в составе экспедиционного отряда в Персии. 10 июля 1912 вторично командирован с полком в Персию.

Участвовал в войне России с Турцией с 16 октября 1914 года. 25 марта 1906 г. в числе депутации от Терско-Кубанского полка представлялся Государю Императору...

Участвовал в боях: 6 ноября 1914 г. – у селения Зери; 16 ноября 1914 г. – у селения Равян; 1 декабря – у селения Деер; с 16 по 18 февраля 1915 г. – у селения Чабонлы; с 15 по 16 апреля 1915 г. – у города Дильмана; с 3 по 5 мая – у селения Муханджик; с 17 по 30 сентября – у селений Сере и Сартык; с 1 по 16 ноября – у селения Вастан».

Нальгиев Э.А. был женат на дочери Банкена Ужахова, жителя сел. Базоркина, девице Лидии, имел сыновей: Кургока, род. 3 сентября 1893 г., Юлия, род. 11 сентября 1895 г., Сафар-Бека, род. 1 февраля

1900 г., Крым-Султана, род. 12 января 1909 г. и дочерей: Ольгу, род. 12 января 1898 г., Хадизета, род. 8 апреля 1903 г.

Жена и дети магометанского вероисповедания [6].

Известно, что впоследствии Э.М. Нальгиев получил чин генерал-майора и после революции 1917 г. вышел в отставку. В 1918 г. он скончался и был похоронен в с. Сурхоху Терской области, на родовом кладбище [7].

В заключении следует отметить, что Россия, которая как государственное образование всегда строилась на имперских принципах, не только включала в орбиту своего влияния неисчислимое множество наций и народностей, населявших ее необъятную территорию, но и давала реальную возможность каждому народу в лице своих представителей проявить многообразные таланты и привнести весомый вклад в созидание и защиту великой державы.

Примечания

1. Федосов П.С. Ставропольское казачье юнкерское училище (к 140-летию со дня открытия). // Ставропольский хронограф на 2010 год. Краевед. сб. Ставрополь, 2010. С. 177.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 991. Л. 401–409.
3. Елисеев Ф.И. Генерал Эльмурза Асламбекович Мистулов, командующий войсками Терского войска в 1918 г. (Ко дню трагической смерти. 1918–1953 г.г.) Нью-Йорк, 1953. С. 8.
4. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М. 2001. С. 248.
5. Елисеев Ф.И. Генерал Эльмурза Асламбекович Мистулов... С. 8.
6. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 991. Л. 467–475. об.
7. Генералы Русской армии // <http://rmb.ucoz.ru/forum/11-50-1>

Е.В. Брацун (г. Краснодар)

Участие офицеров-горцев Северного Кавказа в походах русской императорской армии в Персию 1909–1917 гг.

В 1909 – 1914 гг. русская императорская армия обеспечивала русское военное присутствие и русские интересы, защиту русскоподанных, и христиан в сопредельной с российским Кавказом Персией. В 1914–1917 гг. русский экспедиционный корпус генерала Н.Н. Баратова вёл борьбу с агентами германо-турецкого влияния в Персии и против регулярной турецкой армии на территории этой страны. Роль экспедиционных сил выполняли в основном казаки Кубанского и Терского казачьих войск. Боевые действия в 1909–1917 гг. в горах Персии очень напоминали отдельные боевые эпизоды времён Кавказской войны XIX столетия. Но важно подчеркнуть: в этих экспедициях русской армии принимали участие как офицеры из горской среды российского Кавказа, так и офицеры – выходцы из горских родов, которые к тому времени заметно «оказались». Интересно также отметить, что сам тип «окраинного» российского, кавказского человека, который был мостом между собственно русскими и горцами. Это видно на примере некоторых участников походов в Персию. Будучи горцами или имея кавказские корни, они правильно понимали, как нужно отстаивать интересы Великой России, как вести себя с местным населением разноплеменной Персии, когда применить силу, а когда «ласку». О таких офицерах и пойдёт речь.

Если говорить о степени изученности проблемы, то нужно указать следующие труды и источники. Работы непосредственных участников Персидских походов: Е.В. Масловского – «Русские отряды в Персии», уполномоченного союза земств Персидского фронта А.Г. Емельянова – «Персидский фронт 1915–1918 гг.», полковника Кубанского казачьего войска (ККВ) Ф.И. Елисеева – «Казаки на Кавказском фронте 1914–1917 гг.». Работы и статьи по данной теме современных историков: П.Н. Стрелянова (Калабухова) «Казаки в Персии 1909–1918», А.В. Шишова «Персидский фронт 1909 – 1918 незаслуженно забытые победы» и отдельные публикации В.И. Шкуро и П.Н. Стрелянова (Калабухова).

Одним из самых известных в Персии российских генералов был Афако Пациевич Фидаров (1859–1930). А.П. Фидаров происходил из осетинской мусульманской семьи. Участвовал в Русско-турецкой вой-

не 1877–1878 гг. и Русско-японской войне 1904–1905 гг. До своего назначения в Персию (1910) состоял инструктором Шахской казачьей бригады в Тегеране. Был хорошо знаком с местными условиями. Ещё в 1903 г. командирован в состав особого Джульфинского отряда на персидскую границу. В 1910–1911 гг. в Персии он начальник Казвинского, а затем Ардебильского отрядов. А.П. Фидаров запомнился в Персии такими фрагментами своей боевой биографии. Командуя Ардебильским отрядом, он был известен своей прямолинейностью с врагами России. Купца, который отказывался что-либо продавать или угрожал на базаре русским военным, немедленно арестовывали, его лавку конфисковывали с запретом заниматься торговлей. Нападавших на чинов экспедиционного отряда предавали военно-полевому суду. Если преступников не находили, то наказывался весь городской квартал, где было совершено вооруженное нападение. Такие кары приводились в исполнение без всяких на то колебаний, что быстро подействовало на «беспокойных» ардебильских жителей [1]. Громким эпизодом в боевой биографии А.П. Фидарова в Персии было взятие штурмом крепости Киранда 6–9 апреля 1912 г., откуда совершали свои нападения на русских купцов и военных шахсевенские разбойники. По накалу борьбы за эту горную крепость можно сравнить её штурм с батальями Кавказкой войны, такими как взятие Ахульго и Гуниба. Показательно, что генерал-майор А.П. Фидаров отправил телеграфное сообщение о взятии этой сильной крепости лично государю Николаю Александровичу, отдыхавшему тогда в Ливадии. В дальнейшем А.П. Фидаров командовал 1-й Туркестанской дивизией. Был расстрелян в Осетии в 1930 г. по приговору тройки ОГПУ.

Другим видным и ярким российским военачальником в Персии в этот период был генерал-от-кавалерии князь Николай Николаевич Баратов (1865 – 1932 гг.). Терский казак осетино-грузинского происхождения. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Когда осенью 1915 г. встал вопрос о назначении командира специально создаваемого экспедиционного корпуса, который должен был противодействовать в Персии германо-турецкому влиянию, предполагалось назначить «генерала популярного, и решительного, боевого и дипломата, знающего восток и кавалериста» [2]. Выбор пал на этого представителя горской аристократии. Во многом этот выбор главнокомандующего на Кавказе великого князя Николая Николаевича и генерала-от-инфантерии Н.Н. Юденича был очень удачен. Н.Н. Баратов являлся не только опытным штабным и боевым генералом, но также отличался своим знанием Кавказа и Востока, своей дипломатичнос-

тью и красноречием. Об этом говорят следующие эпизоды его боевой биографии в Персии. Когда в декабре 1915 г. русские войска приблизились к священному для персов мусульман городу Кум, Н.Н. Баратов приказал войскам в город не вступать. Вместо этого он сам отправился на переговоры со старейшинами города и попросил их помочь в размещении русского контингента так, чтобы это было удобно с религиозной точки зрения и не доставляло беспокойства местным жителям-мусульманам. Другой боевой эпизод показывает твёрдость этого кавказского генерала. Когда русские войска вступали в персидский город Казвин, в его окрестностях находилось много селений племени шахсевен. Н.Н. Баратов издал приказ, переведённый на персидский язык: «При следовании русских войск по узким городским улочкам казвинцам не выходить на крыши домов ввиду опасности быть расстрелянными – в случае, если из какого-либо дома будет произведен выстрел по войскам, то такой дом со всем находящимся в нем будет уничтожен артиллерийским выстрелом или «подземным взрывом». В заключение генерал Н.Н. Баратов выражал уверенность в том, что персидское население окажет русским войскам полное содействие «к скорейшему прекращению деятельности злонамеренных людей». В приказе отмечалось, что русские войска прибыли в Персию именно для этого [3].

В ноябре–декабре 1915 г. «Баратовский» корпус смог в короткий срок локализовать начинавшееся в Персии «брожение» прогермански и протурецки настроенного элемента и тем предотвратить вступление Персии в войну на стороне Турции и Германии. Зимой 1916 г. корпус Н.Н. Баратова смог отразить наступление турецких войск в районе турецко-персидской границы. Весной 1916 г. войска под его началом предприняли наступательную операцию в район Северного Ирака к городу Ханекен.

Н.Н. Баратов смог добиться нормального функционирования всех частей корпуса при скудном снабжении боеприпасами, в труднопроходимых горах и пустынях, при растянутых коммуникационных линиях, которые всё время находились под угрозой нападения разбойных племён курдов и шахсевен. На Кавказе войска под его водительством смогли продвинуться дальше всех на Юг и Восток, к границам Ирака, чего так боялись даже союзники России по Антанте.

Необходимо иметь в виду, что в 1917 г., когда происходило разложение старой армии и фронтов Первой мировой войны, Н.Н. Баратов был чрезвычайно популярным в Кавказских войсках даже среди революционно настроенных солдат. Можно предположить, что не будь

всех революционных смут 1917 г., после окончания Первой мировой войны Н.Н. Баратов мог бы стать новым наместником Государя на Кавказе, взамен умершего в 1916 г. графа И.И. Воронцова-Дашкова. В дальнейшем у выходца из грузино-осетинской военной аристократии и Георгиевского кавалера русской армии было участие в Белом движении. Умер талантливый генерал 22 марта 1932 г. в Париже, будучи председателем Союза русских военных инвалидов за рубежом.

Известным в ту пору офицером-кавказцем, принимавшим участие в «секретных» персидских экспедициях, был войсковой старшина Эльмурза Асламбекович Мистулов (1869–1918), происходивший из осетин мусульман. Этот доблестный офицер участвовал в Русско-китайской войне 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг., Первой мировой 1914–1918 гг. В Гражданской войне 1917–1923 гг. после неудачного восстания терского казачества в 1918 г. против власти большевиков застрелился, не желая сдаваться в плен. В русской императорской армии он дослужился до чина генерал-майора.

В экспедициях в Персию в 1909–1914 гг. Э.А. Мистулов был войсковым старшиной и помощником командира 1-го Кизляро-Гребенского Генерала Ермолова полка.

Этот офицер участвовал и отличился во всех больших и малых войнах. что вела Россия в начале XX века. Недаром на Кавказе говорили о нём: «Если вы хотите видеть действительно храброго человека, то поезжайте в станицу Черноярскую. Там живет терский казак-осетин Эльмурза Мистулов» [4].

Полковник Эльберд Эсмарзиевич Нальгиев (1863–1918) ингуш-мусульманин, казак Терской казачьего войска в русской императорской армии дослужился до чина генерал-майора. Во время «секретных» экспедиций в Персию имел чин полковника, командовал кубанским 1-м Полтавским атамана Сидора Белого полком. В Персии находился с декабря 1911 г. по 1913 г. Отличился тем, что в декабре 1911 г. со своим полком быстро явился на помощь русскому консульскому конвою, который был осаждён персидскими революционерами фидаями. Последние организовали выступления против центральной шахской власти и рускоподанных в крупном персидском городе Тавризе.

Затем 1-й Полтавский полк Э.Э. Нальгиева нес охранную службу в персидских городах Маранда и Хой. Здесь Э.Э. Нальгиев за свою службу был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени [5]. В дальнейшем он командовал 2-й Кавказской казачьей дивизией. В Первую мировую войну Э.Э. Нальгиев воевал на Кавказском и Персидском фронтах, где отличился, командуя различными полками, и соединениями русской Кавказской армии.

Николай Гаврилович Бабиев (1886–1920) – казачий офицер с осетинскими корнями. Начиная свою боевую карьеру во время «секретных» экспедиций в Персию в 1909–1917 гг. в 1-м Лабинском генерала Засса полку. Полк вёл охранную службу как в самой Персии и в русском приграничье, защищая дороги и купцов от воинственного племени шахсевен. Здесь Н.Г. Бабиев отличился при следующих обстоятельствах. 11 апреля 1912 г. телеграммой на имя Государя сообщалось, что «отряд капитана Масловского производил работу по исправлению карт и съёмку. Был обстрелян партиями шахсевен. После семичасового боя атакою взяты крепость и все позиции противника. Наши потери: хорунжий 1-го Лабинского генерала Засса полка Бабиев ранен в живот опасно для жизни, убиты 2 казака, ранены – 8» [6]. Речь идёт об отличии Н.Г. Бабиева при штурме и взятии крепости Киранда. Он с казаками-лабинцам одним из первых ворвался в крепость. За это хорунжий Н.Г. Бабиев получает высочайшее благоволение. В Персии он также был награждён орденами Св. Владимира 4-й степени и Святого Станислава 3-й степени, оба с мечами, и особую благодарность генерала А.П. Фидарова в приказе по Ардебильскому отряду [7]. Известно, что Н.Г. Бабиев имея кавказские корни, сам во всём подражал горцам. В отношении, например, Персии и Кавказа он, по воспоминаниям его друга полковника Ф.И. Елисеева, в годы Первой мировой войны высказывал такие интересные мысли: «Сюда, в занятые нами долины, должно переселить казаков на добровольных началах. Долины эти богаты. Курды народ хороший, воинственный. Мы их «оказачим». И из всех этих элементов образуется... Алашкертское казачье войско... Я первый переселюсь сюда с казаками, и мы образуем это новое войско» [8]. Н.Г. Бабиев дослужился до чина генерал-лейтенанта и погиб в 1920 г., в ходе Гражданской войны в России, воюя в Русской армии П.Н. Врангеля.

Видным офицером, прославившимся в Персии в годы Первой мировой войны был Лазарь Фёдорович Бичерахов (1882–1952) терский казак-осетин. Однако свой боевой путь он начинал в ходе «секретных» экспедиций в 1909–1914 гг. Он отличился во время боя близ города Хоя 4 ноября 1911 г. Тогда 20 казаков 1-го Горско-Моздокского полка завязали бой с сотней курдов. В этом бою сотник Л.Ф. Бичерахов был ранен трижды, в обе ноги и в грудь навывлет пульей. За этот бой Л.Ф. Бичерахов был награждён орденом С. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Однако при полученных ранениях его признали инвалидом, и он вышел в отставку. С началом Первой мировой войны сотник Л.Ф. Бичерахов подал высочайший рапорт о возвраще-

нии на службу и был вновь принят в строй. В 1915 г. он вновь получает назначение в Персию в экспедиционный корпус генерала Н.Н. Баратова. Здесь он получил назначение по своему почину: «Куда-нибудь подальше от штабов и поближе к врагу» [9]. В 1916–1917 Л.Ф. Бичерахов прославился в Персии действиями своего партизанского отряда, набранного из казаков терцев и кубанцев. По воспоминаниям уполномоченного союза земств и городов на Персидском фронте А.Г. Емельянова, Л.Ф. Бичерахов любил повторять такие слова: «Эх, хватить бы турок, немцев, чёрта – дивизией, корпусом в обхват, а ещё лучше бы армией» [10]. Тот же А.Г. Емельянов так писал о отношении Л.Ф. Бичерахова к войне: «Любит Бичерахов войну, пороховой дым, канонаду пушек. Любит скакать карьером и приказывать. Под свист пуль бросается в атаку во главе партизан своих. Раненый-перераненый. Ходит с палкой. Да и как только на коне сидит?» [11]. Широко были известны боевые дела Л.Ф. Бичерахова в районе Кума, Катана, Исфахана, Рабат-Керима, Султан-Абада. Осенью 1917 г. партизанский отряд войскового старшины Л.Ф. Бичерахова соединился и воевал в Месопотамии, у города Кара-Тепэ вместе с британской армией генерала Маршалла против германо-турок. Сражался отряд Л.Ф. Бичерахова и после заключения Брестского мира, командир отряда прямо заявил, что не признает этого мира и продолжает войну. Отряд Л.Ф. Бичерахова просуществовал в Персии до 1919 г. Умер Л.Ф. Бичерахов в эмиграции Германии в 1952 г. Его могила в Дорнштадте под Ульмом сохранилась до наших дней.

Известным горским офицером в Персии в 1914–1917 гг. был Кучук Касполетович Улагай (1893 – 1953 гг.) Он происходил из натахайских дворян (узденей-тлякотлеш), сын статского советника Кубанской области. Окончил Екатеринодарское реальное училище, Елизаветградское кавалерийское училище в 1913 г. В чине корнета зачислен в 18-й драгунский Северский король Датского Христиана IX полк [12]. В этом полку К.К. Улагай служил в годы Первой мировой войны на Юго-Западном, Кавказском и Персидском фронтах. Полк входил в состав Кавказскую кавалерийскую дивизию. В составе конного отряда генерала Шарпантье в мае и июне 1915 г. 18-й драгунский Северский полк совершил конный рейд в Персию протяжённостью в 800 вёрст, вокруг озера Урмия. Целью его рейда было удерживать от враждебных действий курдские племена персидского приграничья. Также полк в составе дивизии отличился в феврале 1916 г. при взятии крупных Персидских городов Керманшах и Сенне, которые тогда были заняты германо-турецкими и курдскими отрядами. Были взяты крупные военные трофеи. Поручик К.К. Улагай, бывший в полку ко-

мандиром 3-го взвода 5-го эскадрона, награжден за боевые дела в Персии и на Кавказе орденами Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Станислава 3-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [13]. В дальнейшем он участвовал в Белом движении и умер в эмиграции в Чили в 1953 г.

Таким образом, в так называемых «секретных» экспедициях русской императорской армии в Персию в 1909–1917 гг. принимало участие немалое число генералов и офицеров, как собственно кавказцев, так и выходцев из кавказкой среды. Здесь мы коснулись вопросов участия только самых известных и отличившихся офицеров. Не случайно многие офицеры горцы и выходцы из горской среды принимали участие в походах в Персию. Они знали этот регион, знали его население, их обряды, веру, традиции, что так необходимо при правильном поведении любой армии в другой среде.

Все они продолжили свою службу и в годы Первой мировой войны. Широко известно о службе горцев Северного Кавказа в Кавказской Туземной дивизии, но последующие этапы их судьбы часто покрыты мраком забвения. Многие офицеры позже оказались в рядах Белого движения, их деяния долгие годы или замалчивались или искажались.

Само наличие немалого числа офицеров-кавказцев в генеральских и офицерских мундирах напрочь отменяет представления о Российской Империи как «тюрьме народов». Помимо собственно службы России и «Белому Царю» офицеры горцы и выходцы из горской среды являлись своего рода особой кастой. Это замечательный тип особого окраинного русско-кавказского человека, которого так не хватает современной России на Кавказе.

Примечания

1. Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М., 2010. С. 75.
2. Там же. С. 182.
3. Там же. С. 189.
4. Осетины – Мистулов Эльмурза// <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=148>
5. Шкуро В.И. Георгиевские кавалеры-кавказцы на службе в кубанских казачьих частях // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона. Материалы научно-практической конференции Краснодар, 2002. С. 146.
6. «Генерал-сотник» Н.Г. Бабиев. <http://www.gipanis.ru/?level=1023&type=page&lid=938> 29.07.2012

7. Шкуро В.И. Сыновья идут дальше // Под сенью Святого Георгия. Материалы V Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2009. С. 36–37.
8. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте 1914–1917 гг. М., 2001. С. 76.
9. Емельянов А.Г. Казаки на Персидском фронте. М., 2007. С. 371.
10. Там же. С. 372.
11. Там же. С. 372.
12. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. С. 258.
13. Там же. С. 258.

Л.К. Пржевальская, Н.М. Пржевальский (г. Москва)*

М.А. Пржевальский – разведчик, дипломат, выдающийся военачальник

Михаил Алексеевич Пржевальский родом из дворян Тверской губернии [1]. Сын штабс-капитана Алексея Кузьмича и его жены Варвары Евгеньевны, родился 5 ноября 1859 года в г. Усмань Тамбовской (ныне Липецкой) губернии. Михаил был старшим ребёнком от второго брака Алексея Кузьмича. В первом у него было три сына: Владимир (1847–1907), Николай (1850–1889) и Константин (1855–1878?). Михаила и Владимира, старшего сына отца от первого брака, разделяли 12 лет. Сводные братья Владимир и Михаил стали военными. Владимир Алексеевич дослужился до генеральского чина, имел дом в Екатеринодаре (ныне Краснодар). В этом же городе некоторое время жил, а позже многократно бывал и Михаил Алексеевич.

В 1870 г. Михаил поступил в Петровскую Полтавскую военную гимназию – в этом украинском городе служил в тот период его отец. Окончил это престижное учебное заведение в 1876 г. и вступил в службу юнкером в 1-е Павловское училище в июле того же года. В августе был переведён в Петербургское Михайловское артиллерийское училище, которое готовило офицеров артиллерии. Михаил Пржевальский окончил училище в 1879 году портупей-юнкером и решил идти в гвардию, чтобы реально почувствовать привлекательность и сложность армейской службы, стать членом элитного подразделения Российской ар-

мии. Августа 1879 года он был по экзамену произведён в подпоручики в 3-ю гренадёрскую батарею 3-й Гвардейской гренадёрской артиллерийской бригады с прикомандированием к лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде, где прослужил почти 2 года [2]. К этому времени молодой офицер понял острую необходимость продолжить образование и решил поступать в Михайловскую артиллерийскую академию.

Средний проходной балл в академию был 8. М. Пржевальский получил 10.667 баллов, причём по пяти предметам наивысшую оценку, и занял третье место среди 22 поступивших, что явилось превосходным результатом.

Занятия начались 16 октября 1881 года. В Академии изучали все разделы артиллерии и практическую механику, а также высшую математику, теоретическую механику, химию, физику и начертательную геометрию. Уровень преподавания был очень высокий, его обеспечивали такие известные учёные, как математик Чебышев, химик Фёдоров, физик Усов.

Михаил Пржевальский окончил Михайловскую артиллерийскую академию 31 июля 1884 г. по 1-му разряду и был зачислен субалтерно-офицером в 3-ю батарею лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, т. е. вернулся на прежнее место службы [3]. 11 Января 1885 г. его назначили делопроизводителем бригадного суда, прикомандировав к Кавказскому военному округу. Карьера молодого офицера успешно продолжалась.

В марте 1885 года он был произведён в поручики гвардии, 27 сентября направлен на учёбу в Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге.

Академия Генерального штаба резко выделялась из всех военных академий. Это было учреждение, где разрабатывались и преподавались главнейшие военные науки — военная стратегия и тактика, там был самый сильный профессорский состав [4].

31 Марта 1888 г. молодой талантливый офицер закончил Академию штабс-капитаном по 1-му разряду. После выпуска ему выдали 300 р. на первоначальное обзаведение лошадей со всеми принадлежностями, в апреле сразу причислили к Генеральному штабу и назначили на службу в Кавказский военный округ [5]. В мае он впервые приехал на Кавказ и связал с этим краем всю дальнейшую жизнь. В этом же году Михаил Пржевальский женился на Ольге Михайловне Виноградовой, дочери священника [6].

Прибыв на Кавказ, Михаил Пржевальский 30 октября 1888 г. стал начальником строевого отделения в Штабе Михайловской крепости под

* Авторы выражают благодарность Владимиру Ильичу Шкуро и Елене Максимовне Сухачёвой за ценные сведения из Государственного архива Краснодарского края.

Батумом [7] и вскоре был повышен в чине до капитана (26.11.1888). Успешно справляясь с воинскими обязанностями, имея высокую репутацию, Михаил Пржевальский 2 марта 1890 года заслуженно получил свою первую награду – орден Св. Станислава 3-й степени.

Удачно начавшаяся семейная жизнь тоже благоприятствовала работе. За три месяца до награждения произошло радостное событие: у Михаила Алексеевича и Ольги Михайловны 6 декабря 1889 г. родилась дочь Варвара.

Вскоре капитан М. Пржевальский был назначен командиром роты 16-го Гренадёрского Мингрельского полка (13.09.1890), а спустя год переведён на должность обер-офицера для особых поручений при командующем войсками Кавказского военного округа (16.04.1891).

С этого момента происходит крутой вираж в жизни М.А. Пржевальского. Очевидно, он хорошо зарекомендовал себя на последней должности, так как внезапно из чина капитана он «был переименован в Надворные советники» (31.03.1892) и назначен секретарём Российского Императорского генерального консульства в Эрзеруме (Турция) [8].

На дипломатическом поприще Михаил Алексеевич проработал 9 лет. Уже в первые годы службы новый секретарь консульства зарекомендовал себя с самой лучшей стороны при решении весьма сложных проблем, в особенности, во время Сассунских событий.

Сассунские события – это резня армян турками, устроенная в конце 1894 года. Неслыханные преступления против мирных жителей возмутили все страны мира, в первую очередь, народы Европы. Была создана международная комиссия по расследованию, в состав которой от России вошёл М.А. Пржевальский. Он блестяще справился со своей миссией, о чём говорят документы о награждении надворного советника Михаила Алексеевича Пржевальского орденом Св. Владимира 4-й степени [9].

Дипломатическая карьера надворного советника успешно продолжалась. В 1896 году М.А. Пржевальского наградили ещё двумя орденами: Св. Анны 3-й степени (27 июня) и Св. Станислава 2-й степени (6 декабря). Так отмечались его заслуги в военном и разведывательном деле.

В семье тоже всё складывалось удачно. Весной 1895 года (26 апреля) в Эрзеруме у Пржевальских родился второй ребёнок – сын Алексей.

В 1900 г. Пржевальский провёл расчёт сосредоточения турецкой армии к границам Закавказья. Эта важная работа была опубликована в Тифлисе в 1901 г. и сыграла большую роль в военных событиях 1914–1916 годов. Михаил Алексеевич Пржевальский продолжал дипломатическую службу до середины 1901 года. В июле он был «переименован из надворного советника в полковники» и назначен на

должность начальника штаба 39-й пехотной дивизии, квартировавшей на Кавказе. Через два года 44-летний полковник стал командиром 155-го пехотного Кубанского полка.

М.А. Пржевальский был из Тверских дворян, но служившие вместе с ним казаки считали его своим, истинно казачьим генералом. Это не удивительно, так как большая часть его военной деятельности была связана с южным казачеством.

В течение двух лет (с мая 1906 по декабрь 1908 г.) генерал-майор М.А. Пржевальский был начальником войскового штаба Терского казачьего войска во Владикавказе [10]. Ещё более тесная связь установилась с кубанскими казаками.

Незадолго до событий 1905 г. он был командиром 155-го Кубанского полка (1903 г.), затем начальником штаба Кубанского казачьего войска (1905 г.). В 1908 году генерал М.А. Пржевальский снова в рядах кубанского казачества. Он возглавил Кубанскую пластунскую бригаду (13.12.1908), а в конце своей военной карьеры командовал Кубанской повстанческой армией (1920–1921 г.г.).

Казаки были близки по духу Михаилу Алексеевичу Пржевальскому, воспитанному в традициях старинного дворянского рода. Высокая боевитость была присуща многим его представителям, которые на протяжении многовековой истории активно участвовали в военных действиях.

Пластуны, которыми командовал Пржевальский, представляли особый род войск. Их, наверное, можно сравнить с ныне действующими бойцами группы Альфа: «Пластуны – это казачий спецназ. Пластуны резко выделялись среди остальных казаков своим умением целно стрелять, прекрасно ориентировались на местности, владели приемами маскировки, незаметно и бесшумно передвигались» [11]. Этими же качествами обладал их командир.

В трудные первые дни войны 1914 г. личную храбрость и выносливость 55-летний генерал Пржевальский проявил при переправе через ледяные воды Аракса. Как только наступила темнота, «генерал Пржевальский первым с разведчиками переправился вброд, приказав всем переправляться вслед, не раздеваясь и держась группами за руки. Переправа была совершена быстро и неожиданно для турок. Внезапным ударом пластуны опрокинули турок и внесли в ряды их смтение», – так описывает этот эпизод его участник есаул Ф.И. Елисеев [12]. В результате героических действий 5 и 6 ноября бригада Пржевальского наголову разбила 33-ю турецкую дивизию, что вынудило противника к 8 ноября прекратить всякие активные операции.

В декабре 1914 года главные события на Кавказском фронте разыгрались у Сарыкамыша. Сарыкамышская операция заложила фундамент дальнейших шагов Кавказской армии по разгрому турок в Малой Азии. Действия русских войск продемонстрировали беззаветную храбрость и преданность долгу солдат и командиров, их высокую военную выучку [13].

15 декабря 1914 года 1-я пластунская бригада генерала Пржевальского в составе пяти батальонов с Кавказским отдельным горным арtdивизионом вошла в Сарыкамыш. Оборону этого стратегически важного города Главнокомандующий – генерал Юденич – поручил Пржевальскому, который вступил в командование всеми воинскими подразделениями (сарыкамышским отрядом). До позднего вечера шел тяжелый штыковой бой. Наши немногочисленные части изнемогали. Уже в полной темноте Пржевальский решает бросить в район вокзала свой последний резерв – две сотни 6-го Кубанского пластунского батальона. «Пластуны без выстрела, в полном молчании атакуют турок и опрокидывают их штыками. Внезапная и молчаливая атака производит на противника настолько сильное впечатление, что он уже не пытается возобновить здесь атаки», – вспоминает Ф.И. Елисеев.

Победа в Сарыкамышской операции – заслуга всех подразделений Сарыкамышской группы, возглавляемой генералами Берхманом и Юденичем, однако наибольший вклад в победу внёс отряд под командованием генерала Пржевальского. «Генерал Пржевальский спокойно и уверенно отбивал яростные штурмы Сарыкамыша, мудро расходуя свой резерв и умело распределяя свои небольшие оборонительные средства. Генерал Пржевальский в этих действиях явил выдающийся пример частной инициативы» [14].

Результаты Сарыкамышской победы вызвали большой резонанс в России, особенно на Кавказе. Войска приобрели веру в себя, мусульманской части населения была продемонстрирована решительность руководства в отстаивании интересов русских, Кавказская армия смогла вскоре дать Западному фронту ещё полтора корпуса в дополнение к двум, которые были переданы в начале Первой мировой войны.

Начальник 1-й кубанской пластунской бригады генерал-майор М.А. Пржевальский был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени, произведён в генерал-лейтенанты (13.01.1915) и в феврале назначен командиром 2-го Туркестанского корпуса (03.02.1915).

Вот как характеризует М.А. Пржевальского в своих воспоминаниях последний протопресвитер Русской армии и флота Г.И. Шавельской:

«В общей массе героически настроенных кавказских войск особенно выделялся корпус ген. Пржевальского, как среди кавказских генералов выделялся сам этот доблестнейший генерал. Довольно невзрачный, совсем скромный и очень застенчивый, он не обладал теми качествами, благодаря которым в мирное время делали карьеру. Истинный талант и знания проявляют себя на войне. После боя под Сарыкамышем Пржевальский сразу стал героем и любимцем армии». [15]

К концу 1915 года упрочилось положение на флангах русской Кавказской армии, созрела ситуация для начала Эрзерумской операции. Эрзерум был в стратегическом смысле важным турецким городом. Через него проходил путь из России в Турцию. Здесь находилась главная тыловая база и центр управления 3-й турецкой армии, город был прекрасно защищён.

Тяжёлые бои за Эрзерум развернулись с 28 декабря 1915-го по 10 февраля 1916 г. Михаил Алексеевич знал этот город не понаслышке. Здесь прошли девять лет его гражданской службы. Пржевальский «прекрасно владел турецким языком, и в качестве негласного агента собрал (будучи сотрудником русского консульства, Л.П., Н.П.) ценный топографический материал, который использовал при маневрировании в войну его корпуса при взятии Эрзерума» [16]. Материал представляет подробнейшие сведения об экономике и политике Эрзерумского вилаята (района), а также его военно-статистическое описание. Более чем семисотстраничный труд Михаила Алексеевича был издан в Тифлисе Штабом Кавказского военного округа в двух частях в 1904 и 1908 г. [17, 18].

29 декабря 1915 года, с рассветом, части 2-го Туркестанского корпуса под командованием генерал-лейтенанта М.А. Пржевальского перешли в наступление по всему фронту. Для турецких войск это было полной неожиданностью. «Этот успех, сравнимый с измаильским штурмом Суворова, вызвал настоящий фурор в обоих враждующих станах. ...И не случайно, спустя всего месяц, 4 марта 1916 г., было заключено англо-франко-русское соглашение о целях войны Антанты в Малой Азии» [19].

Г.И. Шавельской, посетивший действующую армию, так отзывался о Пржевальском. «Пржевальский представлял далеко не часто встречающийся у нас тип военачальника, у которого счастливо соединились доброе и благородное сердце человека, храбрость солдата и большой талант полководца. Любовь войск к нему была огромная, на которую он отвечал такой же любовью, заботливостью и распорядительностью» [20].

Высочайшим приказом, «17 ноября 1916 года производится за отличие в делах против неприятеля из генерал-лейтенантов в генералы от инфантерии состоящий по Кубанскому казачьему войску командир 2-го Туркестанского армейского корпуса Пржевальский (Михаил), со старшинством с 9 мая 1916 года» [21].

В 1917 г. произошла Февральская революция. В марте 1917 года в прощальном приказе к Действующей Армии император Николай II повелел войскам повиноваться Временному правительству. В мае М.А. Пржевальский был назначен главкомом Кавказской армии и пробыл в этой должности семь месяцев (31.05.–28.12.1917). Февральская революция сняла многие запреты: начались митинги, организованные солдатскими комитетами, братание с противником, насилие, вплоть до убийства, солдат над своими командирами, уход солдат с фронта домой, в тыл. Войсковой Атаман Кубанского Казачьего Войска Филимонов пишет [22], что главнокомандующий М.А. Пржевальский сыграл решающую роль в предотвращении беспорядков, связанных с бунтом в 39-й дивизии.

В октябре в России произошёл переворот. Октябрьский переворот резко усилил разложение Кавказской армии. Как писал в своих воспоминаниях Б.Л. Байков: «В ноябре развал фронта вполне обозначился, и мужественный старик М.А. Пржевальский – герой Сарыкамыш и Эрзерума, стоявший во главе Кавказской армии, уже ничего не мог сделать» [23]. 28 декабря 1917 года М.А. Пржевальский сложил с себя полномочия главнокомандующего и покинул действующую армию, оставив своим заместителем начальника штаба фронта генерала Е.В. Лебединского [24].

В биографическом энциклопедическом словаре К.А. Залесского [25] сказано, что в конце 1918 года А.И. Деникин назначил М.А. Пржевальского командующим Добровольческими частями на Кавказе. Однако сам Деникин в своей книге «Очерки русской смуты. Октябрь 1918 – январь 1919» пишет, что отряд Пржевальского, находящийся в Баку, был принят в состав Добровольческой армии в начале 1919 года [26]. Сведения о повстанческой Кубанской армии Пржевальского появились недавно. Многие годы имя генерала М.А. Пржевальского было вычеркнуто из русской истории.

Главные действующие лица Белого движения, которые были намного моложе Пржевальского, уже 2-3 года находились за границей. А «мужественный старик», так чаще всего называли генерала в своих воспоминаниях его молодые соратники по Белой борьбе, Михаил Алексеевич Пржевальский, всё ещё сражался за Правое дело в России.

Он эмигрировал не ранее апреля 1922 года в Югославию и поселился в Белграде. Об этом периоде жизни Михаила Алексеевича известно немного. В книге о русской военной эмиграции [27] сообщается, что в Совете объединённых офицерских обществ был создан Суд чести для генералов, Председателем которого был избран генерал от инфантерии Михаил Алексеевич Пржевальский. В эти годы он состоял членом объединения лейб-гвардейской 2-й артиллерийской бригады, в которую когда-то давно, молодым юнкером, был выпущен из Артиллерийского училища; был сверхштатным чиновником при библиотеке югославского Генштаба.

Генерал от инфантерии Михаил Алексеевич Пржевальский скончался 13 декабря 1934 года в Инвалидном доме и похоронен с воинскими почестями на Новом кладбище в Белграде (участок 90, место 165).

Здесь лежат многие русские генералы и простые воины, герои Первой мировой и Гражданской войн. М.А. Пржевальский не остался одиноким. Память о нём и его боевых товарищах остаётся в наших сердцах.

Примечания

1. Послужной список Алексея Кузьмича Пржевальского. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400, Оп. 12, Д. 5547, Л. 22-23.
2. РГВИА. Ф. 409, оп. 2, д. 28141, с. 113 (п/с 323-471), 1879.
3. РГВИА. Ф. 409, оп. 2, д. 27759, с. 167, 171-175, 1884.
4. *Каменев А.И.* История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990.
5. Послужной список Михаила Алексеевича Пржевальского. РГВИА, Ф. 409, Оп. 2, Д. 343-712, Л. 1-7.
6. Там же, Л. 1-7.
7. Там же, Л. 1-7.
8. Там же, Л. 1-7.
9. РГВИА, Ф. 400, Оп. 12, Д. 19468.
10. *Агафонов О.* Казачьи войска Российской империи. – М.: 1995.
11. *Бартош А., Пеньковский Е.* Казачий спецназ – пластуны. // Независимое военное обозрение. 12.08.2005.
12. *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте 1914–1917. М.; 2001., С. 49–50, 2001.
13. *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914-1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933.
14. *Никольский В.П.* Сарыкамышская операция 12-24 декабря 1914 года. София, 1931. С. 100.
15. *Шавельской Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. Гл. 7. Поездка на Кавказский фронт.

16. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 г.г. / Составитель Чуваков. М., 2005. Т. 6. Кн. 1. С. 39–40.
17. Вилает Эрзерум. Часть 1. Составлен Генерального штаба полковником М. Пржевальским. Изд. Штаба Кавказского военного округа. Тифлис, 1904. 392 с.
18. Пржевальский М. Военно-статистическое описание Эрзерумского вилайета. Часть 2. Топографический очерк. Климат, Пути сообщения. Изд. Штаба Кавказского военного округа. Тифлис, 1908. 306 с.
19. Пронин А.В. Генерал суворовской школы // Независимое военное обозрение. 2000. № 44.
20. Шавельской Г.И. Указ. соч.
21. ГАКК. Приказы по Кубанскому казачьему войску 1917 г. № 8245.
22. Филимонов А.П.. Кубанцы (1917-1918 гг.). Берлин, 1927.
23. Байков Б. Л., Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. 9. М., 1991. С. 91–194.
24. Шамбаров В.Е. За Веру, Царя и Отечество, М., 2003.
25. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
26. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Минск, 2002. С. 230.
27. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. М., 2001. Т. 2. С. 257.

К.В. Русанов (г. Харьков, Украина)

Н.С. Каринский – последний начальник Черноморской губернии

Назначение тайного советника Н.С. Каринского в начале 1920 г. гражданским начальником Черноморской губернии и управляющим Министерством внутренних дел Южнорусского правительства при генерале А.И. Деникине стало последним взлетом его административной карьеры.

Этот высокопоставленный чиновник Временного и других эфемерных правительств так, кажется, и не нашел своего биографа. Н.С. Каринском писали многие, но всегда мельком, нередко искажая даже его фамилию (Карийский). Лишь из анкеты, заполненной Николаем Сергеевичем при въезде в США, узнаешь, что на 1.09.1923 г., развернувшись, ему было 50 лет. Без достоверной информации эта фигура «обросла» в истории легендами и мистификациями.

По свидетельству Б.С. Перетца [1], в начале XX в. Н.С. Каринский состоял в Орле помощником адвоката А.Н. Рейнгардта, замешанного в финансовых аферах. Вместе с тем, как бывает и сегодня Рейнгардт числился ярким оппозиционером. Рейнгардт и Каринский

входили в социал-демократический комитет; в собственный дом первого в Орле доставляли «Искру»; в семейной квартире второго готовились на «ремингтоне» формы для мимеографа, проходили собрания комитета, диспуты с эсерами и т. д.

Весной 1905 г. Каринский, Рейнгардт и К^о пытались дестабилизировать положение в городе [2]. Используя лазейки в уставе Орловского педагогического общества, они превратили его собрания в митинги с участием гимназистов, с критикой правительства и орловского губернатора, принятием радикальных резолюций (об образовании вооруженной милиции для защиты от возможных (!) погромов) и требований к директорам школ не препятствовать сходкам учащихся. К лету встал вопрос об аресте и высылке оппозиционеров, и Каринский переехал в Харьков.

Из ежегодных «Отчетов о деятельности Совета присяжных поверенных (СПП) округа Харьковской судебной палаты» за 1904/1905 – 1915/1916 гг. видно, что Каринского не только приняли в Харькове в присяжные поверенные (которых было в округе несколько сот). Его избрали 9.12.1907 г., одним из 10 членов СПП – руководящего органа корпорации – и восемь лет переизбирали, что свидетельствовало о его высоком авторитете среди коллег.

СПП разбирал жалобы клиентов на адвокатов округа и выносил постановления – от безусловно оправдывающих до запрещающих судебную практику и даже исключаящих из сословия. Н.С. Каринский был постоянным докладчиком Совета; его доклады по дисциплинарным делам занимали десятки страниц в каждом из ежегодных отчетов, начиная с 1910/1911 г.

Под корпоративным разбирательством несколько лет пробыл и он сам. Его казусом, вошедшим в «Историю русской адвокатуры» [3], занимались СПП Харьковской, потом Казанской судебной палаты и даже Правительствующий сенат. Кстати сказать, инициировал разбирательство сам Каринский, поток красноречия которого потерявший терпение председатель суда «остановил, крикнув резко повышенным тоном: довольно!!!».

Действительно, адвокатская практика Каринского чаще всего носила скандальный оттенок. Так, в 1910 г. он и Вальц защищали в Харьковском окружном суде судебного следователя Тер-Семенова, «крайне нервного субъекта, наследственного сифилитика», застрелившего в ссоре жену, мать своей четырехлетней дочери: присяжные оправдали (!) следователя-убийцу [4].

Известный большевик В.Д. Бонч-Бруевич [5], не раз выступавший вместе с Н.С. Каринским на процессах по сектантским делам (как эксперт по сектам), подтверждал: «Этот радикальный адвокат всегда

вел процессы очень умело, энергично, со знанием дела и настолько свободно, что его речи нередко вызывали протесты прокурора и председателя суда».

Яркий имидж оппозиционного, слегка картавящего судебного златоуста способствовал успеху Каринского и на другом поприще. Оставив «орловскую» жену, он связал судьбу с дочерью харьковского миллионера А.Я. Жмудского. Варвара Андреевна (1886–1983) не чуралась политики, училась на юриста в Харьковском университете (1906–1912), всерьез увлекалась декоративным искусством; городские «золотые перья» посвящали ей святочные рассказы.

Правда, она продолжала носить фамилию внезапно умершего в 1909 г. молодого мужа Моисеенко, от которого имела дочь, да еще опекала малолетнего сына своего брата. Но даже при двух чужих детях общий баланс был для Каринского позитивен: адвокат вошел в богатейший клан Жмудских. Анатолий и Николай, братья Варвары, тоже были в Харькове присяжными поверенными; Анатолий издавал кадетскую газету «Утро», часто подвергавшуюся штрафам за «статьи, возбуждающие враждебное отношение к правительству». Например, в ноябре 1910 г. губернатор постановил «подвергнуть редактора газеты «Утро» А.А. Жмудского штрафу в размере 500 руб. с заменой, в случае неуплаты, арестом на 1 месяц. Редактор отказался уплатить штраф и был взят под арест» [6]. И так бывало нередко.

Варвара тоже выступала в «Утре» с заметками, позже стала редактором газеты; был причастен к семейному делу и кадет Николай Каринский, разделявший вышеупомянутое отношение к правительству. Печатался в их газете и большевик В.Д. Бонч-Бруевич.

Между тем назревала новая революция и пора было покидать Харьков. Кажется, покупая дом в Москве, Варвара и Николай руководствовались не столько соображениями о более богатой клиентуре, сколько сближением с финансовыми тузами буржуазной оппозиции, готовившей февральский переворот 1917 г. (в большинстве – старообрядцами). И чутье их не подвело.

Уже 5 марта 1917 г. Н.С. Каринского включили в учрежденную Временным правительством «Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц...». Он вошел в группу юристов, занимавшуюся прокурорским надзором за следствием.

Комиссия не смогла подтвердить обвинений в адрес царя, царицы и их министров, но рвение «симпатичного и толкового» харьковского присяжного поверенного в столице оценили: в мае 1917 г. он был на-

значен прокурором Петроградской судебной палаты (ПСП). Звезда Каринского в столице стремительно восходила; Варвара Андреевна перешла на казарменное положение и жила рядом с ним. Вероятно, именно тогда она приняла фамилию «Каринская», которую носила до конца жизни. Один из авторов [7], тоже известный адвокат-оппозиционер, оставил нам словесный портрет решительной дамы. «Когда деловой наш разговор в его служебном кабинете был кончен, Каринский сказал мне «Н. П., можно Вас познакомить с моей женой? Она большая ваша поклонница». Он распахнул дверь в соседнюю комнату, которая оказалась не его канцелярией, а спальней и дамским будуаром, довольно изящно гарнированным. Двухспальная кровать была покрыта кружевным покрывалом; в углу дамский туалет блестел флаконами духов и туалетных принадлежностей. Молодая, сухощавая, довольно элегантная блондинка в изящном капоте, с ондулированной прической на голове, встретила нас радушно. Заметив мое изумление при виде стольких дамских аксессуаров в казенном месте, она поспешила мне объяснить: “Бедный Коля теперь так занят, его рвут на части... Если бы я не основалась здесь, мы бы вовсе не виделись. Так, не правда ли, удобнее?!”».

Популярность «бедного Коли» достигла зенита в июле 1917 г., после первой попытки большевиков захватить власть. О тех событиях написано очень много, и мы вкратце проследим их канву по книге Г.Л. Соболева [8]. 5 июля пресса сообщила сенсационную новость: Ленин и К° – немецкие шпионы и получают деньги из Берлина! 7 июля Временное правительство постановило: расследование организации вооруженного выступления против государственной власти сосредоточить в руках прокурора ПСП, возглавившего Особую следственную комиссию; организаторов, руководителей и подстрекателей выступления арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и революции. На основании этого постановления прокурор ПСП Н.С. Каринский подписал ордер на арест Ленина и других руководителей большевиков.

Он повел расследование с обычной энергией; уже 22 июля Каринский сообщил в печати, что его комиссией собраны неопровержимые доказательства организации и руководства вооруженным выступлением которое осуществлял Центральный Комитет РСДРП(б), указания ко его мятежникам исходили из дома Кшесинской – «штаба Ленина». Обвиняемые – Владимир Ульянов (Ленин) и др., – вошли в соглашение с агентами находящимися в войне с Россией государств, чтобы содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности. На полученные от этих государств денежные сред-

ства они повели усиленную пропаганду немедленного отказа от военных действий и организовали вооруженное восстание против власти, сопровождавшееся убийствами и насилием, попытками к аресту членов правительства. Вследствие пропаганды ряд частей отказался исполнять приказания командиров, самовольно оставил позиции и т. п.

Но результат публично демонстрируемого прокурором ПСП рвения был нулевой – обвиняемые скрылись еще 4 июля. Парадоксально, но предупредил их об опасности... Каринский. Вот что писал о вечернем телефонном звонке прокурора ему на дом Бонч-Бруевич, состоявший тогда при Ленине [9]:

«Я звоню к вам, – сказал он мне, – чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки.

– В чем же дело? – спросил я его.

– Ленина обвиняют в шпионаже в пользу немцев.

– Но вы понимаете, что это самая гнусная из клевет? – ответил я ему.

– Как я это понимаю, в данном случае все равно. На основе этих документов будут преследовать его и всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно и прошу вас немедленно же принять серьезные меры, – сказал он как-то глухо, торопясь. – Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать! Действуйте...

По тону разговора я понял, что Каринский спешил, ибо ему, ввиду его служебного положения, было опасно мне все это сообщать».

Правда состояла в том, что внутри Временного правительства шла ожесточенная междоусобица, и каждый старался «подставить» конкурента. Жертвой провала антибольшевистской акции пал ее организатор – министр юстиции, начальник Н.С. Каринского. Но Николаю Сергеевичу не судилось занять освободившееся кресло – к осени Керенский уволил и его.

Окончательно взяв власть, большевики отблагодарили Каринского, отпустив его в захваченный немцами Харьков. Бонч-Бруевич писал в 1931 г.: «Мне стало известно, что Н.С. Каринский в Нью-Йорке негодует на мою совершенно правдивую, почти стенографическую запись замечательного разговора. Ему я рекомендовал бы задуматься лишь над одним: за его официальную деятельность в правительстве Керенского он, несомненно, подлежал расстрелу по суровым законам диктатуры пролетариата и кровавой гражданской войны. Он был всецело в наших руках и даже был принят мною в Кремле. Почему же он не был арестован, почему ему было разрешено большевистской влас-

тью выехать из Москвы на Украину? Только потому, что его явная заслуга по предупреждению ареста Владимира Ильича была с благодарностью учтена советской властью и к его просьбе отнеслись, в силу этого, дружелюбно. Большевики за добро всегда платят добром».

Упоминания о деятельности Н.С. Каринского на Украине бедны точно установленными фактами; известно лишь, что он не отказался от участия в различных политических авантюрах. В 1918 г. Николай Сергеевич пробовался в Киеве на роль предводителя военного переворота с целью свержения гетмана Скоропадского [10]. Но генералы ни тогда, ни потом не верили присяжному поверенному, не без оснований считая его слишком левым и даже красным.

В 1919 г. Каринский участвовал в Крымском краевом правительстве – «главноуполномоченным по эвакуации», состоял прокурором Крымской судебной палаты. Семья переезжала из Харькова в Крым и обратно, но Варвара Андреевна уже не считала эти должности мужа заслуживающими ее участия. Элегантная блондинка не последовала за ним в Екатеринодар и Новороссийск, оставшись с детьми «под красными», с которыми тоже смогла договориться: ведь в ведомстве Луначарского работал ее брат – Сергей Жмудский, будущий деятель Пролеткульта.

О своем правлении в Черномории Н.С. Каринский написал воспоминания [11], начинавшиеся довольно интересно («Когда я приехал в Новороссийск, то увидел, что дело обстоит значительно хуже, чем я предполагал. Деморализация среди чинов Министерства внутренних дел, да и других министерств тоже, была полная; панике не менее гражданских чинов были подвержены и военные»), быстро свелось к описанию препирательств военных и гражданских властей из-за парохода «Виолетта». Он был назначенного для эвакуации из Новороссийска чиновников министерств и их семей, архивов и других ценностей. Статья, напоминающая выступление адвоката в суде, и приложенные к ней документы – доказательства того, что не автор, а другие трусы, паникеры и казнокрады (имярек) виновны в уходе «Виолетты» в Феодосию до завершения погрузки.

Зато живой портрет начальника губернии в интерьере мартовского Новороссийска оставил В.Х. Даватц (1883–1944) – харьковский математик, знавший Каринского по партии кадетов [12]. Даватц, добровольно устроившись рядовым артиллеристом на бронепоезд, отступал с армией Деникина. Встреченный им 3 марта 1920 г. на железнодорожных путях в Новороссийске знакомый напомнил: – «Знаете, ведь Н. С. К. занимает теперь пост генерал-губернатора, главноначальствующего Черноморской области!

Я полетел к дому губернатора. Красивый дворец в стиле барокко выделялся из соседних домов. Я вошел на лестницу, ведущую в стеклянные двери. Как раз в это время Н. С. К. в сопровождении адъютанта вышел, чтобы сесть в автомобиль. Я едва узнал Николая Сергеевича, которого привык видеть в свободном пиджаке и, как он любил, в белых спортивных брюках. Теперь он величественно спускался по лестнице, одетый в серую шинель. На плечах блестели золотые погоны тайного советника. Во всей его фигуре видна генеральская солидность. Он остановился и подал мне руку.

– Я хотел бы с вами побеседовать, но вы, вероятно, страшно заняты: вы теперь в таких высоких чинах....

– Чин – это дело человеческое, – сказал К. – Сегодня я действительно занят. Лучше всего приходите завтра сюда же, в час дня...».

7 марта Даватц записал в дневнике: «Теперь несомненно, что армия наша разбита. 4-го сдан Екатеринодар и — как говорят — просто пропит. Кругом все разговоры сводятся к одному: как попасть на пароход. Люди мечутся, как стадо. Полковники, обер-офицеры прячутся в трюмы, откуда «защитников отечества» выволакивают насильно.

Вечером я посетил Н. С. К. В компании сотрудников он пил чай. На столе лежала нарезанная колбаса, коробка консервов; стояла бутылка водки. Передо мной был уже не начальник губернии в генеральских погонах, но просто Николай Сергеевич в обычной потертой тужурке. Выпили по рюмочке.

– Распоряжения меняются у нас каждые два часа, – сказал К., – Деникин или настроен бодро, или хочет таким казаться. Я не разделяю этого оптимизма. Когда образовалось правительство, я думал, что будем работать с Деникиным как одно целое. Этого нет, – сказал К., – Он выслушивает меня иногда по целому часу, но между нами грань. Генералы окружают его тесным кольцом

– Николай Сергеевич, вы не имеете известий от сына (вероятно, от первого брака. – К.Р.), который был адъютантом у адмирала Колчака?

Лицо К. изменилось. И каким-то сдавленным голосом он сказал:

– Я ничего не знаю о нем и не люблю, когда меня об этом спрашивают.

– Простите меня, — сказал я, почувствовав бестактность вопроса. Но К. резко встал и вышел в другую комнату.

– Это всегда с ним так, — сказал один из присутствовавших. — Как вспомнит о Колчаке, расстраивается на целый день».

В книге С.В. Волкова [13] имеется следующая справка о Каринском Евгении Николаевиче, гардемарине Отдельных гардемаринских классов (в Петрограде), участнике Белого движения на Западе России. 1.12.1918 г. он прибыл во Владивосток на транспорте «Иерусалим»

для продолжения обучения в Морском училище (гардемаринских классах), только что основанном приказом Верховного правителя Сибири. Пароход «Иерусалим» ходил между Черным морем и Дальним Востоком; так, в июле 1919 г. по просьбе Колчака во Владивосток Деникиным было послано более 200 офицеров ввиду нехватки их в Сибири.

Однако Е.Н. Каринский в Морском училище Владивостока не учился; дальше в справке сказано лишь, что он умер от тифа в 1920 г. Служил ли Евгений адъютантом Колчака, – не ясно; но он разделит судьбу адмирала.

Осенью 1920 г. Н.С. Каринский эмигрировал в Константинополь, где почтовой открыткой был уведомлен Варварой Андреевной о том, что она разводится с ним и выходит замуж за некоего Мамонтова. Было трудно, но Каринский не унывал - он организовал и возглавил Константинопольский СПП. В декабре 1921 г. Николай Сергеевич писал: «На этих днях один из бедствующих товарищей, посетивший председателя Совета, получив от последнего ничтожную материальную помощь, признался ему, что эта случайная помощь сыграла для него чрезвычайную роль, ибо действительная скрытая цель его посещения была – проститься перед самоубийством» [14].

Осенью 1923 г. Н.С. Каринский с группой членов СПП переехали в США; в декабре ими был основан в Нью-Йорке Союз русской присяжной адвокатуры [15]. Понятно, что и его возглавил неутомимый Николай Сергеевич. Основной задачей Союза было оказание помощи членам в адаптации к новым условиям жизни и, прежде всего, в продолжении юридической практики. Какое-то время Союз получал субсидии от американских адвокатов; кое-кто даже пытался работать по специальности (Каринский – в компании «Стандарт Ойл»), но неудачно. В конце концов сочлены обвинили Николая Сергеевича в единоличном извлечении прибыли из общения с американцами и исключили его из Союза. Тогда Каринский основал новый клон СПП – Общество русских юристов.

За четверть века в США (Николай Сергеевич умер, как осторожно пишут, «не позже 1948 г.») он зарабатывал на жизнь самыми разными способами – водил такси и писал книги (от «Очерков русского суда 1905–1915 гг.» до истории авиации в дореволюционной России). Между тем Варвара Каринская, сумев выехать из СССР с детьми и не без средств, совершала как художник по костюмам триумфальное шествие по театрам и киностудиям Европы и США; в 1948 г. она получила «Оскара» [16].

Черноморская губерния канула в Лету вместе с последним начальником. Есть злая ирония в том, что сегодня дворянина Каринского

вспоминают лишь как одного из мужей его бывшей жены. В ее, а не в его честь в Харькове вешают нынче мемориальные доски и учреждают фонды. Может быть, крах честолюбивых устремлений присяжного поверенного, в награду за труды по разрушению российского государства выброшенного на обочину забвения в американской эмиграции, станет уроком для тех, кто сейчас «раскачивает политическую лодку».

Примечания

1. *Перес Б.С.* Партийная работа в Орле (1902–1903 гг.) // Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 260–270.
2. *Гуларян А.Б.* Механизмы дестабилизации общественной ситуации на начальном этапе Первой российской революции // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3. Ч. 1. С. 82–85.
3. *Гессен И.В.* История русской адвокатуры: Адвокатура, общество и государство. Т. 1. М., 1997. 376 с.
4. Новое время. 25 октября (7ноября) 1910 г.
5. *Бонч-Бруевич В.Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. 404 с.
6. Южный край. 27 ноября 1910 г.
7. *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. М., 2011. 122 с.
8. *Соболев Г.Л.* Русская революция и «немецкое золото». СПб.; –М., 2002. 479 с.
9. *Бонч-Бруевич В.Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. 404 с.
10. *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. М., 1993. 686 с.
11. *Каринский Н.* Эпизод из эвакуации Новороссийска // Архив русской революции. 1923. Т. 12. С. 149–156; Документы к статье Н.С. Каринского. С. 194–196.
12. *Даватц В.Х.* На Москву. Париж, 1921. 114 с.
13. *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. 560 с.
14. *Гришунькина М.Г.* Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920–1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 198 с.
15. *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX в. М., 2007. 446 с.
16. http://en.wikipedia.org/wiki/Barbara_Karinska

Л.К. Пржевальская, Н.М. Пржевальский (г. Москва) **Генерал М.А. Пржевальский и Белое движение**

Белое движение возникло в конце 1917 года, вскоре после захвата власти большевиками. Организаторами его были генералы Алексеев, Корнилов, Каледин и Деникин [1]. Не мог остаться в стороне и Михаил Алексеевич Пржевальский, заслуженный генерал, герой Первой мировой войны на Кавказском фронте. Сведения о его участии в Белом движении весьма скудны. В настоящей статье мы впервые воссоздаём и описываем действия генерала Пржевальского после 1917 года на основании литературных источников, в которых о нём есть какие-либо упоминания.

Эти отрывочные данные не позволяют составить строгую хронологию боевых действий генерала Пржевальского, однако дают возможность оценить его роль в Белом движении и Белой армии.

Не известно точно, когда он вступил в Белую армию. Возможно, это случилось летом 1918 года. В биографическом энциклопедическом словаре К.А. Залесского [2] сказано, что в конце 1918 года Пржевальский был назначен Деникиным командующим Добровольческими частями на Кавказе. В книге «Флот в белой борьбе» [3] о Пржевальском написано: «С осени 1918 года командующий Кавказской армией на территории Закавказья». А.И. Деникин в своей книге «Очерки русской смуты. Октябрь 1918 – январь 1919 г.» пишет, что отряд Пржевальского, находящийся в Баку, был принят в состав Добровольческой армии в начале 1919 года [4].

Среди «первопоходников» Белого движения [5] генерала Пржевальского не было. Он не участвовал и в походе на Москву, поскольку его фамилии нет среди генералов, возглавлявших дивизии, полки и отряды, сражавшиеся на основных направлениях [6].

Послужной список М.А. Пржевальского, хранящийся в военно-историческом архиве [7], не содержит сведений о том, что делал Михаил Алексеевич после 1917 года. Последняя запись сообщает, что Пржевальский был командующим Кавказской армии (записи, что он был Главнокомандующим Кавказским фронтом, в списке нет).

Пржевальский, в отличие от Врангеля, Деникина, Шавельского, Елисеева, Филимонова и других участников Белого движения, не оставил опубликованных воспоминаний (не исключено, конечно, что они где-то хранятся в рукописи), поэтому приходится реконструиро-

вать жизнь генерала в 1918–1922-х годах и объяснять его поступки. Авторам кажется, что лейтмотивом действий Пржевальского в тот период было желание предотвратить или уменьшить кровопролитие и потери в братоубийственной войне.

М.А. Пржевальский, сложив с себя полномочия главнокомандующего Кавказским фронтом (декабрь 1917 г.), остался в Грузии и по решению её правительства не допустил движение разложившейся части Кавказской армии через Тифлис.

Генерал Пржевальский приказал верным ему казачьим частям Кавказской армии захватить тифлисский арсенал и другие важнейшие военные объекты на грузинской территории и разоружить революционно настроенные части армии. Разоружение превратилось в кровавое столкновение.

Большевистское правительство в Москве было недовольно Закавказским комиссариатом, который, по его мнению, только прикрывался борьбой за национальную независимость. А на самом деле, по словам И.В. Сталина, «вёл агрессивную политику против советских организаций Кавказа, поддерживая в то же время контакт с героем контрреволюционного движения на Кавказе – генералом Пржевальским» [8]. Л.Д. Троцкий об этих событиях писал, что «план разоружения армии был тайно разработан правительством Закавказья совместно с представителями царского генералитета. В заговоре принимали участие белый генерал Пржевальский, будущий сподвижник Врангеля полковник Шатилов, будущий министр внутренних дел Грузии Рамишвили и др. На нескольких железнодорожных станциях разыгались крупные бои, с применением бронепоездов и артиллерии» [9].

Зная страсть революционных вождей к гиперболической яркой фразе, мы не думаем, что потери бывшей Кавказской армии были огромны. Но это событие, вероятно, произвело на Пржевальского гнетущее впечатление. Потому что позднее, уже в Баку, когда англичане потребовали от него разоружить моряков Каспийского флота, Пржевальский решительно отказался (хотя, возможно, причины отказа были иные, чем мы предполагаем).

Не удивительно, когда Троцкий называет Пржевальского представителем царского генералитета. Но когда Сталин говорит о Пржевальском как о *герое* контрреволюции, это настораживает, почему «герой» и какие ещё есть у Пржевальского «геройские поступки», или это опять всего лишь трескучая фраза?

В 1919–1920 годах мы обнаруживаем генерала Пржевальского в Баку, Петровске, и Майкопе. Он находился в эпицентре битвы за

нефть [10], в которой кровно заинтересованы были все: белые и красные, национальные правительства, немцы и англичане.

А.И. Деникин в своих воспоминаниях [11] несколько страниц уделил нашему герою. Главнокомандующий на примере с Пржевальским показал специфику отношений между оккупационными английскими войсками и Белой армией. К сожалению, он ничего не сообщил о том, как генерал Пржевальский в январе 1919 года оказался в Баку, и где он был до этого.

В это время в Баку находился генерал Добровольческой армии Эрдели. Эрдели по указанию А.И. Деникина принял отряд Пржевальского в состав Добровольческой армии, а его командира утвердил в должности начальника войск Прикаспийского района с подчинением генералу Ляхову (главноначальствующему и командующему войсками Терско-Дагестанского края) [12]. Начальником штаба войск Прикаспийского района был назначен генерал Лазарев [13].

Каспийская флотилия (две канонерки и пять вооружённых пароходов) отказалась подчиниться Пржевальскому (команды состояли из большевистских матросов), а решила быть подчинённой Азербайджанскому мусаватистскому правительству, зависимому от оккупационных властей [14].

Английский генерал Томсон приказал генералу Пржевальскому с его отрядом разоружить русский Каспийский флот. Генерал Пржевальский отказался выполнить этот приказ. Тогда Томсон потребовал, чтобы отряд Пржевальского немедленно покинул Баку и перешёл в Петровск (ныне Махачкала).

Генералы Пржевальский и Эрдели выразили англичанам свой протест, указывая, что «такие действия принесут неисчислимый моральный и материальный ущерб делу борьбы Вооружённых Сил Юга России (ВСЮР) против большевиков» (на словах англичане прибыли в Россию, чтобы способствовать борьбе белых против красных). Однако Пржевальский вынужден был подчиниться приказу Томсона. Он вместе с отрядом перешёл в Петровск, но не успел забрать всё войсковое имущество и обозы, так как время, отведённое для эвакуации, составляло всего четыре часа [15].

В результате значительная часть имущества Белой армии досталась Азербайджанскому правительству, в распоряжении отряда сохранились броневики и несколько орудий.

В «Петровский» отряд Пржевальского силою до 2,5 тысяч человек входили отряды генерала Колесникова, полковника Плотникова и даже, до полного разрыва с Горским правительством (меджлисом),

ему подчинялся горский отряд Хабаева. Задача отряда была восстановить железнодорожное сообщение Петровск–Грозный [16].

16 марта генерал Томсон приказал отряду Пржевальского в кратчайшие сроки покинуть Дагестанскую область. Генерал Пржевальский ответил решительным отказом. Он сказал, что исполняет приказы только своего начальника генерала Деникина. Деникин предписал Пржевальскому не уводить войска из Петровска, а английскому правительству послал протест, указав, что «отдача распоряжений вооружённым силам, находящимся в ведении Деникина, есть акт, враждебный Добровольческой армии». И англичане отступили.

Территория Петровского порта находилась в руках англичан, им подчинялся и весь русский Каспийский флот.

Для изменения ситуации в начале 1919 года Деникин решил создать русский белый флот на Каспийском море. Для этого две группы морских офицеров под командованием капитанов 1-го ранга Б. Пышнова и К. Шуберта выехали эшелонами из Новороссийска и Екатеринодара в марте и апреле [17]. Прибыв в Петровск, они были приданы отряду генерала Пржевальского и несли караулы в общей очереди с сухопутными войсками, охраняли военное имущество. В своих воспоминаниях один из морских офицеров А. Ваксмут [18] так описывает обстановку в Петровске:

«Петровск к прибытию эшелона напоминал осажденную крепость. Связь с внешним миром поддерживали только по радио и аэропланами. Горы кругом кишели восставшими туземцами, постоянно тревожившими немногочисленный гарнизон города и державшими его в напряженном ожидании и готовности к очередному налету».

К. Шуберт отправился «представиться генералу Пржевальскому, как старшему военному начальнику в городе», с целым рядом предложений. Молодому, энергичному Константину Шуберту шестидесятилетний генерал казался старым и пассивным. Позднее в своих воспоминаниях он так описал эту встречу [19].

«... Я представился ему по случаю моего прибытия, а затем полковник Ивицкий доложил ему об общей сумбурной и беспокойной обстановке в городе и просил о принятии перечисленных необходимых мер. Генерал Пржевальский только тяжело вздыхал и махал руками: все равно, мол, ничего не выйдет, и все пропало. Ему, старому заслуженному военному человеку, трудно было понять и переварить все те ужасные события, жертвой которых стали и Государь, и Россия. Он предоставил нам полную свободу действовать от его имени, и мы вскоре раскланялись».

Вскоре генерал провожал Шуберта в его первый смелый поход.

«На другой день была назначена погрузка. Утром, в районе гавани, перед обоими ошвартовавшимися у стенки пароходами состоялась миленькая торжественная церемония. Был приглашен священник и хор певчих, приехал генерал Пржевальский, и назначенные по наряду военные части составили каре. Отслужили напутственный молебен, после которого генерал пожелал счастливого плавания. Он очень благодарил меня за что-то, потом обнял и поцеловал» [20].

Проводы молодого офицера со священником и певчими – свидетельство истинной, глубинной религиозности генерала Пржевальского, сопутствовавшей ему всю жизнь.

Согласно биографическому энциклопедическому словарю К.А. Залесского [21], генерал М.А. Пржевальский в 1919 году уехал в эмиграцию. Этот факт со ссылкой «на Залесского» сообщают и другие источники [22].

Мы нашли сведения, которые доказывают, что Пржевальский уехал из России позднее, в 1920 году. Но, главное, он вскоре вернулся на Родину и активно сражался на фронтах Малой гражданской войны, как минимум, до апреля 1922 года.

20 марта 1920 года Первая Конная армия красных под командованием Будённого окружила Майкоп. Белая армия оказала ей упорное сопротивление, а затем сама перешла в контратаку при поддержке трёх бронепоездов. Однако отстоять город не удалось. Белые понесли большие потери и отступили в горы [23]. Руководил белыми войсками генерал Пржевальский. Такой вывод можно сделать на основании воспоминаний участника тех событий большевика Петра Ильича Сиуды (позднее зампредседатель Ревкома г. Майкопа). Он жил в городе на нелегальном положении в то время, когда в нём находилась белая армия. Теперь Сиуда радостно встречал Конармию Будённого. А на следующий день он проводил митинг «по поводу похорон трёх тысяч расстрелянных и повешенных генералом Пржевальским» [24]. Огромная цифра «расстрелянных и повешенных» выглядит сомнительной, хотя, конечно, не стоит представлять Белую армию «ангелами во плоти». Мы много раз убеждались в том, что гиперболизация – характерный приём красных, повествующих о «зверствах» белых. Однако из слов П. Сиуды следует, что в Майкопе был генерал Пржевальский, и в этом вряд ли можно сомневаться.

Белая армия отступила в Новороссийск, оттуда эвакуировалась в Турцию. Это был первый исход Белой армии. Генерал Михаил Алексеевич Пржевальский в марте 1920 года уехал из Новороссийска на

корабле «Брауенфелз» на остров Лемнос [25]. Генерал Деникин, сняв с себя полномочия Главнокомандующего ВСЮР, вместе с Добровольческим корпусом генерала Кутепова отбыл из Новороссийска (12–14 марта 1920 г.) в Крым, 23 марта уехал из Севастополя на английском корабле в Константинополь, а оттуда в Англию.

Накануне, 22 марта, Врангель приехал в Россию, чтобы возглавить Белое движение. Он прибыл из Константинополя на том же английском корабле «Император Индии», который увёз Деникина [26].

Через семь месяцев (16 октября 1920 года) после своего отъезда генерал Пржевальский вернулся в Крым на корабле «Херсон» [27]. Что же произошло с армией за время его отсутствия? Белая армия стала называться Русской армией, командующим стал барон П.Н. Врангель, объявивший себя военным диктатором и присвоивший себе всю полноту власти. В июне 1920 года 25-тысячная Русская армия вышла из Крыма, заняла северные уезды Таврической губернии и продвинулась в направлении Екатеринослава и Таганрога. Однако развить успех не удалось. Крестьянство Таврии и казачество Дона и Кубани не хотело воевать. Для расширения зоны влияния Русской армии Врангель провёл в августе высадку трёх морских десантов на Кавказское побережье Азовского моря, но все они были разгромлены Красной армией, которая 28 октября форсировала Сиваш, взяла Перекоп и 17 ноября 1920 года заняла Крым. Врангель со своей армией на кораблях союзников эвакуировались в Турцию.

День, когда от берегов Крыма отошел последний транспорт с беженцами, тем не менее, не стал последним днем Белой борьбы с большевизмом на территории России.

Генерал Пржевальский прибыл в Крым ровно за месяц до поражения Русской армии и ... отправился на Кубань.

Советская историография описывает период после изгнания Русской армии Врангеля в ноябре 1920 г. как мирный, созидательный, изредка нарушаемый выступлениями отдельных кулацко-эсеровских банд. Однако действительность была иной.

Вся Россия в 1920 – 1922 годах полыхала восстаниями. На Кубани и Северном Кавказе действовали отряды Пржевальского, Ухтомского, Назарова, Трубачёва, Юдина, Кривоносова, Дубины, Рендскова [28].

На Кубани [29], Северном Кавказе, в Причерноморье после эвакуации Белой армии осталось не менее 20 тыс. активных бойцов, находившихся на нелегальном положении. С мая по конец июля 1920 г. прошла тайная мобилизация казаков в Белую армию, чему способствовал переход основной массы казачества в оппозицию к советской власти [30].

В конце июня 1921 года штаб Кубанской повстанческой армии приступил к созданию регулярных войск, заменяя отряды сотнями, полками, бригадами [30].

18–19 июля 1921 года близ станицы Бакинской состоялось совещание представителей повстанческих отрядов. Повстанцы всех направлений объединились в группу войск, которая стала называться «Кубанской повстанческой армией». Командующим Кубанской повстанческой армии стал генерал Михаил Алексеевич Пржевальский. Штаб Кубанской повстанческой армии состоял из генералов Афросимова, Марченко, Лукоянова, сотника Захарченко и хорунжего Лихбата. Начальник штаба – полковник Алексеев [31, 32].

На совещании в июле 1921 года был выработан план перехода от пассивного состояния к широкому открытому наступлению. Кубанская повстанческая армия, по советским данным, насчитывала 7 тысяч человек.

Против неё было выставлено 23,5 тысячи красных бойцов, т.е. в три раза больше. Для борьбы с повстанцами было создано Краевое военное совещание в Ростове-на-Дону под председательством К. Е. Ворошилова и введены репрессии к тем, кто поддерживал [33]. Этот фронт борьбы с повстанцами Советское правительство считало главным. Развернулась неравная борьба.

Беспощадные репрессии, создание Южного фронта и Управления по формированию запасных войск Кавказского фронта для борьбы с повстанцами – способствовало подавлению повстанческой борьбы.

В конце сентября 1921 года Кубанская армия Пржевальского собиралась перейти реку Белую и уйти в предгорья Кавказского хребта. Буденный, узнав этот план, занял своими частями все переправы и броды на Белой. Красная конница стояла также на южном берегу Кубани и на реке Лабе. Повстанческая армия оказалась запертой между реками Кубань, Белая и Лаба. Оставался только один выход: идти на юг к селу Белое. Но и этот путь был отрезан Красной армией. Сюда форсированным маршем от станицы Курганная пришла 2-я кавалерийская бригада 4-го Кавказского дивизиона. Этот маневр оказался полной неожиданностью для повстанцев [34].

С.М. Будённый так описывает это событие в своих мемуарах [35]: «Противник ночью 22 сентября двинулся из станицы Преображенской на село Белое, чтобы переправиться здесь через реку и уйти в горы. Как потом выяснилось, выход сюда кавбригады не был известен противнику.

Около 23 часов 22 сентября колонна бандитов подошла к селу. Наши бойцы встретили ее сильным огнем пулеметных тачанок. Бан-

да потеряла свыше двухсот человек убитыми, 110 человек было взято в плен.

В числе убитых – начальник штаба армии полковник Алексеев. Генералу Пржевальскому с личной охраной удалось бежать. Генерал Пржевальский с конвойной сотней ушел на побережье Черного моря, видимо отказавшись от идеи «автономной Кубани». Впоследствии разошлась по домам и конвойная сотня, а сам генерал с немногими приверженцами, в том числе сотниками Захарченко и Лукьяненко (он же генерал Степной), присоединился к банде Ющенко».

Из обширной литературы о гражданской войне известно, что многие крупные советские военачальники за борьбу с Белой армией, в том числе и за операцию по разгрому Кубанской армии Пржевальского, получили награды и повышение [36, 37].

Сведения о повстанческой Кубанской армии Пржевальского появились совсем недавно. Это связано с тем, что для советской исторической науки не существовало Малой Гражданской войны, боевых действий в 1921–1923-х годах. Многие годы имя генерала М.А. Пржевальского было вычеркнуто из русской истории.

Но 80 лет назад о нём знали не только большевистские политические лидеры и военные в Москве. Имя генерала Пржевальского было широко известно на Кубани: оно притягивало казачью молодёжь, с ним связывали свои надежды на возврат прежней жизни старые казаки.

Молодой казак Константин, отплывая от родного берега на чужбину, жалел, что не остался с повстанцами Пржевальского [38]. Старый казак после поражения Кубанской повстанческой армии говорил, что: «люди всё больше понимали, что всё это (Советская власть, – Л.П., Н.П.) серьёзно, растаяли последние надежды. Последние казаки ушли из камышей в горы. По слухам, там ещё оставался отряд генерала Пржевальского» [39].

Где скрывался генерал Пржевальский со своими приверженцами после разгрома Кубанской повстанческой армии? Возможно, он был где-то в горах на побережье Чёрного моря за Новороссийском («бухта Жуглы, севернее Поти или южнее Новороссийска»).

Мы сделали это предположение на основании сообщений [40, 41]. В них утверждалось, что (по агентурным данным ВЧК) Врангель собирался именно в эти места перебросить свою армию с Балкан в марте – апреле 1922 года для «завязывания связи с повстанцами Пржевальского». Однако военные действия Белой армии против Советской России не возобновились. Это была весна 1922 года.

Главные действующие лица Белого движения, которые были намного моложе Пржевальского, уже 2-3 года находились за границей. А

«мужественный старик», так чаще всего называли генерала в своих воспоминаниях его молодые соратники по Белой борьбе, Михаил Алексеевич Пржевальский, всё ещё сражался за Правое дело в России.

Он эмигрировал не ранее апреля 1922 года в Югославию и поселился в Белграде, где скончался 13 декабря 1934 года в Инвалидном доме и был похоронен с воинскими почестями на Новом кладбище в Белграде.

Примечания

1. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб., 2003.
2. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
3. 13. Флот в Белой борьбе. Под редакцией С.В. Волкова. М.: «Центрполиграф», 2002.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Минск, 2002. С. 230..
5. Первый Кубанский («Ледяной») поход. М., 2001.
6. Дерябин А. Белые армии в Гражданской войне в России. Вооружённые силы на Юге России.
7. Послужной список Алексея Кузьмича Пржевальского. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 5547. Л. 22-23.
8. Выступление И.В. Сталина на III Всероссийском съезде Советов 18 января 1918 года в газетном отчёте // Правда. 1918. №12-13. 17 и 18 января 1918 г.
9. Троцкий Л.Д. Между империализмом и революцией: Миф и действительность. М.: «Госиздат», 1922.
10. Иголкин А., Горжалцан Ю. Русская нефть, о которой мы так мало знаем. М.: Олимп-Бизнес, 2003
11. Деникин А.И. Указ. соч.
12. Дерябин А. Указ. соч.
13. Клавинг В. гражданская война в России: Белые армии. М.: «Военно-историческая библиотека», 2003.
14. Там же.
15. Деникин А.И. Указ. соч. С. 233.
16. Там же.
17. Кадесников Н. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в Белой борьбе. М., 2002.
18. Флот в Белой борьбе./ под ред С.В. Волкова. М.: «Центрполиграф», 2002.
19. Ваксмут А. Конец Каспийской флотилии времени Гражданской войны под командой генерала Деникина // Флот в Белой борьбе; Шуберт К. Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Там же.
20. Там же

21. *Залесский К.А.* Указ. соч.
22. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М.: «Гея», 1998. Т. 1.
23. *Ворожейкин А.В.* Солдаты неба. М.: «Воениздат», 1986.
24. Интервью с Петром Петровичем Сиудой. Июль 1988 г. Новочеркасск. Давид Мандель. 1991 г. <http://www.revkom.com/index.htm?/naukaikultura/siuda.htm>
25. Флот в Белой борьбе.
26. Там же.
27. Там же.
28. *Шамбаров В.Е.* «Белогвардейщина» М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
29. История Кубани. Краснодар; М. 1997.
30. *Симонова С.* «Беспощадное истребление, поголовное выселение» // Независимое обозрение. 15.03.2002.
31. *Врангель П.Н.* Записки». Минск, 2003.
32. *Будённый С.М.* Пройденный путь, М.: «Военная литература», 1959-1965. Кн. 1-2.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. История гражданской войны в СССР. М., 1958–1961. Т. 3–5.
37. Гражданская война 1918–1921. М., 1928-1930. Т. 1–3.
38. Про меня. // http://nativregion.narod.ru/simple_102.html
39. Там же.
40. *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орёл, Орёлиздат, 2000.
41. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 2. С. 257.

О. Зимовина, И.Н. Извеков (г. Сочи)

Генеалогическая культура: век XXI

Генеалогические общества в России вновь обрели легитимность после мирного принятия конституции 1993 года, что привело к возможности на их основе, как это практиковалось до революции, проводить консультации по изучению историй семей, дискуссии, семинары, чтения, коллоквиумы, конференции, издание специальной генеалогической литературы.

Ни у кого не вызывает сомнения, что человек как представитель семьи – частица непрерывно меняющегося государства (и в прошлом, и в настоящем). Семья как ячейка государства вносит свой вклад в его развитие, принимает участие в духовной жизни и формировании обще-

ства. Отдельная семья (ветвь рода) в тот или иной исторический период отражает и приумножает духовно-нравственный потенциал Отечества. В многовековой истории России имеются многочисленные примеры сохранения семьями сведений о ее становлении и развитии, о предках, сформированных поколениях. Фиксация и оперирование метрическими и памятливыми датами в жизни близких, способствуют упрочению родственных (кровных и свойственных) связей среди породненных современников и потомков. Такие сведения, как правило, накапливаются в домашних архивах семей, в подборках исторических и родоведческих материалов, в форме устных легенд, и являются основой для составления генеалогических документов семьи, ветвей рода.

В дореволюционной России такие систематизированные сведения часто передавались представителями фамилий в архивы специальных генеалогических служб государства для уточнения их генеалогической достоверности, накопления, учета и хранения. Следует отметить, что такое почтительно-уважительное отношение государства систематизации генеалогических хронологий шло из глубины веков и использовалось летописцами, историками, учеными для написания истории Российского государства. Генеалогические сведения, сохраняемые семьями как в письменной, так и устной форме, становились непреходящими ценностями и служили и фундаментом духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Такое воспитание в семье всегда основывалось на почитании предков, старших в роду, уважении семейных традиций и сохранении памяти о прошлом. Издревле проверенная временем жизненная мудрость россиян, обретенная в семьях как мораль и нравственность народа, отфильтрованными каплями оседала в его памяти, сохранялась и передавалась из поколения в поколение. Именно основы такого воспитания были отражены в первых программах народного образования дореволюционной России. Цель воспитания с середины XIX века выводилась из трех начал – православия, самодержавия, народности – и определялась следующим образом: «Разумный и добрый человек – вот незыблемая и бесспорная цель воспитания, как понимает его и слово Божие, и здравый смысл народа». Конечно, существовали различные концептуальные направления в формулировании целей нравственного воспитания: научное, житейское и религиозное, но они отражали интересы важнейших институтов: государства, семьи и церкви.

Нравственное воспитание человека было на устах у просветителей во все времена. Составляя свой толковый словарь русского языка В.И. Даль отразил суть для россиян понятия «нравственность»: «Нравствен-

ный, противоположно *телесному, плотскому*; духовный, душевный. *Нравственный быт человека важнее быта вещественного*. Относящийся к одной половине духовного быта, противоположно *умственному*, но составляющий общее с ним духовное начало: *к умственному относится истина и ложь; к нравственному – добро и зло*. Добронравный, добродетельный, благонравный; согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердцем гражданина. *Это человек нравственный, чистой, безукорной нравственности. Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьбу совесть и Бога*».

На Руси всегда считалось правилом хорошего тона всем живущим помнить и чтить родство свое, знать свою родословную как минимум семи поколениях. Ценилось знание истоков происхождения человека, степени его родства между кровными и свойственными родственникам. Культура помнить родство свое родилась вместе с человечеством и фиксировалась как устное (позднее письменное) генеалогическое известие. Первые генеалогические известия встречаются в этногенетических преданиях, древних эпосах, в Библии. Так, в «Новом завете Господа нашего Иисуса Христа» «От Матфея святое благовествование», (Глава 1), Родословие Иисуса представлено записями с 1 по 16 главу (по нисходящей схеме: от предков к потомкам) от Авраама до Иосифа (сына Иакова), обрученного с матерью Иисуса Марией. В записи 17-й читаем: «Итак всех родов от Авраама до Давида [царь, в 14-м колене от Авраама, – *И.И.*] четырнадцать родов; и от Давида [до Иехония и братьев его – *И.И.*] до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон [от Салафииля, сына Иехония, – *И.И.*] до Христа четырнадцать родов». Итого в трех периодах жизни прослежены 42 поколения (около 1500 лет); в каждом периоде по 14 колен (500 лет). Половины от каждого из периодов составляют цикл из семи колен, трактуемых как «Семь Я» (учитывается жизненный цикл развития семьи по мужскому началу, это охватывает период около 200 – 300 лет), что, например, для православных стало метанарративом жить в поле памяти родства семи колен. (Метанарратив – «большое повествование» о мире, в исчерпывающих трактовках и объяснениях которого определены цель и смысл и самого мира, и человека в нем).

Имеются и другие более поздние трактовки определения семьи как понятия «Семь Я», образующие, например, упрощенную государствен-

ную ячейку, состоящую из ребенка, его родителей, родителей отца и родителей матери. Поле такой семьи составляет три колена (охватывает жизненный цикл примерно в 100 лет).

Такое сознательное, выработанное веками почитание в народе своего родства русские философы относят к особенностям российской ментальности, порожденным православной культурой. Обращаясь к практике российской генеалогии, можно констатировать, что свою родословную знали далеко не все. Однако люди, обладающие общей культурой, были обязаны ее знать, так как родословие – память о предках, часть семейной, являющейся основой общечеловеческой, культуры. В средние века – поколенная роспись рода как генеалогический документ, утвержденный Палатой родословных дел, а в более поздние века – генеалогическое древо, красочное оформленное, являлись показателем достоинства многих российских семей и предметом особой гордости членов семьи, потомков за свой род.

Изучение истории семьи – это, прежде всего, целенаправленный сбор информации из разнообразных кладезей родоведческих материалов, которые позволяют человеку найти истоки и этимологию своей и породненных фамилий, проникнуться почтением к памяти о ключевых вехах в истории семьи, представить жизнь и быт кровных и свойственных родственников в поколениях, их занятия, традиции, обычаи, духовность. Переход этой информации во внутренние детерминанты поведения личности отражается в ее духовном самоопределении, в ориентации на социально-ценностное поведение и деятельность. На осознание своей принадлежности к семье и способствует прочности ее новообразований. Воссоздавая биографии незаурядных родственников из числа современников и предков, человек становится исследователем, берет на себя миссию посредника между прошлым и настоящим, прогнозирует будущее и отображает микроисторию малой родины предшествующих поколений, что приводит к более заметному интересу в познании истории Отечества. Именно с этого начинается процесс самоидентификации личности по семейной принадлежности, с генезисом своего рода (генеалогическая идентификация) в практической жизни, что знаменует собой едва ли не главную духовно-нравственную составляющую общекультурного уровня личности, делает ее более целостной.

Разработка проблем генеалогии как одного из инструментов сохранения «социальной памяти» занимает с незапамятных времен умы многих исследователей в разных науках. Но усвоение взрослеющим человеком культурно-исторического опыта (желанием выявить про-

шлое своей семьи и наследие своих предков) в современном гражданском обществе отдано, как правило, на откуп семье. Человеку свойственно хранить в своем сознании память о предках, обращаться, например, к памятным датам в истории семьи, поддерживать родственные, кровные и свойственные связи с современниками и потомками. По мере того как действия, связанные с познанием истории семьи проявляются в повседневной практической деятельности личности, они, с одной стороны, влияют на индивидуальное сознание и формируют генеалогическую культуру человека. С другой стороны, человек, являясь частью общества, проявляет себя в сфере общественных ценностей и отношений. В этом случае его личные убеждения попадают под влияние общей морали и становятся составной частью общественного сознания.

Справится ли современник с заданием воспроизвести историю своих предков в форме произвольного изложения на тему «Знаю ли я историю своей семьи?» (название условное).

С одной стороны, ныне живущий гражданин может записать те или иные сюжеты из истории семьи, не прибегая к тщательному генеалогическому анализу сохранившихся в его памяти семейных легенд. Что получится в результате такого труда, предсказать трудно. Будет ли преобладать в сюжете такого произведения продукт индивидуального или общественного сознания, будет ли отображена история семьи и насколько она окажется той микроисторией, что составит свою неповторимую канву в общей истории Отечества? Будет ли такое сочинение плодом эвристических догадок и предположений автора в области истории семьи или окажется в конечном итоге вымыслом?

С другой стороны, человеку свойственно воспроизводить историю семьи на основе некоторой доказательной базы – подтверждающих документов: государственных, юридических, семейных и других, которые могут быть классифицированы как устные, вещественные, письменные (официальные, исторические, семейные). В этом случае ему предстоит освоить законы исторической (семейной) генеалогии, и, руководствуясь основными положениями науки, на основе собранных материалов выступить посредником между своими предками и современниками (потомками), в роли исследователя-генеалoga конкретной семьи.

Как правило, многие начинающие исследователи истории семьи ограничивают свои разыскания, останавливаются на стадии сбора генеалогической информации на уровне родственных связей посредством опроса. Такая ситуация возникает из-за того, что в повседневной жиз-

ни основам генеалогии в системах различных уровней образования в России должного внимания не уделяется. Естественно, в своей основе граждане не знакомы с вопросами исторической (практической) генеалогии и ее проблемами. К сожалению, такое пренебрежительное отношение к генеалогии как отрасли исторических знаний, сформированное коммунистической идеологией за её более чем 70-летнее господство в XX веке, до сих пор в стране окончательно не преодолено.

Только благодаря энтузиазму отдельных педагогов в системе, например, школьного образования детям дается скудная информация о формировании родословной в российских семьях. В средних и высших учебных заведениях молодежи не предлагается не только факультатива или элективного курса по проблемам истории семьи (генеалогии), но даже и спецкурса по вопросам семьи в современном государстве. Такая ситуация сложилась не только в многочисленных технических вузах, но даже на гуманитарных и исторических отделениях университетов. О каком духовно-нравственном возрождении России, преемственности поколений и генеалогической культуры может идти речь, если вступившие в XXI век граждане порой не знают даже отчества своих дедов, бабушек и не представляют, как эти сведения установить?

Освоить приемы родословных разысканий в процессе самообразования – задача далеко не из легких. Для этого надо много времени. необходимы обращение к консультациям генеалогов, общение с исследователями других родословных и историй семей. Чаще всего такое общение люди находят в малочисленных генеалогических общественных организациях (которых в России неимоверно мало, да и объединяют они, как правило, в основном людей пожилого возраста). В библиотеках, за исключением известных книгохранилищ крупных городов (с миллионом жителей), получить информацию по родословным разысканиям практически невозможно из-за отсутствия в них генеалогической литературы и специалистов-генеалогов в библиографических отделах.

Если предположить, что начинающий исследователь на основе сформированной им мотивации воспроизвести историю семьи преодолел рубеж генеалогической безграмотности, определился в поиске и сборе нужных ему документов и материалов, то этот этап он завершает систематизацией своих наработок. Результат систематизации – не что иное как творческий процесс обобщения собранного материала в специальные генеалогические документы: родословные таблицы (восходящего и нисходящего родства), поколенные росписи, досье семьи, картотеки лиц, на основе которых формируются алфавитные списки персоналий в семье (ветви рода), определяющих кровных и свойственных родственников, наличие по-

родненных фамилий. В принципе, появление в арсенале исследователя таких наработанных основополагающих генеалогических документов дает ему право говорить о сформированном (восстановленном) домашнем (семейном) архиве. Завершающей же стадией такого исследования является работа над монографией по истории семьи (ветви рода или рода в целом).

Мы считаем, что генеалогическая культура, как один из важнейших аспектов общей культуры человека, несет в себе ценностно-смысловое, морально-нравственное начало, влияет на развитие нравственного сознания и чувств, обуславливающих этику и поведение личности. В проводимом нами исследовании с начала XXI века удалось установить, что генеалогическая культура характеризует субъективный мир человека и включает:

- генеалогические знания о существенных функциях и закономерностях исследования истории семьи, о приемах составления генеалогической структуры рода и установления генеалогической идентичности личности с предками;

- генеалогическую грамотность как осведомленность о фактах из истории происхождения семьи, рода, фамилии, семейных традициях, источниках поиска недостающей информации по истории семьи;

- умения систематизации родоведческих сведений по истории семьи;

- эмоциональную составляющую, как способность человека к сопереживанию своей семейной истории;

- ценностные ориентации, отражающие интересы и мотивы изучения истории семьи;

- умения устанавливать отношения и регулировать взаимодействия между родственниками, понять и принять современниками предков и предвосхитить ими связь с потомками;

- умения исследовательской деятельности, позволяющие показать родственные связи, раскрыть семейные традиции, выявить гражданские, нравственные, моральные позиции родовых поколений, их профессиональный и социально-ролевой статус в истории семьи, рода, Отечества;

- умения творческого осмысления и оформления результатов генеалогических изысканий в форме семейной монографии.

Процесс наших генеалогических исследований русских фамилий: Извековых, Зыковых, Каришевых, Лопухиных, Сыроевых, Зиновьевых (после 1995 года) и знакомство с российской и мировой историко-генеалогической литературой (родословными росписями, историями семей, справочниками, биографикой), материалами исторического кра-

еведения обосновывают необходимость включения генеалогической составляющей в учебно-воспитательную программу образовательных учреждений. Практика многолетнего консультирования граждан разных возрастных групп по вопросам изучения историй конкретных семей (ветвей рода) в генеалогических обществах и учащейся молодежи в ряде образовательных учреждений убеждает в том, что человек, обращающийся к памяти предков целенаправленно преумножает и становится обладателем семейных ценностей, которые в его сознании, как правило, не проходят бесследно. Наблюдения за работой людей по разысканию историй семей, за происходящими в процессе этой деятельности изменениями межличностных отношений, их поведения в социуме убеждают о положительном воспитательном влиянии генеалогических исследований на духовно-нравственное становление личности.

Генеалогическая составляющая в учебно-воспитательном процессе в образовательных учреждениях, увязанная с субъектной парадигмой формирования генеалогической культуры растущего человека, позволит развить мотивацию учащейся молодежи к целенаправленному изучению истории семьи, стимулировать преобразующее начало индивида, реализуемое через творческо-поисковую деятельность семейных (генеалогических) ценностей.

Для осуществления исследования истории семьи человеку необходимы знания по вспомогательным историческим дисциплинам, умения и навыки поисковой практической деятельности по разысканию родоведческих материалов, что и определяет педагогический аспект генеалогической деятельности. Процесс изучения истории семьи, приводит к изменению отношения исследователей-учащихся к микроистории семьи на фоне становления истории Отечества. Формирование генеалогической культуры осуществляется наиболее эффективно, если учащаяся молодежь разыскивает, наследует и преумножает социальные ценности через изучение истории семьи, современное образование и систематизирует на этой основе нравственные семейные ценности. В сложившейся ситуации приобщение молодежи к генеалогической культуре выстраивается на взаимодействии учащихся с семьями в целостной образовательной среде семьи и образовательного учреждения под руководством преподавателя-генеалога в процессе изучения, сбора, анализа и систематизации семейных ценностей воспитанниками с учетом закономерностей генеалогии.

Рассматриваемая концепция формирования генеалогической культуры учащейся молодежи в условиях изучения ими истории своей семьи базируется на педагогических феноменах: «генеалогичес-

кая идентичность» и «генеалогическая культура». Под *генеалогической идентичностью* понимается сформированная у учащихся под воздействием потребности человека достоверно воспроизвести жизнь предков, «картину исторического сознания», основанную на генеалогических знаниях, самоощущении молодым человеком собственной жизни с проекцией на историю своей семьи, своего народа, своей страны. *Генеалогическая культура* понимается как целостный, многоаспектный, разноуровневый феномен, определяющий нравственное становление личности учащегося в его генеалогической идентификации, в процессе изучения общеобразовательных и специальных предметов, а также в индивидуальной исследовательской деятельности по накоплению, сохранению и систематизации информации о своих предках и их роли в политической, экономической, культурной и социальной сферах жизнедеятельности.

Генеалогическая исследовательская деятельность нацелена на восстановление исторической преемственности поколений, направлена на формирование как индивидуального, так и общественного сознания на основе традиций российских духовных, нравственных и общечеловеческих ценностей, к возрождению величия Отечества, воспитывает гражданственность и формирует чувства патриотизма.

Изучать историю семьи равносильно приобщению к генеалогической культуре: осознать основы моральных и семейных ценностей, соприкоснуться с нормами поведения и нравственного идеала, прочувствовать свою генеалогическую принадлежность (идентичность) с представителями семьи, ветви рода, рода. В этом случае в поле зрения попадают проблемы личностной, гендерной, социальной, профессиональной, культурной, этнической идентичности. Они освещаются в таких науках как психология, социология, культурология, этнология и почему-то меньше всего в педагогике, когда через систему образования пытаются решать проблемы воспитания растущего поколения.

Примечание

1. *Извеков И.Н.* 500 лет на службе России: дворянский род Извековых от вяземских вотчинников до наших дней. – СПб.: Наука, 2002. – 599 с., ил.

2. *Извеков И.Н., Извеков А.И.* Из веков. Дворянский род Извековых [Текст]: монография / И.Н.Извеков, А.И.Извеков. - Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1998. - 133 с., ил.

3. *Извеков И.Н.* Зиновьевы в истории Российского государства: (Тысяча лет древнему роду) - Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. 2006. – 272 с., ил.

4. *Извеков И.Н.* Генеалогический феномен идентификации личности – Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG Saarbrücken, Germany. Номер проекта 1296. - 2011. – 188 с.

5. *Извеков И.Н.* Гербовед. – 2007. – № 96.

6. *Извеков И.Н.* Формирование генеалогической культуры старшеклас- сников - Сочи: – ИОТ РАО. – 2011. – 320 с.

7. *Извеков И.Н.* Ценностно-генеалогический подход к системе нравствен- ного воспитания школьников - Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. - 2008. - 210 с.

8. *Извеков И.Н.* Генеалогия в современном учебном процессе: методоло- гия курса «История семьи» – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Муд- рого. -2008. - 180 с.

9. *Извеков И.Н.* Генеалогическое исследование как средство духовно- нравственного воспитания молодежи // Генеалогический вестник. - 2005. - № 23. - С 17 – 23 .

10. *Извеков И.Н.* «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии» И.В. Аничкова как генеалогический раритет // Генеалогический вестник. - 2003. - № 13. - С. 25 – 34 .

11. *Извеков И.Н.* Элективный курс «Генеалогия и история семьи» // Народное образование. Серия «Школа и воспитание». – М., 2006. - № 5. - С. 208 – 214.

12. *Извеков И.Н.* Система нравственного воспитания школьников: гене- алогический аспект // Философия образования. – Новосибирск, 2008. - № 3 (24). - С. 157 – 163.

13. *Извеков И.Н.* К вопросу о нравственном воспитании // Образование. Наука. Научные кадры. – М., 2011. - №2. - С. 156 - 157.

14. *Извеков И.Н.* История семьи как фактор нравственного воспитания школьников // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2008. – Вып. 4 (60). - С. 148 – 154.

15. *Извеков И.Н.* Генеалогический подход к нравственному воспитанию молодежи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогика». – Волгоград, 2008. - № 7 (33). - С. 62 –66.

16. *Извеков И.Н.* Познай свою семью // Народное образование. Серия «Школа и воспитание». – М., 2008. - № 5. - С. 236 – 241.

17. *Извеков И.Н.* Генеалогическая культура – нравственная ценность в воспитании школьников // Человек и образование. Серия «Актуальные проблемы современного образования». - СПб., 2008. - № 2. - С. 26 – 29.

18. *Извеков И.Н.* Развитие генеалогической культуры личности // Гу- манизация образования. – Сочи, 2009. № 4. – С. 29 – 34.

19. *Извеков И.Н.* Формирование генеалогической культуры учащейся молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2010. – Вып. 11 (91). - С. 107 – 111.

20. *Извеков И.Н.* Генеалогическая культура в структуре нравственных ценностей развивающейся личности // Ценности и смыслы. – М., 2011. №2. С. 62-71.

21. *Извеков И.Н.* Генеалогический феномен идентификации личности // Народное образование. Серия «Школа и воспитание». – М., 2011. - № 4. – С. 128 - 137.)

22. *Извеков И.Н.* Особенности ценностно-генеалогического подхода как стратегии нравственного воспитания молодежи // Ценности и смыслы. – М., 2011. №3. –С. 162-171.

23. *Тихомиров А.* Курс педагогики, дидактики и методики. М. 1912.

А.Д. Цимцба (г. Краснодар)

Цели, задачи и обстоятельства учреждения Общества восстановления православного христианства на Кавказе

У каждой нации, как и у каждого человека, есть своя собственная история – единственная и неповторимая. Одни народы оказываются на столбовой дорожке развития цивилизации и добиваются расцвета, другие устраняются или оказываются вытесненными из исторического процесса. Прошлое народа можно воссоздать на основании богатого материального и духовного наследия, другие же оставляют после себя лишь незначительные следы своего бывшего существования.

Абхазия знакома со странными парадоксами и зигзагами истории как никакая другая страна, то возносящаяся на вершину успеха, славы и благоденствия, то низвергающаяся в пучину бедствий и невзгод.

В мае 1864 г. Россия завершила Кавказскую войну победным парадом своих войск на Красной Поляне (абхазское урочище Губаадвы), в верховьях р. Мзымта. Последнее сопротивление царским войскам на Кавказе оказало западноабхазское* племя горских садзов непокорных обществ Псху (верховья р. Бзыбь) и Аибга (между реками Псоу и Бзыбь, выше верховья р. Хашупсе).

Российская империя включила в свои пределы стратегически важный во всех отношениях край, который до этого пытались безуспешно покорить многие великие державы. Однако оформление политического господства над горцами еще не означало, что Кавказ стал окончательно российским. Силовое решение проблем, возникавших в

* Автор выражает одну из версий этногенеза садзов. Многие кавказоведы считают джигетов, садзов и др. причерноморскими абазинами. *Прим. научн. ред.*

Абхазии, Кабарде, Черкессии, Осетии, в горах Чечни и Дагестана, не способствовало сближению горцев с Россией.

В столь сложное время Царская администрация начинает изыскивать новые средства для укрепления своего влияния в этом регионе. Главным союзником и проводником политики России в этот период была русская православная церковь. Итогом объединения усилий светской и духовной властей явилось образование «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

Идея учреждения «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» (ОВПХК) принадлежала князю Александру Ивановичу Барятинскому, занимавшему с 1856 по 1862 год высокий пост Царского Наместника на Кавказе. В 1857 году он представил Его Императорскому Величеству Александру II через Начальника Главного штаба Кавказской армии Генерал-адъютанта Милютина записку «О положении христианской веры между горными племенами Кавказа», в которой были изложены аргументы о необходимости учреждения «Общества восстановления православного христианства на Кавказе, его цели и задачи» [1].

Проанализировав, как на протяжении столетий менялись религиозные взгляды народов Кавказа, А.И. Барятинский пришел к выводу, что еще несколько веков назад многие горцы: абхазы, адыги, осетины, народы Дагестана и Чечни исповедовали христианскую религию. Она являлась «господствующей в Кавказских горах» [2]. Ислам же для горцев был верой патриотической, в том смысле, что он являлся символом и знаменем их независимости, в которой для кавказца заключалось все, чем мила ему жизнь. Такая оценка веры с политической стороны существовала как у мирных, так и немирных горцев [3]. Наместник подчеркивал, что в середине XIX века религиозные понятия осетин, абхазов, хевсуров, сванов представляли странную смесь христианства, мусульманства и язычества. В религиозном противостоянии православной России и мусульманских народов Кавказа они оставались нейтральными, не сочувствовавшими ни одной, ни другой стороне. Учитывая, что у этих народов сохранились элементы христианства, необходимо было осознать всю важность процесса восстановления в горах православия для укрепления влияния России в этом регионе.

Наместник предлагал для достижения этой цели следовать не путем разрушения, уничтожения и истребления, как это происходило на протяжении почти ста предшествующих лет, «но с оружием христианства, со словом Евангельской любви и милосердия», неся горцам знания, новые приемы хозяйствования, знакомя их со всеми положительными сторонами жизни Российского общества

[4]. Светлейший князь считал, что необходимо восстановить древние, высоко почитаемые в свое время церкви, храмы и монастыри. Подготовить священнослужителей, которые владели бы кавказскими языками, перевести священное писание и главное, чтобы христианство воспринималось людьми не как средство угнетения, а как проявление покровительства России. А.И. Барятинский считал, что для реализации данной идеи на Кавказе необходимо организовать особое братство, в деле учреждения которого большую помощь правительству может оказать «союз частных лиц» с целью поддержания и распространения христианского учения среди кавказских народов [5].

За короткое время была разработана структура и основные направления деятельности предполагаемого братства, которое предлагалось назвать – братство «Воздвижения Святого Креста». В него могли войти лица обоего пола, различного положения и состояния, обязанные ежемесячно вносить определенную сумму на содержание духовенства, просвещение местного населения, сооружение и обновление церквей, а также прочие расходы. Члены братства делились на четыре разряда, в зависимости от суммы ежегодного взноса. Для каждого разряда устанавливался соответственный особый знак. Намечалось по всей России открыть ежегодную подписку, а один из членов Императорской фамилии брал братство под свой патронаж. А.И. Барятинский считал, что для большей пользы делу восстановления христианства Главное Управление братства должно находиться на Кавказе под председательством Наместника Кавказского и вице-председательством Экзарха Грузии, митрополита Картлийского и Кахетинского. Предусматривалось, что оно должно уделять основное внимание таким вопросам как: а) учреждение при семинариях и других учебных духовных заведениях особых классов для образования духовных лиц и изучения кавказских языков; б) сооружение и содержание церквей; в) просвещение детей горцев, открытие при церквях и монастырях школ; г) перевод на языки народов Кавказа церковной и прочей полезной литературы. Главное Управление должно было ежегодно представлять отчет, подлежащий опубликованию.

Со временем предполагалась возможность расширения границ деятельности братства, которое могло обратить свои взоры и на другие, нуждающиеся в просвещении регионы [6].

Таковы были предложения и представления Наместника Кавказского по организации «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». В такой непростой ситуации князь А.И. Барятинский призывал всех православных русской земли любовью, про-

свещением, высоко нравственными идеями и поступками «покорять» седовласый Кавказ.

Ознакомившись с представленной Наместником Кавказским запиской, Император Александр II выразил свое мнение: «Предмет этот нахожу весьма важным, но Мне кажется, что можно того же достигнуть без учреждения подобного братства... Записку можно внести в Кавказский Комитет» [7].

В течение последующих двух с половиной лет разрабатывался вопрос учреждения Общества, в его решении приняли участие помимо Императора Александра II и князя А.И. Барятинского, митрополиты Новгородский и Санкт-Петербургский, статс-секретарь граф Д. Блудов, Святейший Синод, Кавказский Комитет, а также местные церковные и гражданские деятели.

На заседании Кавказского Комитета, состоявшегося 14 декабря 1857 года, присутствующие заслушали предварительную записку Наместника Кавказского и «признали полезным учредить в Санкт-Петербурге особое Общество для поддержания Православия в Кавказских горах». Святейшему Синоду поручалось оказать содействие и помощь в этом вопросе. Комитет считал нужным организовать во всех церквях России сбор пожертвований на строительство в пределах Кавказа православных церквей [8]. Святейший Синод изъявил готовность во всем содействовать организуемому Обществу. Однако из-за отсутствия средств, он отказал в учреждении даже минимального денежного пособия [9].

Наместнику Кавказскому поручалось заняться составлением Устава Общества и объявления о сборе пожертвований на устройство православных церквей. Окончательно согласованные документы были представлены на утверждение Императора [10].

В сентябре 1858 года князем А.И. Барятинским были представлены проект воззвания и проект Устава Общества восстановления православного христианства на Кавказе, в котором были обозначены следующие основные положения:

1. Главное Управление делами Общества должно располагаться в Тифлисе, центре административного круга. «Перенесение этого направления в Санкт-Петербург имело бы величайшие неудобства, разделяя на огромное пространство высшее направление действий Общества от самого места этих действий, неминуемо произвело бы прежде всего медленность в делах, потом огромную и бесполезную переписку и наконец, множество недоумений и затруднений в практическом отношении». С учреждением его в Тифлисе правительство избежит подобных проблем.

2. Для членов Общества следует учредить особый знак, с разделением его на четыре разряда с соответствующим каждому разряду годовым взносом.

3. Помимо членских взносов Общество по мере надобности должно делать воззвания к пожертвованиям.

4. Действия Общества ограничивается сроком до трех лет [11].

При обсуждении данного Устава возникло немало вопросов. Участниками обсуждения были сделаны замечания по наименованию Общества, по внутренней организации, основным направлениям его деятельности и о пределах функционирования общества.

По мнению митрополита Филарета центром подобного Общества необходимо было сделать Санкт-Петербург, а по епархиям могли быть образованы его отделения [12].

Согласившись с некоторыми замечаниями митрополита Московского Филарета, граф Д. Блудов прибавил к ним несколько дополнений: по предполагаемому знаку отличия и по тому, на какой срок организовать данное общество [13].

Все предложения и замечания, сделанные деятелями русской православной церкви и светскими чиновниками, были представлены Наместнику Кавказа. Князь А.И. Барятинский, выразив глубокое уважение митрополиту Филарету и графу Д. Блудову, отметил, что предложения, сделанные ими, несомненно, приведут к желаемому всеми положительному результату. Представленные замечания Наместник Кавказа разделил на два ряда: основные, от которых зависит успех дела, и второстепенные, принятие или непринятие которых не могло иметь решающего значения. Рассматривая вопрос о названии Общества, Барятинский отвечал, что следует решить: должно ли оно только восстанавливать или распространять христианство. Внимательно обсудив этот пункт, Наместник Кавказа совместно с Киевским митрополитом Исидором и Экзархом Грузии Евсеем пришли к убеждению, что наименование «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» вполне соответствует самой сути дела.

Что же касается мысли митрополита Филарета о пребывании Главного Управления Общества в Санкт-Петербурге, князь А.И. Барятинский подтвердил выраженное им прежде убеждение, что оно должно находиться для пользы дела в Тифлисе [14].

Мнение же графа Д. Блудова о знаке отличия вполне согласовывалось с предположением князя Барятинского. Князь А.И. Барятинский разделял высказанное графом Блудовым мнение, что даже за три года упорной деятельности положительного результата в подобном

деле достичь невозможно. Наместник Кавказский считал, что этот пункт не столь важен и, возможно, это определение следует вовсе исключить [15].

Внимательно рассмотрев и изучив все предложения и замечания, правительство утвердило проект Устава Общества, предложенный князем А.И. Барятинским.

28 января 1860 года Император Александр II рассмотрел представление и признал полезным образовать «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Так как для успешной деятельности Общества необходимо иметь определенные денежные средства, Император Александр II дал указания организовать повсеместно в церквях особые кружки для сбора пожертвований на восстановление православия в Кавказских горах. По распоряжению Императора, Святейший Синод издал постановление об учреждении повинностей во всех церквях страны. С марта в храмах России выставлялись особые кружки для сбора денег с подписью «На восстановление Православия на Кавказе» [16].

9 июня 1860 года в Царском Селе на имя Наместника Кавказского, князя Барятинского была дана грамота Императора Александра II, по которой учреждалось «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». В ней в частности говорилось: «С покорением Кавказа, желая действовать к восстановлению в этом крае православия, но действовать путем убеждений, распространяя в горах слово Евангелия. Мы признаем полезным призвать к участию в этом великом деле всех ревнителей православия. Учреждая с этой целью особое Общество под названием «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Ее Императорское Величество, Любезная Супруга Наша Государыня Императрица Мария Александровна, ревнуя успехами православия на Кавказе, принимает это Общество под Свое особое покровительство». Наместнику Кавказскому поручалось перед началом деятельности Общества произвести соответствующие распоряжения. В заключение Император пожелал, чтобы организуемая миссия успешно продвигалась к поставленной цели под руководством А.И. Барятинского [17].

К грамоте был приложен и проект воззвания к русскому народу, одобренный Российским Императором [18].

1 июня 1860 года начало свою деятельность учрежденное в Тифлисе Общество восстановления православного христианства на Кавказе под непосредственным ведением Наместника Кавказского и преосвященного Экзарха Грузии архиепископа Картлийского и Кахетинского [19].

Перед Обществом ставилась цель – направить все свои силы и средства на восстановление православного христианства среди народов Кавказа, используя то, что православная вера содействовала единству России и имела свойства объединения, и могла «просвещением разума сделать мирных и верных граждан из вооруженных врагов церкви и Российской державы» [20].

Основными задачами Общества объявлялись: сооружение и содержание церквей и состоящего при них духовенства, открытие при церквях, в аулах, селах, деревнях школ для просвещения детей из горских семей, открытие с этой же целью особых классов при семинариях и других учебных заведениях духовной направленности, распространение миссионерской деятельности, составление письменности для горских народов и перевода на местные языки священных книг и другой служебной литературы, а также подготовка православных священнослужителей из местного населения [21].

Средствами для достижения поставленных целей и задач были указаны: материальная поддержка всех желающих успеха этому богоугодному начинанию и посильная помощь со стороны различных сословий обширного Российского государства [22].

Первыми мероприятиями, намеченными Наместником Кавказским по соглашению с Экзархом Грузии митрополитом Евсевием, по организации работы миссии являлись: образование, прежде всего, центральных органов Общества – Главного Управления и канцелярии. Но, так как по Уставу состав Совета образовывался из членов Общества, а последнее к 3 сентября 1860 года «еще не составилось», был создан «Временный комитет» для исполнения обязанностей, возложенных на Совет Общества. Он должен был разрешить первоначальные вопросы: на какие местности Кавказа должны быть обращены действия Общества и какие меры, определенные уставом, должны быть в начале приведены в действие? [23]

В состав «Временного комитета» вошли: князь А.И. Барятинский – председатель, Экзарх Грузии Евсевий, член Совета Наместника А. Фадеев и действительный статский советник Инсарский, на которого было возложено делопроизводство Комитета; а с 1861 года и протоирей Иоаким Романов [24].

Из-за неопределенности с денежными средствами предложенный Наместником Кавказским штат канцелярии Совета Общества, состоявший из правителя дел, двух производителей, бухгалтера, контролера, казначея, архитектора, двух старших писцов и двух младших, утвержден не был [25].

После принятия Устава Общества князь Барятинский представил Императору проект рисунков, знаков для членов миссии, и вместе с

тем обратился с просьбой к вице-президенту Академии Художеств, князю Г.Г. Гагарину о составлении проекта дипломов для ее членов. 25 декабря 1860 года эскизы знаков были обобраны Императором Александром II.

Приступив к работе, «Временный Комитет» принял решение ввести в состав Общества Осетинскую Духовную Комиссию (учрежденную в 1771 году), так как цели у них были тождественны. Для дальнейшей деятельности Комитет признал необходимым обратить все свое внимание на восстановление и упрочнение христианства в тех местах Кавказа, где оно еще не угасло: в Самурзакане (Южная Абхазия), в Сванетии, в Южной Осетии и в Тушино – Пшаво – Хевсурском районе Грузии.

Относительно вопроса, о том какие действия следует предпринять на первом этапе, Кавказский Комитет определил, что в деле восстановления православного христианства на Кавказе следует обратить внимание на те меры, которые могут возбудить в горах сознательное расположение к христианству. А для того, чтобы утвердить в горах основы православной веры, прежде всего, необходимо было распространить грамотность среди народов, населявших этот край, и направить к ним достойных проповедников христианской религии.

Царская администрация объявила основной целью Общества восстановление христианства среди народов Кавказа, а задачами – сооружение и содержание церквей, учреждение при церквях школ, проведение миссионерской деятельности среди горцев и создание для них письменности, перевод на кавказские языки священного писания и богослужебных книг [26]. Впоследствии Общество регулярно получало правительственные субсидии на пропаганду крещения среди населения Кавказа и открытие церковно-приходских школ.

Несомненно, что величественные храмы и древние монастыри, а также торжественно проводимые в них богослужения оказывали содействие в утверждении христианской веры в умах людей, вернувшихся в лоно православной церкви. Однако такая цель могла быть достигнута только тогда, когда священнослужители проповедовали бы христианские догмы на понятном и доступном для каждого горца языке. Самый великолепный храм может действовать только на воображение народа, но никак, ни на его сознание. Точно также ребенок, посещающий церковно-приходскую школу, не может прочно усвоить материал, если обучение будет идти не на родном языке.

Миссионерская и просветительская работа «Общества восстановления православного христианства» оказывала значительное содей-

ствие правительству в укреплении основ православной веры в крае и развитии народного образования. Как видим, эта организация идеально отвечала запросам Министерства народного просвещения.

Существенную помощь в реализации этой первоочередной задачи оказывало, несомненно, и духовенство в лице «Общества восстановления православного христианства на Кавказе, явившегося немаловажным инструментом в политике России на Кавказе».

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 91.
2. РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д. 113. Л. 7.
3. РГИА. Ф.797. Оп.52. 3 Стол. II. Отд. Л. 4.
4. О действиях высочайше утвержденного Общества Восстановления православного христианства на Кавказе. - СПб., 1861г. С. 1.
5. РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д. 113. Л. 12.
6. Там же. Л. 14.
7. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 99.
8. РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д. 113. Л. 4–5.
9. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 99.
10. РГИА. Ф.797. Оп.52. 3 Стол. II. Отд. Л. 11.
11. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 19-21.
12. РГИА. Ф.797. Оп.52. 3 Стол. II. Отд. Л. 33–35; РГИА. Ф.803. Оп.2. Д. 1520. Л. 284–286.
13. РГИА. Ф.803. Оп.2. Д. 1520. Л. 287.
14. Там же. Л. 289.
15. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 47.
16. РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д.113. Л. 32, 33, 38.
17. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК) за 1890 год. Тифлис, 1891. С. 13–14.
18. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 101.
19. РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д.113. Л. 79.
20. О действиях высочайше утвержденного Общества Восстановления православного христианства на Кавказе. С. 2; РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д.113. Л. 78.
21. РГИА. Ф. 799. Оп.13. Д.113. Л. 83, 92.
22. Там же. Л. 90–91.
23. О действиях высочайше утвержденного Общества Восстановления православного христианства на Кавказе. С. 11.
24. РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л. 115.
25. Там же. Л. 116.
26. О действиях высочайше утвержденного Общества Восстановления православного христианства на Кавказе. С. 12.

А.В. Кравченко (г. Краснодар)

Выражение Государю Императору Верноподданнических чувств в Кубанской области по случаю начала Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны, которую ещё называли Великой и Второй Отечественной, вызвало небывалый рост патриотических чувств и всеобщего одобрения.

И. Патронов на собрании участников Ледяного похода вспоминал первые дни Великой войны: «Все нам памятно первые дни объявления войны в 1914 году. В те дни Россия была объята тем воодушевлением, внутренним подъемом, который редко и лишь в исключительные моменты бывает в жизни наций. Казалось, что вся страна, как один человек, стала на защиту своей чести, своих интересов и национальных задач. Чувствуя за собой такую единодушную поддержку и армия наша, Императорская армия, выступила в поход легко, даже беззаботно, уверенная в своих силах» [1].

Генерал Н.Н. Головин рассказывал: «В 1914 году Русская Армия мирного времени насчитывала 1400000. С объявлением общей мобилизации призывались все раньше служившие в армии мирного времени. Они предназначались для доведения перволинейных войск, существовавших в мирное время, до штатов военного времени, для формирования второлинейных войск, для формирования частей и учреждений тыла, а также запасных батальонов, для пополнения потерь Действующей армии. Все это доводило численность Русской вооруженной силы до 4900000. Но кроме этих 4900000 военно-обученных людей в России существовало еще так называемое «ополчение». Численность ополчения измерялась 6000000. Из него предполагалось формировать специальные ополченческие части (дружины) для несения охранной службы в глубоком тылу, а также употреблять его, как рабочую силу. Состоя из людей совершенно военно-необученных, вооруженных совершенно устарелой винтовкой образца 1877 года, ополченческие части никакой боевой силы не представляли. В виду этого, наш план войны предполагал призвать при общей мобилизации для формирования ополченческих частей только 400000; остальная же

часть ополчения рассматривалась как резервуар людей, из которого, по мере надобности, в продолжение войны можно было черпать дальнейшие пополнения для запасных батальонов. Таким образом, наш план войны считал возможным начать войну, имея в своем распоряжении 5300000 людей. Интересно сравнить эту цифру с числом призванных людей во время войны: в течение 1914 г. было призвано 6553000, 1915 г. – 5047000, 1916 г. – 3048000, 1917 г. – 730000, итого – 15378000» [2].

Кубанская область на театры военных действий Великой войны выставила такие силы: «В годы Великой войны в действующей армии находилось 2264 офицера и 111.868 строевых и не строевых кубанских казаков, это 37 конных полков, 5 конных батарей, около 50 особых конных сотен и 18 пластунских батальонов, 1 дивизион, 2,5 гвардейские сотни, 12 команд при 45 тысячах строевых коней. Из этого числа было награждено высокими наградами 117 офицеров и 30.161 казаков, потери составили 3964 убитыми, 20.886 ранеными и 2269 пропавшими без вести» [3].

Кубанская область отличилась не только непосредственным участием в ратных делах, но и своей поддержкой Государя, одобряя военную кампанию. На отдельных примерах эти факты проливают свет на настроения в Кубанской области.

Так 10 августа свою преданность выразили казаки ст. Баракаевской: «Просим ваше Высокоблагородие повергнуть к стопам Его Императорского Величества выражение верноподданнических чувств преданных казаков ст. Баракаевской... 10 августа была отслужена заздравная литургия за Батюшку-Царя, Матушек-Цариц и Наследника, начальников и всех храбрых воинов. На Церковной площади отслужен молебен в присутствии портрета Государя Императора Николая Александровича и даровании победы над врагом» [4].

13 августа 1914 года была отправлена телеграмма Наказному атаману по мобилизации от полковника Потто: «Первый Хоперский полк, следуя в состав Кавказской кавалерийской дивизии на поле брани и верный заветам своих предков в годину злых испытаний становится грудью на защиту Царя и Отечества. Бесконечно счастлив своим назначением, просит ваше Превосходительство повергнуть к стопам обожаемого монарха чувства беспредельной любви и отваги, градь которых победа или смерть» [5].

Но не только казаки и регулярные казачьи части, отправляющиеся на фронт, выражали свое единение с Государем, но и другие коренные жители Кубанской области: «1914 г. августа 14 дня. Мы, нижеподписавшиеся жители аула Егерукаевского Майкопского от-

дела в присутствии нашего аульного старшины Якуба Егиева, собравшись сего числа в соборной мечети нашего аула и помолясь Единому Господу Богу о здравии Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича с Августейшим семейством и даровании победы над врагами Российскому воинству, постановили просить Ваше Высокоблагородие повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича верноподданнические чувства наши» [6].

Показателен пример целого народа, а именно карачаевцев, поддержавших Государя и готовых в любой момент пожертвовать всем для защиты России. Об этом говорится в телеграмме от 5 августа для атамана Баталпашинского отдела войскового старшины Безладнова: «Карачаевский народ, узнав об объявлении Германией России войны, уполномочил меня (начальник 1-го участка штабс-ротмистр Федоренко) просить Вашего ходатайства через начальника Кубанской области всеподданнейше повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора чувства беспредельной преданности и верности престолу и Отечеству, готовность во всякую минуту принести не только все свое достояние, но и саму жизнь и просить Его Императорского Величества сформировать из карачаевцев отдельную кавалерийскую часть и отправить таковую на театр военных действий» [7].

О важности духовной составляющей в Русской Армии и ее изменении в течение всей военной кампании писал П.Н. Краснов: «Воин Христов не боится смерти. «Он чаёт воскресения мертвых и жизни будущего века». Он прозревает дивную красоту этой вечной жизни, перед которою так ничтожна жизнь земная. Как бы ни совершенствовались технические орудия войны ... главною силою, решающею успех сражения и дающею выигрыш всей кампании, был, есть и будет человек, как воин и боец, человек, как совокупность человеческих душ – общество, человек, как нация, с ее душою и силою сопротивляемости.

Не странно ли, что в 1914 – 1916-е гг. Русская армия, слабая тяжелой артиллерией, почти не имевшая аэропланов, без снарядов и патронов, ибо были дни в 1916-м году, на Днестре и Пруте, когда я, на конно-горную батарею, входившую в состав Высочайше вверенной мне 3-ей бригады Кавказской Туземной дивизии, имел всего по семи выстрелов на орудие в день, – наша армия, иногда не имевшая даже ружей на всех бойцов, – оборонила Варшаву, взяла Перемышль, пробилась через Карпатские горы в Венгерскую долину, отражая иногда камнями, за неимением патронов, австро-венгерские атаки.

Однако та же армия, вполне вооруженная, с аэропланами, тяжелыми пушками и газами, засыпанная патронами и снарядами, не-

удержимо бежит в 1917-м году, под Калушем, учиняя Тарнопольский погром! Не те люди стали в армии. Не та стала – душа армии» [8]!

Вот что давало духовное единение народа, армии со своим Царем-Батюшкой, которое отразилось на настроении армии в первые дни войны. Первая мировая война, забытая и оклеветанная, до сих пор «не нужная», была поддержана всеми народами Российской Империи, откликнувшимися на призыв Царя, подтвердившими на деле свои верноподданнические чувства. Это исторический пример для будущих поколений, для воспитания защитников Отечества и единства всех народов России. «Когда воссияет над Россиею снова тот Тихий Свет, что был над нею в дни ее славы, когда мы Бога боялись и Царя чтили, тогда снова встанет она: Великая, Единая и Неделимая» [9].

Примечания

1. *Казанович Б.И., Кириенко И.К., Николаев К.Н.* В память I-го Кубанского похода. Белград, 1926. С. 80 – 81.
2. *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. План войны. Париж, 1936. С. 1 - 2.
3. *Ратушняк В.Н.* История Кубани в датах, событиях, фактах. Краснодар, 2003. С. 138.
4. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 10763. Л. 31.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 10763. Л. 26.
6. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 10763. Л. 29.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 10763. Л. 35.
8. *Краснов П.Н.* Душа армии. Берлин, 1927. С. 6.
9. *Краснов П.Н.* Единая-неделимая. Сантени, 1924 . С. 1.

Сведения об авторах

1. *Алиев Камиль Магомедсалихович*, кандидат философских наук, этнополитолог, главный редактор республиканской общественно-политической газеты «Елдаш» (г. Махачкала)
2. *Бабич Александр Владимирович*, главный специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)
3. *Батчаев Шамиль Мухтарович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Черкесск)
4. *Бондарь Виталий Вячеславович*, кандидат исторических наук, директор Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия (г. Краснодар)
5. *Брацун Егор Владимирович*, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, член правления общественно-исторического движения «Белая Кубань» (г. Краснодар)
6. *Вартаньян Эгнара Гайковна*, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар)
7. *Галич Александр Михайлович*, ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)
8. *Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович*, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала)
9. *Дмитриева Надежда Владимировна*, директор департамента культуры Московского Дворянского Собрания, искусствовед, член Союза писателей России (г. Москва)
10. *Зимовина Ольга Алексеевна*, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией индивидуального обучения Института образовательных технологий Российской академии образования (г. Сочи)
11. *Извеков Игорь Николаевич*, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории духовно-нравственного воспитания личности Института образовательных технологий Российской академии образования (г. Сочи)

15. *Кравченко Александр Владимирович*, член правления общественно-исторического движения «Белая Кубань» (г. Краснодар)

16. *Мартианова Ирина Юрьевна*, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин филиала Кубанского государственного университета в г. Новороссийске (г. Краснодар)

17. *Матвеев Олег Владимирович*, доктор исторических, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

18. *Маяковская (Кругликова) Галина Ивановна*, потомок дворянского рода Кругликовых (г. Сочи)

19. *Нахимов Александр Павлович*, вице-предводитель Московского Дворянского Собрания, потомок морской династии Нахимовых (г. Москва)

20. *Русанов Константин Владимирович*, научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина)

21. *Санеев Сергей Александрович*, краевед, секретарь Новороссийского исторического общества (г. Новороссийск)

22. *Семенов Александр Альбертович*, доктор исторических наук, профессор, кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (г. Армавир)

23. *Слободенюк Виктор Викторович*, ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)

24. *Пржевальский Николай Михайлович*, доктор химических наук, профессор кафедры физической и органической химии РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, председатель Суда Чести Российского Дворянского Собрания (г. Москва)

25. *Пржевальская Людмила Константиновна*, кандидат химических наук, автор ряда публикаций по истории и генеалогии рода Пржевальских (г. Москва)

26. *Фролов Борис Ефимович*, старший научный сотрудник отдела истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

27. *Цимцба Адгур Людвигович*, кандидат исторических наук, доцент Академии маркетинга и социально-информационных технологий (г. Краснодар, г. Сухум, Абхазия)

28. *Чикаева Карина Суреновна*, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологи Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар)

29. *Шевченко Галина Николаевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

30. *Шкуро Владимир Ильич*, историограф Дворянского Собрания Кубани (г. Краснодар)

Содержание

Отечественная война 1812 г. и Русское дворянство

<i>А.А. Семенов</i> Франция и Россия в Отечественной войне 1812 г.: от противостояния к новому облику европейской цивилизации	3
<i>К.С. Чикаева</i> Патриотизм народа как источник победы в Отечественной войне 1812 года	11
<i>О.В. Матвеев</i> Уроки малоизвестной полемики об участии казачества в Отечественной войне 1812 года	17
<i>Г.Н. Шевченко</i> Участие черноморских казаков в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813–1814 гг.	27
<i>В.И. Шкуро</i> Государственная граница – Москва-Париж: Пути казаков Кубани в Отечественной войне 1812 года	31
<i>Б.Е. Фролов</i> Герой Отечественной войны 1812 г. А.Д. Безкровный	42
<i>В.В. Бондарь</i> Представители рода фон Засс – участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг.	51
<i>В.В. Слободенюк</i> Кубанцы в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года	61
<i>И.Ю. Мартианова</i> Отечественная война 1812 года как событие в жизни поколений 20-50 гг. XIX в. По воспоминаниям дворян.	68
<i>К.М. Алиев</i> Они сражались за Россию: о кумыках, участниках войны 1812 года с Наполеоном	74
<i>Н.Д. Дмитриева</i> Род Панчулидзевых на службе Отечеству	81
<i>А.П. Нахимов</i> «Восставший народ не сломить...»: о вкладе народного партизанского сопротивления в нашу победу в Отечественной войне 1812 года.	86

<i>Э.Г. Вартаньян</i> Взлёт и падение маршала Мюрата	115
<i>Г.И. Маяковская (Кругликова)</i> Роль дворянства в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813-1814 г.г. (на примере воинов из рода Кругликовых)	124
<i>С.А. Санеев</i> Премьер-министр Франции в истории Новороссийска	128
<i>Ш. М. Батчаев</i> Представители аристократии Карачая на службе Российской империи	135

Традиции служения России в исторических судьбах русской и северокавказской служилой элиты

<i>Г.-Р.А.-К. Гусейнов</i> Обретение эпонима: Хасан-Хусейн. Генеалогия кумыкского рода Гусейновых в контексте истории Кавказской войны	142
<i>А.В. Бабич, А.М. Галич</i> Из послужных списков выпускников Ставропольского казачьего юнкерского училища генералов Мистулова Э.А. и Нальгиева Э.А. – славных представителей горской элиты Кавказа.	151
<i>Е.В. Брацун</i> Участие офицеров-горцев Северного Кавказа в походах Русской Императорской армии в Персию 1909 –1917 гг.	163
<i>Л.К. Пржевальская, Н.М. Пржевальский</i> М.А. Пржевальский – разведчик, дипломат, выдающийся военачальник	170
<i>К.В. Русанов</i> Н.С. Каринский – последний начальник Черноморской губернии	178
<i>Л.К. Пржевальская, Н.М. Пржевальский</i> Генерал М.А. Пржевальский и Белое движение	187
<i>О. Зимовина, И.Н. Извеков</i> Генеалогическая культура: век XXI	196

<i>А.Д. Цимцба</i> Цели, задачи и обстоятельства учреждения Общества восстановления православного христианства на Кавказе	206
<i>А.В. Кравченко</i> Выражение Государю Императору Верноподданнических чувств в Кубанской области по случаю начала Первой мировой войны	215
Сведения об авторах	219

**«Недаром помнит вся Россия...»: эпоха 1812 года
и Русское дворянство»**

*Материалы
VIII Международных Дворянских чтений
(2012 г.)*

ПЛД № 47–52
Отпечатано в типографии
ГАУК КК «Кубанькино»
350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89.
Подписано в печать
Усл. печ. л. 14
Тираж 100 экз.